II.

ШИХЪ-МАНСУРЪ.

ВОСТОЧНЫЙ РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

В. И. САВИНОВА.

ЧАСТЬ I.

СТЕПИ.

I

Страшною и жестокою зимою начался 1775 годъ въ степяхъ Киргизовъ. Безпрестанныя вьюги, морозы, невыносимые даже для дикаго киргиза, сокрушительные метелицы и ураганы — внесли съ собою моръ, болѣзни и голодъ въ зимнія кочевья дикарей. Скотъ цѣлыми *атарами* *) погибалъ подъ снѣгомъ; дикіе наѣздники, враждовавшіе тогда съ вѣчными своими врагами — башкирцами, прекратили мстительные наѣзды, и, ожидая съ каждымъ часомъ гибели, заперлись въ юрты.

*) *Атара* — стадо.

Усть-Уртъ, эта плоская гора южныхъ степей, обрѣзанная *Чинкомъ* *) и сжатая между заливомъ Гикъ-Карасу и Аральскимъ моремъ, представляла печальную, мертвую пустыню, занесенную глубокимъ снѣгомъ; протяжный вой вѣтра, бушующій ураганъ да метель нарушали безмолвіе и однообразіе степи, оцѣпенѣвшей въ могильномъ спокойствіи.

Развѣ только человѣкъ, разорвавшій всѣ связи съ людьми и кровными, или фанатикъ *Хаджа* — могли тогда скитаться въ этой степи, гдѣ на каждомъ шагу грозила смерть мучительная и вѣрная.

Не смотря однакоже на всѣ ужасы описанной нами картины, въ первый день *Рузе* **), за нѣсколько часовъ до ночи, на обрывахъ Чинка показался всадникъ. И конь и всадникъ представляли одну обледенѣвшую глыбу снѣга. Казалось, въ послѣднемъ не было нисколько жизни. Опустивъ поводья и склонивъ на грудь голову, онъ оставался безъ всякаго движенія въ сѣдлѣ, въ то время, какъ продрогнувшій конь его, съ послѣдними усиліями выбрался на равнину Усть-Урта. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, животное испустило пронзительное, болѣзненное ржаніе и, шатаясь, рухнуло на снѣгъ ... Къ счастію киргиза, нетвердо державшагося въ стременахъ во время паденія лошади, онъ не былъ придавленъ ею, но вылетѣлъ изъ сѣдла. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди путника, призваннаго теперь къ жизни и мысли ... Онъ вздрогнулъ, готовый приподняться, но окоченѣвшія члены не повиновались ему и только мутные глаза его, сжимаемые предсмертнымъ сномъ къ новому ужасу страдальца, обѣжали печальную окрестность. День уже умиралъ надъ степью. Вдали, на склонѣ горизонта, какъ будто-бы слившагося съ равниною, выбѣгали черныя массы облаковъ, предвѣщая новую непогоду. Высокіе холмы, курганы и могилы *батырей*, повитые снѣжнымъ саваномъ, безмолвно возвышались надъ равниною, надъ ними рѣяли обычные жильцы степей — беркуты и казарки, и только кое-гдѣ, раскиданный по равнинѣ кустарникъ *баялиша* ***) качаемый мимолетнымъ вѣтромъ, шумѣлъ своими сухими сучьями ... При такой печальной и суровой картинѣ природы, потухающій взглядъ несчастливца сверк-

---

*) Чинкомъ киргизы называютъ крутой обрывъ, разрѣзывающій равнину Усть—Урта. Онъ тянется отъ южныхъ береговъ залива Гикъ-Каррасу, въ видѣ полукруга, обращеннаго дугою на югъ, и оканчивается у залива Сарамасатъ. Многіе, какъ кажется, справедливо предполагаютъ въ этомъ обрывѣ берегъ когда-то высохшей рѣки.

**) Мусульманскій постъ, продолжающійся цѣлый мѣсяцъ.

***) Баялишъ — сухой, голый и безплодный кустарникъ, встрѣчаемый на равнинѣ и составляющій всю ея растительность.

нулъ огнемъ жизни ... Быть можетъ ужасъ, который невольно ощутилъ онъ, сознавая свою близкую гибель и отсутствіе всякой помощи, заставили его очнуться ... Съ большимъ усиліемъ онъ судорожно приподнялся на локтяхъ и обратилъ голову въ ту сторону, гдѣ лежалъ его издыхающій конь.

Вмѣстѣ мы отжили съ тобою таварищъ! — рѣшительно и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ киргизъ, въ изнеможеніи опускаясь на снѣгъ ... Но въ эту минуту, когда уже странникъ, съ вѣрою въ предопредѣленіе и такъ равнодушно готовъ былъ разстаться съ жизнію, почти надъ самою его головою послышались храпѣніе усталой лошади и заунывный напѣвъ стиха изъ корана. Мысль о спасеніи и встрѣчѣ съ живымъ существомъ въ этомъ ледяномъ гробу, какъ электрическій токъ, пробѣжала по всему тѣлу умирающаго ... Онъ снова и быстро приподнялся на колѣни и съ воплемъ протянулъ впередъ руки ...

— Га!..*Досъ*!..*) какой *Худай***) засыпалъ тебя снѣгомъ и перегрызъ горло твоему коню?—весело вскричалъ другой путникъ, только-что поднявшійся на обрывы Чинка. И не теряя ни минуты, онъ выпрыгнулъ изъ сѣдла и подбѣжалъ къ умирающему ... Посинѣвшее отъ стужи лицо послѣдняго выражало мольбу и страданіе, а сжатыя губы и полуоткрытый взглядъ высказывали близкій конецъ его. Путникъ наклонился къ умирающему, желая вглядѣться въ искаженныя черты лица его и съ крикомъ изумленія въ ту же минуту отшатнулся назадъ ...

— Аллахъ! ... Аллахъ! — прошепталъ онъ — Батырь-Ша,! ... Да не играетъ ли моими глазами какой-нибудь Яурунчи или Баксы! ***) Онъ! здѣсь ... въ степи ... полуживой отъ стужи ... великій Батырь-Ша, какъ кусокъ льду легъ на дорогѣ подъ ноги коня моего! ...

Повторенное нѣсколько разъ имя умирающаго Батырь-Ша снова призвало его къ жизни. Тяжелымъ вздохомъ и печальною улыбкою отвѣчалъ онъ на слова незнакомца, стараясь прошептать что-то.

— Онъ еще не совсѣмъ замерзъ ... Пророкъ не даетъ умереть на распутьи вѣрному хранителю его мудрости, какъ псу — сказалъ незнакомецъ. — Очнись, Батырь-Ша !.. Это я .. твой ученикъ!... Съ послѣдними словами путникъ быстро вынулъ изъ-за пояса фляжку съ *аракомъ* ****) и, раскрывъ ротъ своего учителя, влилъ въ него нѣ-

---

*) *Досъ* — другъ. *Досъ — досталыкъ* — вѣчное и условное дружество, то-же, что у горцевъ Кавказа *кунчество*.

**) Злой духъ.

***) Колдунъ, кудесникъ, въ родѣ сибирскаго шамана.

****) У Киргизовъ аракъ гонится изъ сарачинскаго пшена: напитокъ весьма рѣдкій у нихъ.

сколько капель живительнаго напитка .—Ну-что?— спросилъ онъ послѣ двухъ или трехъ минутъ молчанія, во время котораго не спускалъ внимательнаго взгляда съ оживающаго лица своего паціента: еще?... Пей... пей, мудрый блюститель завѣтовъ великаго пророка !...

Вслѣдъ за послѣднимъ пріемомъ арака лицо Батырь-Ша покинуло свою синеватую блѣдность, щеки его заиграли румянцемъ, глаза ожили и, едва переводя дыханіе, онъ прошепталъ:

— Оживаю .. предсмертный холодъ въ груди моей... смѣнился живительною теплотой ... Подыми меня, Шихъ-Мансуръ!...

— Слава Аллаху! отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ, подымая своего учителя—какъ онъ называлъ его — ты даже узнаешь меня ... во-время же я наѣхалъ...

— Да, тихо сказалъ Батырь-Ша, повидимому совершенно возвращенный къ жизни. Печальнымъ взглядомъ окинулъ онъ окрестность — и продолжалъ ... Еще нѣсколько минутъ—и я достался бы въ добычу голоднымъ волкамъ, какъ этотъ бѣдный конь ... Но, стой, Шихъ !.. я чувствую ... какая-то неизъяснимая теплота согрѣваетъ кровь мою ... голова моя кружится ... въ глазахъ темно ... Не ужели жидкость, которую пилъ я ...

— Это аракъ, мудрый Хаджа ...

— Аракъ!?... Зло, придуманное Худаемъ на гибель! — вскричалъ изумленный Хаджа, отступая назадъ :— и я пилъ его ?...

— Пилъ, мудрый Хаджа.

— Да, ты ли это, Шихъ-Мансуръ ?... Тотъ ли, которому я раскрылъ тайны завѣтовъ пророка? за что же, послѣ шестилѣтней разлуки, ты встрѣчаешь меня грѣхомъ и предательствомъ?

Шихъ-Мансуръ презрительно улыбнулся.

Пророкъ милостивъ — сказалъ онъ, — и завѣщалъ намъ рамазанъ не для того, чтобы правовѣрныя умирали съ голоду. Скажи, развѣ ты назвалъ бы нарушителемъ святаго закона несчастнаго странника, который послѣ трехъ-дневныхъ лишеній, истомленный жаждою, найдя въ степи ручей, рѣшился бы утолить эту жажду въ день рамазана до заката солнца? .. Я думаю — нѣтъ ... Такъ точно, глотокъ арака — не осквернилъ тебя, возвращая къ жизни ... Не пей его только, Хаджа, подъ плясовую пѣсню *кабызги,* *) а пей и за-

---

*) Кабызга и Чабызга, единственныя музыкальные инструменты киргизовъ. Первый похожъ нѣсколько на скрыпку; второй — дудка — выдѣлывамая большею частію изъ камыша.

ставляй другихъ пить для спасенія жизни, и повѣрь, что отъ этого не почернѣетъ золотая страница корана.

Слова эти, заключавшія въ себѣ болѣе язвительной насмѣшки и презрѣнія, чѣмъ дружескаго совѣта, видимо взволновали честолюбивую душу Батырь-Ша. Глаза его сверкнули огнемъ досады.

— Давно ли Шихъ-Мансуръ научился разсуждать такъ умно и свободно? — спросилъ Хаджа, стараясь подъ принужденною улыбкою скрыть свое волненіе.

— Съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ своимъ учителемъ ... Четыре года, проведенные въ трудѣ и бесѣдахъ между славными муллами Бухары развязали мой разсудокъ, который заарканилъ Батырь-Ша,—отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ .— Да, Хаджа, — продолжалъ онъ — ты научилъ меня только читать коранъ, — Бухарцы научили меня понимать его ... Не оскорбляй же меня твоимъ фанатизмомъ ... Передъ толпою изступленныхъ киргизовъ я самъ буду таковъ, но передъ тѣмъ, кто распеленалъ свой разсудокъ также какъ и я, не назову глотокъ арака вѣчной пагубой ...

Лучше бы я замерзъ, чѣмъ видѣть погибшими шестнадцать лѣтъ трудовъ и надежды, подумалъ Батырь-Ша ... И скрывая свои настоящія чувства, онъ, повидимому, съ восторгомъ обнялъ Шихъ-Мансура.

— Такъ, сказалъ онъ, — я это зналъ, что посѣянное мною принесетъ вѣрный плодъ ... И если не раскрылъ для тебя въ первое время испытаній всей глубины премудрости, то потому только, что тогда ты былъ еще молодъ, Шихъ-Мансуръ ... Должно было сначала научить тебя вѣровать ... Теперь-же ... я только желалъ испытать тебя ... и вижу, что не ошибся въ тебѣ ...

— Хитритъ, старый волкъ! подумалъ въ свою очередь Шихъ-Мансуръ.

— Ну, однако время дорого — продолжалъ Батырь-Ша, — ночь близка, а съ нею и непогода ... еще выберемся ли мы до новаго урагана къ аулу ...

— Аулъ недалеко ... одинъ часъ ѣзды — ... отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ,—я узнаю близость каратюлейскаго кочевья, вонъ ... по этому кургану ...

— Помоги, Аллахъ! — теперь не долго сбиться съ дороги: всѣ тропинки занесены снѣгомъ ...

— Ничего, только бы опередить новую вьюгу, а слѣдъ найдемъ . . сейчасъ проѣхала партія конныхъ хивинцевъ ... Ну, садись Хаджа — на моего коня ... я помѣщусь сзади.

Киргизцы вспрыгнули на коня и мелкою рысью пустились къ каратюлейскому кочевью.

Шихъ-Мансуръ снова запѣлъ одинъ изъ стиховъ корана, въ то время какъ товарищъ его, бросивъ поводья, утонулъ въ тяжелой думѣ о непрочности своихъ минувшихъ надеждъ и предположеній. Перемѣна и видимая дерзость Шихъ-Мансура — какъ змѣй сосали сердце Хаджи. Шестнадцать лѣтъ тому, какъ Батырь-Ша, знаменитый мулла и проповѣдникъ Башкирцевъ, увезъ изъ степей десятилѣтняго Шихъ-Мансура въ свои кочевья. Онъ угадалъ въ ребенкѣ всѣ качества, которыми долженъ обладать степной мулла — эта душа, умъ и глаза дикихъ поклонниковъ пророка ... Онъ видѣлъ въ немъ съ перваго шага къ понятіямъ о вѣрѣ наклонность къ изувѣрству и фанатизму, которые стоило только разжечь. Цѣль Батырь-Ша заключалась въ томъ, чтобы, расчитывая на врожденную смѣлость, дерзость и хитрость Шихъ-Мансура, создать изъ него вѣрнаго помощника въ исполненіи всѣхъ своихъ дерзкихъ замысловъ, но помощника, который, будучи посвященъ въ наружное постиженіе вѣры, не выступалъ бы изъ власти учителя и каждое его слово считалъ бы глубиною непостижимой премудрости ... Онъ думалъ, въ то время какъ во имя вѣры возмутитъ башкирцевъ, успѣть въ томъ же самомъ и чрезъ Шихъ Мансура въ степяхъ киргизовъ, расчитывая на полную власть въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ тамъ, такъ и тутъ *). Теперь все это для него рушилось!

Темная ночь уже раскинулась надъ степью, не смотря однакоже на мракъ, конь нашихъ путниковъ не терялъ тропинки, проторенной партіею хивинцевъ, и съ обычнымъ инстинктомъ прямо шелъ къ близкому отдыху ... Между тѣмъ вѣтеръ начиналъ свѣжѣть, осыпая киргизовъ мокрою пылью и шумя тощимъ баялишемъ.

— Я предчувствую, что непогода близка,— съ примѣтнымъ страхомъ сказалъ Батырь-Ша.

— Да и аулъ недалеко, равнодушно отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ, оставляя свой однообразный напѣвъ — я слышу даже запахъ дыма отъ горящаго въ юртахъ *кизика*.

— Точно, радостно повторилъ мулла: — Чу! ... Слышишь ли ржаніе лошади ... Э!... да вонъ и камыши!

Въ самомъ дѣлѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ странни-

---

*) Коварные замыслы Башкирскаго муллы Батырь-Ша описаны въ *Историческихъ Извѣстіяхъ о Киргизъ-Казацкихъ степяхъ* соч. Левшина. Часть 2. Стран. 212, 213 и 214.

ковъ открылся низменный берегъ солончака, поросшій густымъ камышемъ, въ которомъ киргизы обыкновенно, ища защиты отъ вѣтра, располагаютъ свои зимнія кочевья.

Громкій и протяжный лай собакъ встрѣтилъ пріѣзжихъ въ аулѣ. Встревоженные лаемъ сторожевыхъ псовъ, верблюды и овцы, расположенные тѣсными атарами у юртъ, подняли головы и, чавкая скудный мохъ, добытый изъ-подъ снѣга, глухимъ блеяньемъ и визгомъ встрѣтили степныхъ скитальцевъ ...

II.

Юрта кочеваго киргиза немногимъ выигрываетъ въ роскоши передъ юртою гренландца и тунгуса. Наружный видъ ихъ одинаковъ, какъ у богатаго бея, такъ и у простаго киргиза. Сдѣланныя изъ тонкихъ деревянныхъ дранокъ и покрытыя войлокомъ — онѣ имѣютъ форму срезаннаго элипсиса и ставятся въ кочевьяхъ по произволу хозяина, такъ — что иногда въ большомъ аулѣ нѣтъ никакого удобства для прохода и проѣзда между ними. Въ одной изъ такихъ юртъ Каратюлейскаго кочевья, къ которой подъѣхали Хаджа и Шихъ - Машуръ, не смотря на полночь, еще пылалъ разложенный на срединѣ пола кизикъ ... Ѣдкій дымъ, растилаясь по юртѣ, медленно вылеталъ въ отверстіе, прорѣзанное вверху ея, а красноватый свѣтъ отъ вспыхивающихъ углей слабо освѣщалъ закопченныя камышевыя рогожи, развѣшанныя по стѣнамъ жилья. Въ переднемъ углу валялось нѣсколько ковровъ и шерстяныхъ попонъ, вѣроятно служившихъ постелью и диваномъ обитателямъ юрты. Брошенный у входа таганъ, перевернутый котелъ и нѣсколько точеныхъ чашекъ довершали утварь и богатство владѣльца юрты; надо прибавить къ этому еще два сундука, русской работы, обитые желѣзомъ. На одномъ изъ этихъ сундуковъ, окруженный грязными ребятишками, помѣщался старый киргизъ, батырь - Аблай. Онъ что - то разсказывалъ дѣтямъ, устремившимъ на него испуганный взглядъ, въ то время, какъ на одной изъ попонъ въ противуположномъ углу юрты, на полу, лежала молодая дѣвушка. Она плела арканъ изъ конскихъ волосъ и разсѣянно прислушивалась къ разсказамъ стараго отца своего. Вообще, дочери и жены киргизовъ не отличаются красотою и правильностію своихъ формъ, но за то, если между ними

встрѣчаются красавицы, то прелести ихъ превосходятъ все, что только можетъ создать очаровательнаго самое пылкое воображеніе. Дочь Аблая была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова. Рѣзко обрисованныя черты смуглаго лица ея, отѣненнаго черною прядью волосъ, искусно заплетенныхъ, по обычаю, въ нѣсколько мелкихъ косичекъ, выражали умъ и пламенную энергическую натуру дикарки. Хорошенькое личико ея получало еще болѣе прелести отъ малиноваго суконнаго *аракчина* *), граціозно надвинутаго на брови, изъ-подъ которыхъ сверкалъ живой и пламенный взглядъ.

— Такъ неужели они только за тѣмъ къ намъ и пріѣхали? спросила дѣвушка, оставляя свою работу и обращаясь къ отцу.

— А за чѣмъ же больше? отвѣчалъ старикъ. Всѣмъ извѣстно, что теперь въ нашихъ кочевьяхъ моръ, нищета и голодъ ... и всѣ знаютъ, что киргизъ не пожалѣетъ вымѣнять дочь или сына на мѣшокъ проса или на горсть серебра ... Вчера изъ сосѣдняго кочевья ташкенцы увезли тридцать мальчиковъ и столько же дѣвчонокъ, а вотъ завтра хивинцы увезутъ и отъ насъ ... нашихъ ребятишекъ ...

Мальчики, окружавшіе Аблая, съ испугомъ прижались въ уголъ юрты.

— Что?.. не хотите въ Хиву? улыбаясь продолжалъ старикъ, въ то время, какъ дѣти, трепеща всѣмъ тѣломъ, старались спрятаться одинъ за другаго ... Ну, такъ кого же изъ васъ вести завтра на вымѣнъ ... А? сказалъ онъ.

— Не меня ... я не хочу въ Хиву,—отозвался одинъ изъ мальчиковъ ... Я хочу жить съ тобой, отецъ, въ нашихъ кочевьяхъ — и буду батыремъ ... увидишь ... оставь меня.

— И меня! повторилъ другой: — я лучше замерзну или умру съ голоду ... оставь только .. нехочу быть *Сарты*! **)

— Такъ ужъ вѣрно тебя, Клычь? спросилъ Аблай, бросивъ внимательный взглядъ на третьяго малютку, который былъ менѣе другихъ и ростомъ и лѣтами.

Мальчикъ вздрогнулъ при этомъ вопросѣ ... На глазахъ его сверкнули слезы, онъ печально опустилъ голову и нерѣшительно прошепталъ:

— Отдай ... кого же больше? Я вѣдь тебѣ не родной, батырь-

---

*) Шапочка.

**) Сарты—рабъ.

Бій - Аблай ... Но не спроситъ ли послѣ кто - нибудь обо мнѣ? съ видомъ особенной таинственности добавилъ онъ.

Дѣвушка и старикъ обмѣнялись значительною улыбкою. Но въ ту же минуту веселость перваго исчезла: онъ нахмурилъ брови и покачалъ сѣдою головой.

— Ты еще глупъ, Клычь, — сказалъ онъ, и потому батырь Аблай не выкинетъ тебя за двери юрты, чѣмъ бы ты его не обидѣлъ ...

Малютка выразительно взглянулъ на стараго киргиза: въ минуту смуглое лицо его вспыхнуло румянцемъ, онъ презрительно улыбнулся и, сложивъ на груди руки, прислонился головою къ камышевой рогожѣ.

— Я думаю, — сказалъ онъ, — батырь-Аблай помнитъ, что рано или поздо, Шихъ - Мансуръ вернется въ наше кочевье и подберетъ за твоимъ порогомъ своего брата ...

— Что ты говоришь тамъ, недокормленный волченокъ? вскричалъ старикъ.

— Я хочу сказать, — отвѣчалъ Клычь тѣмъ же равнодушнымъ тономъ, — что ты можешь убить меня, связать какъ барана и продать хивинцамъ, чтобы прокормить Кучука и Абулфета, но не выкинуть меня за двери, какъ истертую рогожу ... Вѣдь не вѣкъ же я буду лежать за твоимъ порогомъ ... я уйду въ другое кочевье ... выросту, куплю себѣ *айбалтъ* *) — и тогда берегись...

Оскорбленный первыми словами мальчика, старикъ невольно перешелъ къ чувству удивленія, когда Клычь, кончивъ свою тираду, схватилъ висѣвшій на стѣнѣ топоръ и отошелъ къ двери, съ видимымъ намѣреніемъ защищать себя, если бы Аблай рѣшился испробовать на его спинѣ прочность новаго аркана.

— Вѣрно волчица выкормила этого звѣря! прошепталъ киргизъ. Брось айбалтъ, Клычь, и подойди ко мнѣ.

— Ты будешь драться, бій?..

— Нѣтъ ... подойди ко мнѣ ... честное слово Аблая, не трону тебя.

Клычь лукаво улыбнулся, медленно повѣсилъ айбалтъ на прежнее мѣсто и развязно, безъ малѣйшаго смущенія, подошелъ къ старику.

— Вотъ я и пришелъ, сказалъ онъ.

— Ты молодецъ Клычь, отозвался старикъ, и будешь славнымъ батыремъ, если ужъ теперь умѣешь взяться за айбалтъ ... У кого только ты научился такой удали?..

---

*) Топоръ на длинной рукояти, одно изъ вооруженій киргиза.

— У тебя, бій - Аблай ...

— У меня?.. старикъ самодовольно улыбнулся: самолюбіе хищнаго киргиза вполнѣ удовлетворилось такимъ отвѣтомъ ... Гм, ... братъ твой зналъ кому оставить тебя, когда уѣзжалъ въ Бухару, продолжалъ Аблай, и найдетъ въ тебѣ современемъ славнаго товарища ... Вернется ли онъ только назадъ - то ?..

При послѣднихъ словахъ старика худо скрываемый испугъ выразился на лицахъ дѣвушки и маленькаго Клыча. Дочь и пріемышъ устремили на киргиза взглядъ живаго вопроса, какъ - бы ожидая, чтобы онъ разъяснилъ имъ свои загадочныя слова. Но киргизъ не замѣчалъ этихъ взглядовъ и смущенія собесѣдниковъ; въ какомъ - то раздумьи онъ поглаживалъ свою сѣдую и рѣдкую бороду, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

— Да, — сказалъ онъ наконецъ послѣ долгаго молчанія, — поговариваютъ, что въ Башкиріи дѣла не хороши ... Говорятъ, русскіе казаки съ пушками выступили изъ крѣпостей Оренбургской линіи и идутъ проучить башкирцевъ ... Говорятъ, голова ихъ, Батырь - Ша, того — и — гляди, что останется безъ головы отъ своихъ же пріятелей ... Такъ не мудрено, что Шихъ - Мансуръ бросился на помощь къ своему учителю ... У! у этаго Шихъ - Мансура языкъ остёръ — что твой ятаганъ! а храбрости хватило бы на цѣлый улусъ батырей: онъ много поможетъ отчаянному муллѣ ... Пхе! Его не удержатъ глубокія снѣга Усть - Урта, и не испугаютъ морозныя вьюги; онъ въ три дни одноконнымъ будетъ въ Башкиріи ...

— А если его убьютъ тамъ, если онъ попадется въ петлю казачьяго аркана? спросила дѣвушка голосомъ, вызывавшимъ утѣшительный отвѣтъ.

Киргизъ пожалъ плечами. Тогда, Айканы, сказалъ онъ, — Шихъ не будетъ твоимъ мужемъ ...

— Убьютъ! прошепталъ Клычь, какъ-бы говоря самъ съ собою ... Кто убьетъ?.. не смѣютъ ... У него останется братъ ... а брату въ наслѣдство баранта ...

— Чу! съ испугомъ вскричалъ одинъ изъ сыновей Аблая ... Слышите ... конскій топотъ ... это хивинцы!

— Нѣтъ, — это наши гости, отвѣчалъ старикъ — и какъ видно, странники ... они ... слышите ... останавливаются позади моей юрты. *)

---

*) Странникъ, по обычаю Киргизъ-Казаковъ, требующій Кунагаса т.е. гостепріимства, долженъ, въѣхавши въ аулъ, остановиться позади юрты и окликнуть хозяина.

Аблай не ошибся. Едва онъ успѣлъ досказать послѣднее слово, какъ подлѣ юрты послышалось храпѣніе усталой лошади и потомъ громкое:

— Сайлесъ! *)

— Аллахъ милосердъ къ Аблаю ... странникъ не проѣзжаетъ мимо его юрты! — также громко отвѣчалъ киргизъ ... Ну, продолжалъ онъ, поправляя свой замасленный аракчинъ ... Айканы! разстилай коверъ у порога; а ты, Абулфетъ, бѣги и разсѣдлай коней нашихъ гостей.

Мальчикъ опрометью бросился вонъ изъ юрты, въ то время какъ Айканы, съ любопытствомъ поглядывая на дверь, подмѣтала разбросанные на полу угли и раскинула пестрый коверъ у входа ...

Дверь отворилась и два странника, закутанные въ широкія кафтаны изъ козьей кожи, не снимая своихъ остроконечныхъ мѣховыхъ шапокъ, вошли въ юрту. Первый изъ нихъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, необыкновенно высокаго роста; смуглое лицо его, отмѣченное глубокимъ шрамомъ на правой щекѣ и опушенное рѣдкою бородою, съ перваго взгляда поражало наблюдателя своимъ грознымъ и холоднымъ выраженіемъ, между-тѣмъ какъ въ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ великана отражалась душа каварная и хитрая. За то товарищъ его, слѣдовавшій за нимъ, своею привлекательною и богатырскою наружностію тотчасъ-же уничтожалъ то непріятное впечатлѣніе, какое производила наружность неуклюжаго гостя. Надо было много проницательности, чтобы въ чертахъ умнаго и благороднаго лица втораго гостя, подмѣтить выраженіе страстей сильныхъ и страшныхъ, искусно скрытыхъ подъ маскою ума и рѣдко-измѣняемой холодности. Повидимому, въ черныхъ, блестящихъ глазахъ молодаго киргиза выражались только отвага и гордая самонадѣянность, тогда-какъ эти глаза, на единѣ, могли бы испугать всякаго проблескомъ души хитрой, смѣлой и недоступной ни для слезъ жертвы, ни для чистой радости.

Едва только разсѣялся дымъ отъ кизика, крутившійся передъ тѣмъ цѣлымъ облакомъ въ отворенныхъ дверяхъ юрты, едва только разнохарактерныя фигуры обоихъ пріѣзжихъ были освѣщены красноватымъ пламенемъ костра, какъ старый киргизъ, дочь и Клычь, съ крикомъ — Шихъ-Мансуръ! бросились на встрѣчу молодому киргизу. Аблай съ непритворнымъ восторгомъ нѣсколько разъ обнялъ нежданнаго гостя; дѣвушка, какъ-бы по ошибкѣ и забывая, раза четыре прижала къ своей груди руку Шихъ-Мансура, выражая этимъ свою радость. Въ свою очередь и маленькій Клычь, хотя не встрѣченный послѣ пяти-

*) Отвѣчай! обычный окликъ въ подобномъ случаѣ.

лѣтней разлуки ласкою брата, усердно помогалъ ему снять вооруженіе

Когда миновалъ первый восторгъ, гости и хозяева расположились на попонахъ вокругъ горящаго кизика, на который въ ту же минуту былъ поставленъ котелъ съ бараниною.

— Не думалъ я, — началъ Аблай — что увижу тебя Мансуръ въ моей войлочной юртѣ, я ждалъ не прежде встрѣтиться, какъ на Сыръ-Дерьи, въ лѣтнее кочевье.

— Недождался бы и тамъ, батырь Бій-Аблай, отвѣчалъ гость: только вьюга да два дня некормленный конь занесли меня сюда. Если бы не эти страшные морозы да голодъ и моръ во всѣхъ встрѣчныхъ аулахъ — далеко бы ужъ я былъ отсюда...

— Эге!.. знаю... вѣдь я угадалъ, что ты бросился въ Башкирію...

— Въ Башкирію?.. За чѣмъ?..

— Знаю, знаю всё, досъ Мансуръ... Не скрывай... ты отправляешься на помощь къ своему учителю... У насъ во всѣхъ кочевьяхъ прошла перелетная новость, что Батырь-Ша попалъ въ бѣду и ничего не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ.

Глаза великана, имя котораго назвалъ старый киргизъ, сверкнули какъ глаза хищнаго волка. Спокойный до этой минуты и глубокомысленно созерцавшій прыгавшую въ кипяткѣ баранину, онъ быстро отодвинулся назадъ и толкнулъ локтемъ Шихъ-Мансура.

— Ради Аллаха и вѣчной дружбы, не называй меня по имени, шепнулъ онъ... Я погибъ, если меня узнаютъ...

— Да, да, повторилъ Аблай, незамѣчая безпокойнаго движенія Батырь-Ша и изумленія его товарища — дѣло его очень плохо... Говорятъ даже, что отчаяннаго муллу русскіе на цѣпь посадили... Да ты всё это хорошо знаешь, очи мои, Шихъ-Мансуръ... сказать не хочешь только.

Изумленіе Шихъ-Мансура росло съ каждой минутой.

— Клянусь твоею мудростію, Бій-Аблай, сказалъ онъ: всё, что ты расказываешь мнѣ, я слышу только переступивъ за порогъ твоей юрты... Ни чего незнаю. Да, вотъ — онъ нѣсколько дней, какъ изъ Башкиріи, добавилъ молодой мулла, указывая на Батырь-Ша и играя его смущеніемъ — и вѣрно разскажетъ намъ подробно эту печальную новость...

Батырь-Ша принужденно улыбнулся.

— Все это правда — сказалъ онъ отрывисто. Башкирцы разбиты и усмирены русскими гарнизонами... Все это правда, кромѣ того, что Батырь-Ша на цѣпи...

— Пхе! подхватилъ Аблай: вотъ хотѣлось-бы знать, гдѣ-то онъ самъ теперь...

— Онъ? мрачно спросилъ Батырь-Ша.

— Да! Вѣдь ужъ не остался же между тѣми, которыхъ изъ-за него поколотили, какъ ты разсказываешь?..

— Онъ убитъ...

— Убитъ? вскричалъ старый киргизъ, въ то время, какъ Шихъ-Мансуръ едва неразразился громкимъ смѣхомъ при взглядѣ на серьёзную и мрачную физіономію своего товарища.

— Да, убитъ,—повторилъ Батырь-Ша, я самъ видѣлъ, какъ казакъ срѣзалъ его съ коня саблею.

— Аллахъ, Аллахъ!.. Такой мудрый мулла и такъ неосторожно подставилъ лобъ подъ глупую сталь!..

— Что дѣлать: вѣрно на то была воля пророка, смиренно замѣтилъ Шихъ-Мансуръ...

— Вѣрно! да! вполголоса отозвались собесѣдники, убѣжденные мудрымъ изреченіемъ молодаго муллы.

— Такъ ты, сердце моего сердца, Мансуръ, продолжалъ словоохотливый Аблай, возвращаясь къ прежней своей мысли... не въ Башкирію ѣдешь теперь, какъ я думалъ?

— Нѣтъ... дальше... за Каспій, въ страну, куда меня призываетъ вѣра и слава исламизма... Да, Аблай, много выпадаетъ на долю мою испытаній, быть можетъ мукъ, но покорный голосу святаго вдохновенія... я иду — и быть можетъ подвиги великихъ дѣлъ Шихъ-Мансура откликнутся въ вашихъ степяхъ, которые я оставлю на долго, а быть можетъ... и навсегда.

Слова молодаго муллы, высказанныя голосомъ твердымъ и восторженнымъ, произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ собесѣдниковъ... каждый изъ нихъ былъ связанъ съ судьбою и будущимъ Шихъ-Мансура.

Старый киргизъ, взглянувъ на дочь, которая въ эту минуту отошла въ темный уголъ юрты, стараясь скрыть навернувшіяся на глазахъ слезы, печально поникъ головою и разсѣянно принялся ворочать обуглившійся кизикъ. Маленькій Клычь тяжело вздохнулъ и остановилъ на братѣ умоляющій взглядъ... Одинъ только Батырь-Ша казался ровнодушнымъ, тогда-какъ въ душѣ его происходила страшная буря. Увѣренный въ дерзости, смѣлости и умѣ своего ученика, онъ съ завистію видѣлъ, что дорога къ подвигамъ, которую избралъ Шихъ-Мансуръ, затмитъ его погибшую славу. Въ эту минуту Хаджа поклялся вы-

вѣдать намѣренія молодаго человѣка и остаться послѣ вѣчнымъ врагомъ его во всѣхъ его дѣйствіяхъ...

Первый прервалъ молчаніе Аблай. Да поможетъ тебѣ—сказалъ онъ—мысль мысли моей, Мансуръ, Аллахъ и великій пророкъ его во всѣхъ дѣлахъ твоихъ!.. Иди, куда зоветъ тебя твое назначеніе ... Слава твоя близка нашей славѣ ... Айканы, продолжалъ онъ:—давай гостямъ баранину, она готова; да приниси...тамъ, въ пустой юртѣ есть у насъ *бишъ-бармакъ* *) А ты, Кучукъ, продолжалъ киргизъ — иди съ сестрою, да приготовь для гостей огня и постели въ юртѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ гости поужинали и разстались съ хозяиномъ. Уходя, Шихъ-Мансуръ не подарилъ Айканы ни однимъ взглядомъ. Истерзанная тоскою, дѣвушка печаль ная и блѣдная, уже нескрывала слезъ своихъ и долго оставалась на порогѣ юрты, слѣдя за удалявшимся юношею.

— Нѣтъ ... ни слава, ни люди, ни подвиги, ни муки и страданія, которыя ты обѣщаешь себѣ — неразлучатъ насъ съ тобою! прошептала Айканы.

— Полно! Брось Айканы! сказалъ старикъ, проклиная откровенность Шихъ-Мансура ... и готовый самъ расплакаться: поди ко мнѣ.

Айканы отерла слезы, грустно улыбнулась и подошла къ отцу.

— Забудь его, сказалъ Аблай: — слава будетъ его женою, за нее онъ заплатитъ калымъ трудами и испытаніями многихъ лѣтъ ... Неплачь...

— Отецъ, отецъ!.. рыдая вскричала дѣвушка: ты старъ, ты ужъ забылъ боль и муки молодаго сердца, когда это сердце, вызванное на любовь, встрѣчаетъ измѣну ... и даже презрѣніе?.. Нѣтъ, не могу не плакать ... Хотѣла бы не любить его ...Но не могу...

— Забудешь ... сердце дѣвичье — баялишь сухой ... далеко занесетъ его вѣтеръ, да тотъ же вѣтеръ и назадъ принесетъ...Неплачь.. а объ немъ и не думай и не вспоминай...

— Нѣтъ, отецъ !.. ты самъ пріучилъ меня и въ радости и въ грусти, и днемъ и въ часъ безсонной полуночи думать о немъ ... Вырви изъ меня сердце, съ нимъ вырвешь и мысль о немъ...

— Увидимъ ... Вотъ весной, какъ будемъ сбираться на Сыръ-Дерью ... богатый калымъ да пара черныхъ глазъ Абулгая выживутъ эту мысль ... Онъ ужъ давно поглядываетъ на тебя...

---

*) Приготовляется изъ мяса мелко искрошеннаго и смѣшаннаго съ кусочками сала. Бишъ значитъ пять, а бармакъ-палецъ, названіе очень хорошо выражающее предметъ: блюдо это не иначе ѣдятъ какъ пьятью пальцами.

Айканы отрицательно покачала головою и изнемогая отъ душевной боли, опустилась на сундукъ...

Черезъ полчаса огонь потухъ въ юртѣ Аблая ... Старикъ захрапѣлъ на разосланномъ у входа коврѣ, а ребятишки, по обыкновенію, забрались въ горячую золу, и послѣ споровъ и маленькой драки уснули на своемъ пыльномъ ложѣ. Только одна Айканы, тревожимая страшною мыслію о вѣчной разлукѣ съ любимцемъ своего сердца, не могла сомкнуть заплаканныхъ глазъ ... въ полночь она осторожно поднялась съ сундука, накинула на плечи халатъ изъ овечьей кожи, разбудила Клыча и тихо вышла съ нимъ изъ юрты.

III.

Печальный и угрюмый сидѣлъ Батырь-Ша въ юртѣ, служившей ему ночлегомъ. Потухающіе угли почти догорѣвшаго костра, вспыхивая изрѣдка яркимъ красноватымъ огнемъ, освѣщали на мгновеніе мрачное лицо Хаджи. Шихъ-Мансуръ казался также углубленнымъ въ какую-то думу; но если бы безмолвный Батырь-Ша былъ внимательнѣе, то легко бы могъ замѣтить тотъ проницательный взглядъ, которымъ собесѣдникъ наблюдалъ его.

— Грустишь, Хаджа? сказалъ Шихъ-Мансуръ, стараясь въ голосѣ и взглядѣ выразить дружеское участіе къ судьбѣ своего учителя.

— Кто?.. я?..Я не умѣю грустить ... Я только проклинаю мои неудачи, которыя впрочемъ я долженъ былъ предвидѣть ... Подобное дѣло — безумство, и съ нимъ никогда не прійдешь къ цѣли, но всегда къ петли ...

— Что ты говоришь?.. Какое дѣло, Батырь-Ша?.. раскажи мнѣ... раскажи всё ... и не забудь объяснить: почему ты скрываешь свое имя въ здѣшнихъ кочевьяхъ...

— Якши, хорошо, подумалъ Батырь-Ша: я раскажу тебѣ все ... и увидимъ какъ-то ты не откажешься отъ своихъ намѣреній.

— Слушай — сказалъ онъ: — исторія коротка ... Я хотѣлъ славы и власти ... Во имя вѣры я вызвалъ изувѣрство башкирцевъ и отуманенныхъ безумцевъ, словомъ ложной проповѣди, во имя пророка, озло-

билъ противъ касрыровъ. *) Пламя вспыхнуло и не только въ одинъ день, въ одинъ часъ тысячи рускихъ погибли въ Башкиріи подъ ножами изступленныхъ... **)

— И всё это ты, Батырь-Ша?

— Я... будь проклята моя память! Недолго я видѣлъ восходъ моихъ надеждъ... Мщеніе людей и Аллаха пало тяжелою грозою на мою голову... Русскія войска вступили въ Башкирію... и едва только сверкнулъ карательный штыкъ ихъ, какъ башкирцы принесли покорную, обязавшись выдать меня... меня, у котораго поцѣловать полу халата считалъ каждый изъ нихъ за милость и счастіе... Я бѣжалъ... Но еще не ушелъ отъ терзаній душевныхъ и страха погибнуть за преступленія... Голова моя была оцѣнена... и теперь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитальчества я все еще неизбѣжалъ преслѣдованіи правосудія...

— Оцѣнена! И дорого? спросилъ Шихъ-Мансуръ, едва скрывая свое удовольствіе.

— Пхе!.. Я думаю... Голова моя съ туловищемъ, или безъ него, а все пойдетъ на вѣсъ золота... Вотъ почему я долженъ здѣсь скрывать свое имя... Ты знаешь киргизовъ, даже и самъ въ половину степной киргизъ... Цѣлыя тысячи охотниковъ найдутся между ними для того, чтобы стащить меня на арканѣ въ Оренбургъ...

— Правда, правда! отозвался Шихъ-Мансуръ.

— Теперь, спрашиваю тебя, продолжалъ Батырь-Ша: — гдѣ эта слава и власть, которыхъ я добивался, гдѣ мое первое имя мудраго муллы, гдѣ мое спокойствіе, гдѣ моя родина... семья... родная юрта?.. А тысячи жизней, которыя отнялъ я... А милліоны проклятій, которыя легли на мое имя и мою память, обремененную позоромъ.. развѣ не измучатъ умъ и душу?.. Чѣмъ теперь будущее мое лучше участи голоднаго шакала, который и мертвечиной не полакомится безъ опасенія подвернуться подъ айбалтъ или ружейное дуло... Пхе! Нѣтъ, душа моя, досъ Шихъ-Мансуръ, не иди по безплодной дорогѣ, проторенной мною... Я угадываю твои замыслы... и знаю твой конецъ...

— Воля пророка, мудрый Батырь-Ша. Но что должно свершиться, то будетъ... Если мнѣ утонуть, Батырь-Ша, то утону и въ этомъ войлокѣ... если быть въ петлѣ, то не оборвусь и съ паутины... Но впередъ и впередъ!.. Босой, въ лохмотьяхъ, истощенный постомъ и молитвой, я смѣло пройду горы Кавказа, готовый на всѣ пытки и ли-

---

*) Христіанъ.

**) Историческія извѣстія о Киргизъ-Казацкихъ степяхъ Левшина часть 2. стр. 212

шенія ... И пронесу ученіе пророка отъ снѣжныхъ вершинъ Фартама до крѣпкихъ стѣнъ Бугуръ-Кале *)

— Безумецъ !.. Кто вложилъ тебѣ въ голову эту ужасную мысль!.. Послушай меня ... спроси мою опытность...

— Ты, Батырь-Ша, и я — идемъ по одной дорогѣ ... Но ты шелъ по ней съ завязанными глазами и безъ проводника ... потому-то и споткнулся ... Я пойду съ друзьями ... Мое вдохновеніе, твердая воля, смѣлость и дерзость со мною ... И даже люди — за меня...

— Люди ?.. Не вѣрь имъ ... они продадутъ твое вдохновеніе ... они измучатъ твою твердую волю, они сокрушатъ твою смѣлость и дерзость ... Люди не овцы, они тогда только за тебя, когда ты раздѣлишь съ ними твои пользы, а со всѣми ихъ дѣлить не льзя...

— Можно !.. Это именно тѣ, съ которыми я долженъ дѣлиться своими пользами ... для которыхъ, какъ единовѣрецъ, какъ избранный ихъ, обрекаю себя на гибель или славу...

— Кто же это?—спросилъ насмѣшливо Батырь-Ша.

— Турки ... въ Бухарѣ меня поощрили на это дѣло и обѣщали помощь.

— Не вѣрь имъ, Шихъ-Мансуръ ... Лучше остаться при томъ уваженіи, которымъ ты пользуешься здѣсь ... Лучше трудъ, терпѣніе и умъ твой употреби на пользу твоей родины...

— Что буду дѣлать я здѣсь ?

— Просвѣщай разумъ собратій ... Та же услуга пророку, если ты научишь суевѣрныхъ Кайсаковъ вѣрить въ коранъ, а не въ безумный бредъ коварнаго Яурупчи или Баксы !..

— Нѣтъ, Батырь-Ша, ты самъ нашептывалъ мнѣ, когда я еще былъ ребенкомъ, что служа корану, надо служить и душѣ своей и уготовить ей блаженство за Эль-Сыратомъ, и славную память на землѣ ... Здѣсь я буду только мулла ... а тамъ ... тамъ слово мое — будетъ словомъ пророка!

— Остановись, малодушный ! вскричалъ Батырь-Ша ... Какъ человѣкъ, первый научившій тебя мыслить и вѣровать, я приказываю тебѣ бросить безумный бредъ твой...

— Поздно, Батырь-Ша: Я тебя не послушаю.

— Такъ я вѣчный врагъ твой здѣсь и за гробомъ ... Отнынѣ я обрѣкаю себя на вражду съ тобою ... И каждый шагъ впередъ ты сдѣлаешь неиначе, какъ испытавъ силу моей ненависти и моихъ козней ...

---

*) Кр. Анапа.

Клянусь прахомъ отца ... если бы даже тѣло мое разрушилось и легло въ могилу, то духъ мой пойдетъ за тобою ... и тѣнь моя не разъ заставитъ тебя блѣднѣть передъ твоими начинаніями...

Шихъ-Мансуръ задрожалъ отъ злобы и опустилъ руки на кинжалъ, спрятанный на груди.

Въ эту минуту Батырь-Ша и Шихъ-Мансуръ поклялись въ душѣ погубить другъ друга ... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — думали оба.

Еще послѣдній не пришелъ въ себя отъ ярости, какъ послышался легкій ударъ въ двери юрты.

— Что это значитъ!.. Насъ подслушали? вскричалъ Шихъ-Мансуръ.

— Можетъ быть и подслушали, съ злобною улыбкою отвѣчалъ Хадже...

— Кто тутъ? спросилъ Шихъ-Мансуръ.

— Клычь.

— За чѣмъ-ты бродишь ночью, волченокъ?.. Что тебѣ надо?

— Тебя, братецъ ... на два слова.

— Завтра ... ступай на свой войлокъ.

— Не пойду...

— Ну такъ мерзни у порога.

— Замерзну, но дождусь тебя...

— Мерзни.

— Братецъ! А братецъ ... снова началъ мальчикъ: — очень нужно.

Шихъ-Мансуръ не отвѣчалъ ...

Спустя нѣсколько минутъ Клычь опять постучался ...

— Ты еще не ушелъ, Клычь?

— Нѣтъ ... и не уйду ... и замерзну, если не выйдешь ...

— Да говори, за чѣмъ ты пришелъ?..

— Сказать нельзя ... выйдешь — узнаешь.

Шихъ-Мансуръ проворчалъ что-то сквозь зубы, накинулъ на плечи кафтанъ и вышелъ изъ юрты...

Ночь была на исходѣ. За сплошнымъ лѣсомъ камыша, опушеннымъ искрами снѣга, тамъ, гдѣ далекая степь исчезала въ утреннемъ туманѣ, блѣднорозовая полоска зари обрисовывала уже прояснявшійся небосклонъ ... Но аулъ еще спалъ и только ржаніе сбатованныхъ коней, принадлежавшихъ пріѣзжей партіи хивинцевъ, да отвѣтный визгъ продрогнувшаго верблюда нарушали безмолвіе кочевья.

— Клычь, гдѣ ты? спросилъ Шихъ-Мансуръ.

— Здѣсь, братецъ...

— Или ты очень малъ ... или еще ночь темна ... но я тебя не вижу, волченокъ ...

— Здѣсь я ... здѣсь ..

— А! вижу ... Ну, зачѣмъ ты звалъ меня?

— А вотъ, Айканы тебѣ это скажетъ, отвѣчалъ малютка и, подпрыгивая, съ веселою пѣснею онъ отбѣжалъ всторону, завернулся въ свой ветхій халатъ и легъ за юртою на снѣгъ.

— Айканы! спросилъ молодой мулла, нахмуривъ брови, въ ту минуту, какъ дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ, нерѣшительно подошла къ нему и взяла его руку...

Вездѣ свои обычаи и свои понятія о приличіяхъ ... И нигдѣ на востокѣ женщины, даже дѣвушки, не пользуются такою свободою, какъ въ степяхъ Киргизъ-Казаковъ; ревнивая чадра не скрываетъ ихъ лицъ, и отцы и мужья не прячутъ ихъ за семью замками въ каменной клѣткѣ, евнухъ и ревность не существуютъ для киргиза, объ нихъ онъ не имѣетъ никакого понятія, приличія въ отношеніи половъ также считаются здѣсь лишними и бесѣда мужчинъ, какова бы она ни была, не стѣсняется присутствіемъ женщинъ. Въ свою очередь дѣвушки, лишенныя надзора, свободно, въ веселыхъ играхъ коротаютъ время съ молодыми наѣздниками.

Вотъ почему Айканы смѣло сама вызвала на свиданіе молодаго муллу: она не боялась свидѣтелей, не прятала блѣднаго лица своего и не украдкой прошла у пороговъ юртъ ... Страхъ и оскорбленное самолюбіе тогда только заставили встрепенуться ея сердце, когда она сжала въ своихъ рукахъ холодную руку Шихъ-Мансура. Мрачный и неласковый взглядъ его связали мысли и языкъ дѣвушки... Безмолвная, вперивъ въ юношу умоляющій взоръ, Айканы оставалась безъ движенія и долго не могла вымолвить ни одного слова.

— Я здѣсь, Айканы, холодно сказалъ Шихъ-Мансуръ: — зачѣмъ ты звала меня?

— О, какъ ты сталъ не привѣтливъ, Мансуръ, съ глубокимъ вздохомъ, опустивъ печально голову, прошептала она. — Неужели пять лѣтъ разлуки такъ измѣнили тебя, что ты даже забылъ тѣхъ, которымъ, уѣзжая, завѣщалъ молитву о себѣ ... которымъ обѣщалъ вѣчную ласку, долгую любовь? Помнишь ли, когда я тебя провожала съ лѣтняго кочевья за камыши ... ты спрыгнулъ тогда съ коня ... упалъ на грудь Айканы ... и долго, долго не могъ оторваться отъ этой груди ... Ты шепталъ тогда, что ...

— Замолчи, замолчи, Айканы! вскричалъ Шихъ-Мансуръ, надвигая на глаза свои шапку, чтобы скрыть выступившія на нихъ слезы.

— А!.. вижу... и тебя тревожатъ эти воспоминанія, хоть ты стараешься забыть меня... Сколько-же, Мансуръ, должна страдать моя душа, заглядывая въ отрадное прошедшее и изнывая въ мукахъ при мысли о будущемъ... За что-же, скажи мнѣ, за что ты разлюбилъ свою Айканы?!.. Развѣ взглядъ мой не такъ же свѣтитъ для тебя привѣтно, какъ и прежде?.. Развѣ я не стала краше чѣмъ была?. Развѣ ты думаешь, мое сердце не также страстно и пламенно любитъ тебя?.. Нѣтъ, нѣтъ, не обманывайся мой милый, я еще больше люблю тебя теперь, еще больше горячее сердце мое рвется къ твоему сердцу... Не забывай!.. Не покидай меня, Мансуръ! заключила дѣвушка голосомъ страстной и униженной мольбы. — Да? вѣдь ты меня не забудешь?.. Прости меня... но... твоя холодная встрѣча даетъ мнѣ право на этотъ вопросъ...

— Разстанусь... и забуду! отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Такъ должно быть, Айканы... это воля моей судьбы.

— Забудешь!.. Забылъ? рыдая прошептала Айканы. — Забылъ, тогда-какъ клялся...

— Замолчи, безумная! вскричалъ онъ. — Тебѣ ли упрекать человѣка, котораго дѣйствія независятъ отъ его воли!.. И что такое клятва, данная женщинѣ въ минуту разнѣженной страсти, передъ клятвою, обрекающею меня на могучіе подвиги во славу Пророка!.. Первая — скошенный камышъ, оставленный на мѣстѣ до перваго костра... вторая — дубъ, который согнется и рухнетъ только подъ бурей... Не ковры пиршества моя дорога теперь, но колючій терновникъ... Не ласки жены, не животная, безсмысленная жизнь домовитаго киргиза закабалили думы и мысли мои, а трудъ, скитальчество въ мрачныхъ скалахъ за Каспіемъ, гдѣ твердый голосъ мой зазвучитъ стихомъ изъ корана, а не пѣснію любви!..

Не смотря на этотъ рѣшительный приговоръ молодаго муллы, дѣвушка забывала его жестокую откровенность и молча, съ выраженіемъ сильнаго восторга, любовалась прекраснымъ, одушевленнымъ лицомъ Шихъ-Мансура... Каждое его слово, высказываемое съ твердостію героя, звучало для нее очарованіемъ, каждый его взглядъ, сверкавшій изъ-подъ сдвинутыхъ бровей огнемъ вдохновенія, сжигалъ ея трепещущее сердце...

— И тебя!.. Тебя забыть мнѣ! вскричала Айканы въ какомъ-то забытьи... тебя, когда одинъ только звукъ твоего голоса переноситъ меня въ блаженство обѣщаннаго эдема... Забыть, бѣжать отъ тебя, тогда какъ бездна мукъ и пытокъ ждетъ тебя впереди.. Не быть подлѣ тебя... Не обмывать твоихъ ранъ, не страдать у твоего ковра, на

которомъ, быть-можетъ, полумертвый, только вынесенный съ поля смерти вѣрнымъ конемъ, ты будешь изнывать въ томительной тоскѣ за свои неудачи... А потомъ, потомъ не любоваться твоею славой?!..

— Тс!.. прошепталъ Шихъ-Мансуръ, тревожно оглядѣвшись кругомъ и какъ-бы боясь, чтобы не подслушали послѣднихъ словъ Айканы. — Не для славы иду я на гибель, или къ торжеству слова проповѣди, сказалъ онъ: — не для своего счастія, но для счастія цѣлыхъ тысячъ, готовыхъ забыть доблести пророка...

Дѣвушка съ изумленіемъ посмотрѣла на молодаго муллу ... Слезы, казалось, высохли на ея глазахъ, выражавшихъ въ эту минуту рѣшительность и самоотверженіе. Она бодро приподняла голову и снова взяла руку Шихъ-Мансура.

— Да ... сказала она. — Не простая женщина можетъ быть твоей подругой... Вижу, безуміемъ бы было вымаливать мнѣ для себя любви твоей ... Даже прости меня за то, что это бѣдное сердце будетъ страдать при мысли о тебѣ. Сердце человѣческое, въ какомъ бы прекрасномъ тѣлѣ не было заключено оно, не приворожитъ твоихъ мыслей, отданныхъ на жертву вдохновенной проповѣди ... Но, Мансуръ ... ради праха твоего отца ... ради минувшаго блаженства, которымъ ты называлъ любовь Айканы, не запрещай мнѣ удивляться тебѣ ... не запрещай мнѣ быть послѣднею изъ рабовъ твоихъ ...

— Что ты хочешь сказать, Айканы?

— Возьми меня съ собою ... Я пойду у твоего стремя ... Я вынесу для тебя всѣ пытки скитальчества ... Я весело засну подлѣ тебя въ бурную ночь на краю бездны ... Я буду стеречь твой тревожный сонъ ... Я въ битвѣ приму за тебя всѣ вражескіе удары ... и, благословляя тебя, умру у ногъ твоихъ...

— О, зачѣмъ я не долженъ любить ее? подумалъ съ примѣтною грустью Шихъ-Мансуръ, невольно измѣняя своей роли. Онъ даже вздрогнулъ, когда дѣвушка съ новыми слезами припала на грудь его головою, и жарко поцѣловалъ эту голову.

— Предательское сердце! прошепталъ очнувшійся молодой человѣкъ. — Прочь!.. Уйди, Айканы! вскричалъ онъ, оттолкнувъ ее. — Да сохранитъ Аллахъ твою молодость и жизнь!.. Прощай!.. и молись обо мнѣ!..

Послѣднія слова были сказаны такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Айканы, измученная своимъ страданіемъ, невольно повиновалась Шихъ-Мансуру.

— Прощай ... сказала она. — Но нѣтъ, продолжала дѣвушка, уже

стойдя нѣсколько шаговъ отъ молодаго муллы. — Я не хочу умирать безъ тебя въ нашихъ кочевьяхъ ... Я буду съ тобою !..

И долго и часто Айканы, подходя къ своей юртѣ, оглядывалась на задумчиваго юношу ... Но мысли его въ эту минуту уже не принадлежали ей ...

— Хорошо, вполголоса сказалъ Шихъ-Мансуръ: — я начинаю умно ... въ Бухарѣ и здѣсь почти всѣ вѣруютъ въ мое вдохновеніе ...

При этомъ какая-то неразгаданная улыбка судорожно искривила его блѣдное лицо.

— А врагъ? прошепталъ онъ. — Врагъ, поклявшійся ко мнѣ вѣчною враждою? Пхе !.. ... Голова его оцѣнена ... Все къ лучшему. Пусть будутъ думать, то я питаюсь мудрыми изреченіями корана ... но для себя не мѣшаетъ имѣть золото.

— Клычь! громко окликнулъ Шихъ-Мансуръ. Мальчикъ встрепенулся, высунулъ изъ халата свою курчавую голову и отвѣчалъ:

— Здѣсь, братецъ.

— Поди ко мнѣ.

Клычь въ два прыжка былъ подлѣ брата.

— Скажи-ка мнѣ откровенно, началъ молодой мулла: — ты ... не трусливъ?

— Нѣтъ! запальчиво отвѣчалъ мальчикъ: — не боюсь ни нагайки, ни айбалта ... ни волка, ни темныхъ ночей ...

— Стало-быть ты храбръ?

— У !.. Спроси-ко у Аблая, какъ въ прошлое кочевье я темною ночью, одинъ, часа на два конной ѣзды отъ своихъ, выползалъ въ степь и выглядывалъ ночлеги хищныхъ башкировъ ... Ничего, братецъ, не боялся ... ни ружья, ни смерти ... право!

— Батырь ты, Клычь! ну, а умѣетъ-ли твой языкъ помолчать вовремя?

— Э-ге !.. дамъ его отрѣзать, если онъ завретъся ...

— Но, вѣдь есть и правда, о которой надо помолчать иногда?

— Такую правду я прячу подъ языкъ, а его между зубами. Стало-быть, братецъ, ее у меня не украдешь: она далеко спрятана.

— Якши, батырь-Клычь, якши !.. Что-же бы ты сдѣлалъ, если-бы у твоего брата нашелся врагъ, который, какъ голодный волкъ, ждетъ броситься на него ...

— Врагъ! Гдѣ онъ, братецъ? Гдѣ? Давай айбалтъ ... Пусти меня ... Укажи ... Ухъ ... я его !..

— Змѣенышь, глаза разгорѣлись какъ у тигренка — подумалъ Шихъ-

Мансуръ. — Славный мальчикъ! и онъ прибавилъ вполголоса, положивъ руку на плечо малютки:

— Врагъ мой, вотъ, въ этой юртѣ...

— Какъ!.. этотъ страшный великанъ?..

— Да, съ которымъ я пріѣхалъ ...

— Такъ мнѣ его, братецъ ... Да, какже это? ... Если онъ не ляжетъ, такъ мнѣ не ущипнуть его даже и за колѣнку ...

— Постой ... Завтра, ночью, будь готовъ: мы отдѣлимъ эту голову отъ огромнаго туловища и спрячемъ ее въ мѣшокъ ...

— А отъ чегожъ не полакомить ею шакаловъ въ камышахъ ...

— Голова оцѣнена, умница — Клычь!..

— А?.. И дорого, братецъ?..

— Да ... голова тяжелая ... если на вѣсъ золота ... много потянетъ ...

— Ну ... Ну, что же потомъ? нетерпѣливо спросилъ Клычь.

— Потомъ сядемъ съ тобой на коня и ... въ Оренбургъ ... я подожду тебя за крѣпостью, въ которой мнѣ нельзя показаться ... тамъ быть можетъ меня неласково примутъ ... Ну ... и ты явишься послѣ съ деньгами ... Понимаешь, Клычь!..

— Какже!.. съ деньгами, братецъ ... Понимаю.

— Всё бы это мы могли съ тобою сдѣлать сегодня, продолжалъ Шихъ-Мансуръ ... но ужъ близокъ день, а надо быть осторожнымъ...

Въ эту минуту, какъ будто-бы, кто скрыпнулъ дверями юрты, въ которой оставался Батырь-Ша.

Братья тревожно переглянулись ...

— Ты ничего не слыхалъ, Клычь? спросилъ Шихъ-Мансуръ, измѣняя на этотъ разъ своему хладнокровію.

— Слышалъ ... скрыпнули двери ...

— Гдѣ показалось тебѣ ... въ которой сторонѣ?..

— Направо, братецъ ...

— Направо?.. а ... не въ нашей юртѣ?.. ну ... прощай ... до завтра ... О, если онъ подслушалъ, прошепталъ Шихъ-Мансуръ, обнаживъ кинжалъ и спрятавъ его за рукавъ.

Тревожно молодой мулла переступилъ порогъ юрты ... Огонь уже потухалъ, превративъ въ угли сырой камышъ, который, изрѣдка треща, бросалъ по сторонамъ мелкія искры. Шихъ-Мансуръ осторожно заглянулъ въ лицо великана. Послѣдній спалъ, повидимому, давно и крѣпко. Шихъ-Мансуръ успокоился на счетъ своихъ подозрѣній и, разославъ попону, бросился на свое скудное ложе ...

IV.

Вѣсть о пріѣздѣ хивинцевъ быстро пробѣжала по всѣмъ ауламъ Каратюлейскаго кочевья ... И въ полдень пространство степи, заключенное между юртами и камышемъ, представляло живую и разнообразную картину кочевой жизни киргизовъ, постигнутыхъ въ то время всѣми бѣдствіями суровой зимы. — Огромные костры сыраго камыша, разложеннаго на всемъ этомъ пространствѣ, бросая по сторонамъ яркія искры, пылали скуднымъ огнемъ. Густой и ѣдкій дымъ взвивался надъ ними чернымъ облакомъ и скрывалъ синеватую даль степи, на снѣгахъ которой тамъ-и-сямъ чернѣлись толпы женщинъ и наѣздниковъ. Около костровъ, покрытыя рубищемъ и окруженныя толпою ребятишекъ всѣхъ возрастовъ, бѣдныя матери, вперивъ мертвенный, болѣзненный взглядъ въ своихъ дѣтей, также жалкихъ и голодныхъ какъ онѣ сами, съ видимымъ нетерпѣніемъ ждали, когда тучный и сытый хивинецъ удостоитъ кинуть имъ горсть пшена на вымѣнъ за живой товаръ. Муки голода заглушали въ этихъ несчастныхъ разсудокъ и то высокое, то жаркое чувство, которое связываетъ настоящее и будущее женщины съ ея дитятею. Этотъ болѣзненный плачъ ребятъ, ихъ исхудалые, посинѣвшія отъ стужи лица не вызывали, какъ прежде, въ сердце киргизокъ тоски и душевнаго сожалѣнія; страданія малютокъ только раздражали ихъ, между-тѣмъ какъ собственныя испытанія увеличивали это раздраженіе ... Они съ завистью смотрѣли, когда хивинецъ, обойдя ихъ, обращалъ вниманіе на сына или дочь сосѣдки.

У одного костра, разложеннаго при началѣ аула, помѣщалось нѣсколько женщинъ, старый киргизъ и толпа больныхъ ребятишекъ. Дѣти, положивъ голову на колѣни матери и прикрытыя ветхой попоной или лоскуткомъ стараго халата, безсмысленно поглядывали то на проѣзжающихъ промышлениковъ, то на камышъ, который, шипя какъ змѣя, коробился и прыгалъ въ огнѣ. Женщины въ свою очередь, опустивъ на грудь голову, съ безотчетнымъ, убійственнымъ равнодушіемъ смотрѣли на блѣдныя щеки ребятъ своихъ, не трогаясь ихъ плачемъ и оживая тогда только, когда слышался вопросъ:

— Два мѣшка проса и суконная попона — за двухъ мальчиковъ... Ну кто? Давай скорѣй ...

Въ эту минуту глаза киргизокъ вспыхивали огнемъ восторга. При мысли о близкой добычѣ онѣ судорожно хватали ребятъ и, подымая ихъ на руки, старались на перерывъ перекричать другъ друга ...

— Я ... я!.. Возьми!.. Смотри, какіе здоровенькіе ... Большіе!.. Мои умѣютъ арканить коня ... Мой славно плететъ рогожи!..

Только старый киргизъ, составлявшій одну изъ видныхъ фигуръ этой голодной группы, не принималъ ни какого участія ни въ торгѣ, ни въ куплѣ. Видъ его былъ важенъ и угрюмъ ... Онъ не былъ похожъ ни на муллу, ни на хаджа, но рѣзко отличался отъ прочихъ киргизовъ своими пріемами и костюмомъ, который заключался въ длинномъ, бѣломъ халатѣ, подпоясанномъ бѣлымъ же кушакомъ ... Не смотря на суровый морозъ, старикъ былъ босъ и безъ шапки. Онъ дико посматривалъ на окружавшую его толпу и нашептывалъ что-то, подбрасывая въ рукахъ то легонькую *чабызгу*, то огромную палку, украшенную мѣдными бляхами.

День уже начиналъ вечереть ... Ребята мало-по-малу перешли въ руки хивинцевъ и пламя костра, у котораго помѣщался старикъ, выкидывая только одинъ дымъ, исчезало совершенно подъ развѣшанными надъ нимъ котлами, въ которыхъ голодныя женщины варили теперь просо, вырученное за ихъ дорогой товаръ.. Ребятишки, забракованныя разборчивыми покупателями, съ жадностію глотали влажный паръ, подымавшійся изъ котловъ, завидуя участи своихъ товарищей, которые ввиду ихъ лакомились остатками отъ прихотливой трапезы купцовъ ...

— Сами мы виноваты, сказала одна старая киргизка, подбросивъ въ свой котелъ щепоть соли, — если умираемъ вмѣстѣ съ нашими овцами отъ стужи ...

— А что же мы сдѣлали? отозвалась другая.

— Сдѣлали то, что остались теперь безъ дѣтей да и безъ *крута* ... *) Для чего намъ было откочевывать отъ русской границы?

— Да... Да ... послышалось въ толпѣ женщинъ.

Старуха продолжала:

А всё наши умники — батыри ... имъ тамъ воровать не даютъ, такъ вотъ здѣсь показалось лучше; а тутъ вышло, что ни украсть, ни съѣсть нечего ... Въ цѣломъ кочевьѣ только одинъ аулъ, старшины Аблая, еще богатъ овцами да верблюдами... Не такъ было тамъ... Тамъ, когда ни приди, въ Оренбургъ, что̀ ни принеси — продать можно было безъ убытку ... Ужъ хоть *касрыры* эти русскіе, а жалости въ нихъ больше чѣмъ въ хивинцахъ ...

— Правда ... отозвался старикъ, какъ-бы говоря самъ съ

---

*) Почти вседневная пища каждаго киргиза; она приготовляется на подобіе нашихъ сухихъ сырниковъ, изъ кислаго коровьяго или овечьяго молока.

собою и не оставляя чабызги ... Самъ помню, какъ три весны тому мы кочевали у Кизбеля ... *) вотъ въ такую же точно стужу ... Бывало — принесутъ наши ребятишекъ на границу, такъ воротятся оттуда и сыты и одѣты и съ серебромъ, а тутъ ... Худо намъ, худо!

Старикъ покачалъ головою, дико улыбнулся и еще промолвивъ зловѣщее *худо*, схватилъ чабызгу и издалъ нѣсколько пронзительныхъ звуковъ ...

Женщины съ испугомъ переглянулись между собою ... Онѣ, какъ будто сговорившись, въ одно мгновеніе раздвинули пространный кругъ около костра и боязливо посматривая на зловѣщее лицо старика, трепетно прижались одна къ другой ...

— Худо!.. Аллахъ, Аллахъ!.. Худо — сказалъ онъ, слышалось въ испуганной толпѣ ихъ.

Между-тѣмъ рѣзкій и пронзительный отголосокъ чабызги увеличивался съ каждымъ новымъ звукомъ. Старикъ видимо приходилъ въ какое-то изступленное состояніе. Глаза его, налившіеся кровью, дико блуждали кругомъ, готовые, казалось, выпрыгнуть изъ своихъ орбитъ.. судорожное и быстрое движеніе мускулъ страшно обезображивало и безъ того непривлекательное лицо кудесника; звуки чабызги привлекли вниманіе цѣлаго базара. Хивинцы и киргизы толпами, съ крикомъ: Баксы! Баксы! бросились къ мѣсту, гдѣ босой Торту-Джилкаръ, глава всѣхъ степныхъ гадателей и кудесниковъ того времени, начиналъ свое обычное представленіе.

— Худо, сказалъ онъ, говорили женщины.

— Худо! повторяли мужчины — и стѣсняли кружокъ любопытныхъ.

Торту-Джилкаръ бросилъ чабызгу и съ крикомъ, проникавшимъ до глубины суевѣрнаго сердца киргизовъ, кривляясь началъ вертѣться около костра.

— Нѣтъ ... вѣрно — хорошо! замѣтилъ одинъ изъ зрителей.

Всѣ посмотрѣли на него съ выраженіемъ любопытства и вопроса...

— Да, продолжалъ предсказатель ... Смотрите ... Торту-Джилкаръ ни одного раза не наступилъ на угли ... это значитъ, что Худай не выйдетъ изъ пламени и улетитъ вмѣстѣ съ дымомъ куда нибудь подальше отъ насъ, а съ нимъ — и зло.

— А я такъ думаю, что Баксы просто боится огня и не хочетъ жечь свои ноги, отозвался молодой хивинецъ ...

---

*) Мѣстечко, расположенное недалеко отъ русскаго укрѣпленія Баксаева.

Всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на дерзкаго вольнодумца и многіе изъ толпы уже готовы были вступиться за честь своего Баксы, какъ новый крикъ въ толпѣ: худо! ... худо! — наступилъ!.. обратилъ общее вниманіе на старика.

Въ эту минуту Баксы дѣйствительно обѣжавъ кругъ по горячимъ угольямъ, блѣдный, съ окровавленною пѣною у рта, закрутился на одномъ мѣстѣ и перепрыгнувъ черезъ костеръ, съ глухимъ стономъ, за-мертво рухнулся на землю ...

— Съ весною ... съ весною кончится все ... Худай не станетъ тогда поѣдать стадъ нашихъ! прошепталъ онъ.

— Весною! весною! радостно раздалось въ толпѣ ...

— Ну, а теперь-то ... теперь-то! кричали другія ...

Баксы успокоенный нѣсколько, приподнялся и махнувъ рукой, тихо отвѣчалъ:

— Теперь — худо ...

— Вѣдь онъ правду говоритъ, подхватилъ тотъ же молодой хивинецъ, обращаясь къ своимъ: намъ очень худо; глядите-ка, товарищи, . . мальчишки, которыхъ мы купили, увели нашихъ коней ...

На эти слова толпа киргизовъ разразилась громкимъ и радостнымъ смѣхомъ, какъ между-тѣмъ хивинцы бросились на оставшихся лошадей и понеслись въ догоню за бѣглецами.

Зрители, окружавшіе Баксы и довольные его пророчествомъ, мало-по-малу стали расходиться. Въ это время, на противуположномъ концѣ аула собиралась другая толпа любопытныхъ. Предметомъ ея вниманія былъ Батырь-Ша. — Почтенная одежда муллы, его умѣнье разсказывать о великихъ дѣяніяхъ пророка, о святыхъ могилахъ батырей и счастливыхъ минутахъ правовѣрнаго, который проводитъ ихъ въ молитвѣ на курганѣ Азрета *) — все заставляло киргизовъ съ особеннымъ уваженіемъ вслушиваться въ слова Хаджи ... Каждый изъ нихъ наперерывъ спѣшилъ купить у странствующаго мудреца какой-нибудь талисманъ, заключавшійся или въ горсти песку съ кургана Азрета или въ лоскутѣ бумаги, исписанномъ стихами изъ корана.— Такіе предметы, по мнѣнію киргизовъ, есть вѣрное средство противъ козней Худая,— средства, отстраняющія всякую бѣду — и потому любопытные снимали съ себя послѣдніе пояса или сколько нибудь цѣнныя украшенія и съ восторгомъ мѣняли ихъ на родную пыль, взятую муллою у порога ихней же юрты.

---

*) Особенно чтимый киргизами батырь, погребенный въ Туркестанѣ.

Старый Баксы издали разглядѣлъ Батырь-Ша, потому-что Хаджа былъ цѣлою головою выше его окружавшихъ. Вглядываясь пристальнѣе, Торту-Джилкаръ то улыбался, то хмурилъ брови и, казалось, еще не совсѣмъ довѣряя своимъ глазамъ, сомнительно покачивалъ головою ...

— Это онъ! съ радостною улыбкою сказалъ самъ себѣ Баксы: такъ вотъ куда эти длинныя ноги принесли дорогую голову, продолжалъ онъ ... Хорошо, Батырь-Ша, больше ты не будешь отымать у меня хлѣбъ, продавая талисманы и туманя правовѣрныхъ; да еще за тобой и должокъ есть ... я не забылъ, какъ больно поколотилъ ты меня въ Башкиріи, за то, что я предсказывалъ твою погибель ...

Торту-Джилкаръ весело улыбнулся, поднялъ свою чабызгу и опираясь на палку, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ Хаджа собиралъ обильную жатву во славу своего краснорѣчія... И вдругъ, среди самого обильнаго потока цвѣтистой рѣчи, глаза великана встрѣтились съ насмѣшливымъ взглядомъ стараго Баксы. Всегда смѣлый и хитрый, Хаджа совершенно растерялся въ эту минуту, видимо стараясь избѣжать непріятной для себя встрѣчи Это еще болѣе ободрило Торту-Джилкара.

— Здравствуй, Батырь! ...

Но Баксы не успѣлъ еще высказать послѣдняго слова, какъ Хаджа, раздвинувъ толпу, съ крикомъ: «Досъ-Джилкаръ!» кинулся ему на шею и такъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ рукахъ, что вся кровь бросилась въ голову стараго кудесника.

— На силу-то я встрѣтилъ тебя для новаго спасенія души твоей! продолжалъ Батырь - Ша, и снова съ тою же силою обвилъ своими длинными руками шею Баксы, наклонился къ его уху и шепнулъ:

— Если только заикнешься, старый обманщикъ, назвать меня по имени, такъ въ ту же минуту я выжму изъ тебя языкъ и душу.

Ошеломленный мощными пожатіями великана и его угрозой, Торту-Джилкаръ оставался безъ языка и памяти. Хитрый мулла воспользовался этой минутой, схватилъ Баксы за руку и увелъ за собою въ юрту.

— Ну, Торту-Джилкаръ, сказалъ Батырь-Ша, почти швырнувъ своего гостя на коверъ: — теперь мы одни и ты имѣешь полное право назвать меня по имени, даже можешь поцѣловать замасленный рукавъ моего халата, какъ дѣлывалъ это прежде ...

— Это было прежде, отозвался Баксы, приведенный въ чувство и память послѣднимъ толчкомъ муллы: — но теперь, Батырь-Ша, мы можемъ цѣловаться и обниматься, какъ братья ...

— Какъ братья? Что это значитъ, Торту-Джилкаръ?.. Или ты про-

сишь, чтобъ я напомнилъ тебѣ то разстояніе, которое существуетъ между нами?

— Его нѣтъ, мудрый Хаджа, насмѣшливо и съ язвительнымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ старикъ.

Батырь-Ша выпрямился во весь свой гигантскій ростъ, сжалъ кулаки и не двигался съ мѣста, сильно оскорбленный словами Баксы.

— Да, его нѣтъ, да и не было, тѣмъ же тономъ продолжалъ послѣдній.—Ты обманываешь легковѣрныхъ, я дѣлаю тоже самое; съ тою только разницею, что ты, прикрытый лохмотьями Хаджи, совершаешь зло однимъ средствомъ, а я другимъ...

— А!.. злодѣй! такъ ты не перестаешь злословить меня даже и въ глаза!..

— И... полно Хаджа: воронъ ворону глазъ не выклюетъ, говорятъ русскіе, съ которыми я пожилъ лѣтъ семь или восемь... Ну, скажи по совѣсти, развѣ ты не такой же обманщикъ, какъ и я?

— Торту-Джилкаръ! вскричалъ мулла, задрожавъ отъ гнѣва.

— Полно, Батырь-Ша: вѣдь я тебя не обидѣлъ.

— Не обидѣлъ... презрѣнный пёсъ!.. А развѣ назвать обманщикомъ того, кто посвятилъ всю жизнь на пользу правовѣрныхъ—не обида!

— Славная польза... Цѣлыя тысячи свелъ на убой... а потомъ еще учишь своихъ правовѣрныхъ... Пхе!.. обманывай мальчишекъ, да безпутныхъ степняковъ, а ужъ я тебя знаю, какъ свою совѣсть..

— Ты предатель, Торту-Джилкаръ!

— Я только кудесникъ, такой же какъ и ты...

— И не выйдешь отсюда! съ возрастающимъ жаромъ продолжалъ Батырь-Ша, выхвативъ спрятанный въ чапанѣ *) пистолетъ, которымъ въ туже минуту прицѣлилъ въ грудь Баксы.

— Ну, такъ останемся здѣсь оба! отвѣчалъ равнодушно старикъ, въ одинъ прыжокъ достигая до противника и уставивъ въ животъ его обнаженный кинжалъ.

Батырь-Ша улыбнулся и швырнулъ въ сторону свой пистолетъ.

Баксы повторилъ тоже самое, но сохраняя въ лицѣ холодную неподвижность и равнодушіе.

— Звѣрь на ловца бѣжитъ, какъ говорятъ русскіе, сказалъ онъ.

— Да... мы одинъ другаго стоимъ... Обнимемся Торту-Джилкаръ!

— Обнимемся, Батырь-Ша!

---

*) Халатъ или кафтанъ.

И новыя друзья, сохраняя въ душѣ прежнюю ненависть, обнялись, повидимому, съ особенною пріязнію.

— Скажи, началъ Хаджа, зажигая разложенныя на срединѣ юрты прутья камыша: — за что ты хотѣлъ предать меня, Баксы?

— За то, что ты отнялъ у меня въ Башкиріи мой доходъ и убавилъ у меня здоровья, отколотивши нагайками ... Долгъ платежемъ красенъ, какъ говорятъ русскіе.. Но не бойся, Батырь-Ша, теперь я этого не сдѣлаю, научи меня только продавать землю съ кургана Азрета.

— Изволь, душа души моей.

Между-тѣмъ камышъ вспыхнулъ и пламя его освѣтило полумрачную юрту.

— Такъ ты не предашь меня, Торту-Джилкаръ? спросилъ Батырь-Ша.

— Ни за золото, ни за круто въ голодный день ...

— Врешь, старый плутъ, подумалъ мулла: — надо предупредить тебя, а не то не миновать мнѣ петли. Сейчасъ же къ дѣлу; кстати, Баксы любитъ аракъ ... Э-ге, что это? вскричалъ Хаджа, какъ-будто нечаянно взглянувъ подъ войлокъ, брошенный въ углу.

— Что тамъ?

— Да погляди ... три фляжки и кажется ... да, такъ и есть, съ аракомъ, продолжалъ Хаджа, откупоривъ одну изъ нихъ. — Ай-да Шихъ-Мансуръ.

— Что? Ученикъ-то твой?

— Да, вотъ онъ какъ помнитъ мои завѣты.

— И въ самомъ дѣлѣ, Батырь-Ша, не прощай ему этого грѣха... выкинь эту скверну за порогъ юрты... или, постой, постой!.. Дай сюда...

Хаджи едва владѣлъ собою отъ удовольствія, поставивъ всѣ три фляжки предъ кудесникомъ. .

Вслѣдъ за тѣмъ не прошло и получаса, какъ Баксы покидалъ пустыя фляжки въ огонь.

— Пусть превратится въ пепелъ и прахъ камышъ, въ который заплетены вы, сказалъ онъ: — такъ, какъ превращается въ прахъ моя ненависть къ мудрому Батырь-Ша.

— Спасибо, спасибо тебѣ, Торту-Джилкаръ.

— Чего спасибо. Я вѣдь говорю, что̀ чувствую. Это, какъ говорятъ русскіе, что̀ у трезваго на головѣ, то̀ у пьянаго на языкѣ.

— Да какже это, Баксы: вѣдь у трезваго на головѣ шапка, зачѣмъже она на языкъ попадетъ...

— Надо ... такъ надо, умница Батырь-Ша, отвѣчалъ не въ мѣру подгулявшій старикъ. — Ты думаешь, что я ужъ поглупѣлъ, продол-

жалъ онъ. — А вотъ нѣтъ, я чувствую, что всё дѣлаюсь ... какъ-бы сказать ... Положи меня спать, умница Батырь-Ша! И старикъ упалъ на коверъ и захрапѣлъ въ туже минуту.

— Хорошо, Баксы. Это быть можетъ твой вѣчный сонъ, прошепталъ Батырь-Ша. Онъ какъ ребенка приподнялъ старика и перенесъ его на противоположную сторону, потомъ потушилъ горѣвшій камышъ, закрылъ отверстіе юрты и легъ на войлокъ.

V.

Шихъ-Мансуръ, разставшійся утромъ съ Аблаемъ и Айканы на вѣчную разлуку, чтобы успокоить подозрѣнія Батырь-Ша оставилъ аулъ и провелъ цѣлый день въ степи. Едва только ночь раскинулась надъ этою степью, какъ молодой мулла, вѣрный своимъ намѣреніямъ, бросился въ сѣдло и мелкою рысью пустился къ аулу. Занятый мыслями о будущемъ, онъ не замѣчалъ дороги и встрѣчныхъ киргизовъ, возвращавшихся съ базара, и только тогда вспомнилъ о настоящемъ, когда чернѣющійся камышъ и клубы дыма, предвѣстники близкаго кочевья, обозначились передъ его глазми на сѣроватомъ фонѣ степи. Шихъ-Мансуръ сдержалъ коня и поровнявшись съ камышами, окликнулъ брата.

Крайняя купа камышей дрогнула, сбросила съ себя морозный иней и Клычь, выпрыгнувшій изъ этой купы, подбѣжалъ къ стремю Шихъ-Мансура.

— Я здѣсь, братецъ, отвѣчалъ онъ.

— Ага! Не напрасно же Аблай сказалъ, что ты всегда стоишь ласки ... а ... погоди ... что это у тебя за плечами? ...

— Мѣшокъ, братецъ, который, ты говорилъ, нуженъ будетъ ...

Все помнитъ, волченокъ, — подумалъ Шихъ-Мансуръ — и нагнувшись съ сѣдла, онъ съ любовью погладилъ курчавую голову Клыча.

Мальчикъ задрожалъ отъ удовольствія и почтительно поцѣловалъ руку брата.

Оставивъ въ камышахъ коня, братья осторожно и ни кѣмъ не замѣченные прошли позади юртъ до юрты Батырь-Ша. Мракъ да храпѣніе спящаго и несвязный бредъ его встрѣтили въ ней Шихъ-Мансура и Клыча.

— Тс!.. осторожнѣе ... прошепталъ первый, обнажая кинжалъ и достигая ползкомъ противуположнаго отъ дверей юрты угла. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, убійца трепетной рукой ощупалъ спящаго, осторожно отогнулъ у него воротъ халата и обращаясь къ Клычу, тихо сказалъ:

— Приготовь мѣшокъ, да взведи курокъ ружья на случай неудачи.

Въ туже минуту спящій дрогнулъ, захрапѣлъ и судорожно замѣтался по полу юрты.

— Вотъ она! громко сказалъ Шихъ - Мансуръ. — Давай, Клычь, мѣшокъ.

— Какъ, ужъ всё кончено? спросилъ малютка.

— Всё; давай мѣшокъ ... Съ этими словами Шихъ-Мансуръ бросилъ въ мѣшокъ голову, отдѣленную отъ туловища своей жертвы и какъ-бы пораженный свершоннымъ злодѣйствомъ, быстро бросился вонъ изъ юрты. Клычь, испуганный волненіемъ брата, поспѣшилъ за нимъ. Но едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, какъ Шихъ-Мансуръ, трепеща всѣмъ тѣломъ, остановилъ малютку.

— Слышишь! вскричалъ онъ, обезображенный страхомъ и отчаяніемъ.—Слышишь?

— Да... Охъ! я брошу, братецъ, мѣшокъ... голова хохочетъ такъ страшно!..

— Нѣтъ, нѣтъ! это за нами, въ юртѣ! съ этими словами Шихъ-Мансуръ вырвалъ мѣшокъ изъ рукъ Клыча и бѣгомъ пустился къ камышамъ, въ то время какъ сзади его раздавался пронзительный и рѣзкій хохотъ.

Не разбирая ни овраговъ, ни снѣжныхъ сугробовъ, конь молодаго муллы, понукаемый ударами плети, быстро мчался впередъ. Мальчикъ, ухватившись обѣими руками за плечи брата, едва могъ держаться позади его.

Аулъ и камыши уже скрылись за бѣглецами и только необозримая, снѣжная равнина раскидывалась теперь передъ ними. Вѣтеръ, начинавшій свѣжѣть, съ каждою минутою взвивалъ сухой снѣгъ степи, засыпая глаза и коня, и всадниковъ.

— Бѣда намъ, Клычь, сказалъ Шихъ-Мансуръ, сдерживая своего скакуна: — того и гляди, что разыграется погода ... пропадемъ мы въ этихъ сугробахъ ...

Онъ угадалъ. Черезъ нѣсколько минутъ хлопья снѣга, взвиваемыя вѣтромъ, замелькали надъ равниною. Снѣгъ густѣлъ, вѣтеръ усиливался. Конь, пугаемый на каждомъ шагу, то перебѣгающимъ по степи баялишемъ, то порывомъ урагана, фыркалъ, осѣдалъ и съ новымъ усер-

діемъ, съ новою силою бросался впередъ, но въ туже минуту уставалъ, и становился какъ вкопаный.

— Нѣтъ, отдохнемъ, Клычь, сказалъ Шихъ-Мансуръ: — зароемся въ снѣгъ и переждемъ непогоды.

Малютка былъ на все согласенъ. Онъ весело спрыгнулъ съ сѣдла, помогъ брату спуститься на землю и, сбатовавъ коня, принялся разгребать снѣгъ голыми руками.

Скоро Шихъ-Мансуръ и Клычь, закутавшись въ свои чапаны, хотя не съ большими удобствами, нашли однакожъ въ снѣжной ямѣ пріютъ отъ непогоды. Вѣрный и привычный къ суровой природѣ степей, конь ихъ не отходилъ отъ своихъ хозяевъ. Понуривъ голову, онъ изрѣдка фыркалъ, расширялъ ноздри и сверкая глазами, безпокойно переминался на мѣстѣ, какъ-бы чувствуя приближеніе незнакомаго человѣка или звѣря. Путники, занесенные хлопьями снѣга, не замѣчали его безпокойныхъ движеній ... Дремота одолѣвала ихъ, и не смотря на гибельныя слѣдствія сна въ такихъ обстоятельствахъ, Шихъ-Мансуръ, измученный и утомленный подвигами минувшаго дня, заснулъ ... Но сонъ его былъ не продолжителенъ. Тревожимая совѣсть заговорила въ душѣ убійцы и видѣнія, одно другаго ужаснѣе, представились воображенію молодаго человѣка. Ему казались то обезглавленный трупъ Батырь-Ша, то прекрасная Айканы, упрекающая его въ преступленіи, то цѣлыя тысячи людей, въ виду и на потѣху которыхъ сожгли его на кострѣ, какъ обманщика и лжепророка, то опять тотъ-же трупъ падалъ на грудь его всею своею тяжестью и давилъ какъ свинецъ .... Шихъ-Мансуръ вздрагивалъ, силясь вырваться изъ обаянія этихъ страшныхъ сновъ — и не могъ; сонъ, въ которомъ ищутъ отрады и успокоенія несчастные, для него былъ въ эту минуту тяжелою пыткою ... И вдругъ ему послышался болѣзненный крикъ Клыча, потомъ чей-то шорохъ и близкое дыханіе наклонившагося надъ нимъ человѣка. Онъ открылъ глаза и встрѣтился ими съ глазами — Батырь-Ша. Суевѣрный киргизъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Между-тѣмъ привидѣніе медленно протянуло руку къ мѣшку и, схвативъ его, отошло въ сторону. Задыхаясь отъ страха, Шихъ-Мансуръ силился оторвать свой испуганный взглядъ отъ грозной фигуры великана, но чувства и воля его онѣмѣли. Онъ походилъ на живой трупъ, лишенный мысли и свободы движеній.

— Шихъ-Мансуръ! торжественно и глухимъ голосомъ сказалъ великанъ — я сдержалъ мое слово ... Ты видишь: смерть не можетъ быть для меня препятствіемъ къ вѣчной враждѣ съ тобою и къ вѣчному преслѣдованію тебя на пути твоей жизни ... Помни, что каждое зло, которое ты испытаешь, принесетъ тебѣ зарѣзанный тобою Батырь-Ша.

Великанъ медленно кивнулъ огромною головою и изчезъ въ облакѣ морозной вьюги.

Глухой стонъ вырвался изъ груди Шихъ-Мансура, когда исчезло привидѣніе.

— Клычь, спросилъ онъ шопотомъ и едва переводя дыханіе: ты видѣлъ?.. Ты слышалъ?..

— Слышалъ и видѣлъ, братецъ, отвѣчалъ трепещущій малютка.

— Стало-быть это не сонъ, не порожденіе моей проснувшейся совѣсти?..

— Хорошо, когда-бы это былъ сонъ, отозвался Клычь; я вотъ, братецъ, нѣсколько разъ видѣлъ во снѣ, что меня продаютъ въ Хиву, а проснусь ... погляжу, — все на томъ же войлокѣ и въ родной юртѣ... Ну, а теперь кабы это случилось во снѣ, такъ мѣшокъ-то остался-бы съ нами.

— Да ... да, Клычь ... Это страшный Батырь-Ша, которому кажется самъ Худай приставилъ другую голову ... Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что мой учитель обманывалъ людей и пророка ... Онъ былъ закорѣнелый ярунчи; недаромъ же у него была сила верблюда, глазъ лисицы и жадность шакала...

Да погоди, у меня отъ этихъ бродяжныхъ мертвецовъ есть въ *калтѣ* *) крошечная записочка, перебилъ Клычь ... Пусть-ко еще покажется ... дамъ я ему ее понюхать, разсыпится онъ у меня прахомъ...

Шихъ-Мансуръ грустно улыбнулся.

— Нѣтъ, Клычь, сказалъ онъ — здѣсь талисманъ твой безсиленъ... Добро и зло свершается надъ нами по волѣ пророка, первое есть награда, второе наказаніе ... И если Батырь-Ша бродитъ еще по землѣ, то въ немъ я вижу карателя моихъ грѣховъ ... Однако — оставимъ это проклятое мѣсто!

Братья снова сѣли на своего коня и пустились впередъ на удачу.

Два дни и двѣ ночи не стихали вьюга и вѣтеръ въ степи. Не находя пріюта, путники наши, въ это время терпѣли всѣ ужасы скитальчества. Шихъ-Мансуръ проклянулъ свою встрѣчу съ Батырь-Ша, которая помѣшала ему перебраться за Каспій и теперь, лишенный всѣхъ средствъ къ скорому достиженію этой цѣли, приходилъ въ страшное отчаяніе. Малютка, замѣчая тоску брата, не говорилъ ни слова о сво-

---

*) Походная сумка киргизовъ, въ которой прячутся талисманы, листки исписанные стихами изъ Корана, табакъ, кремень и огниво.

ихъ страданіяхъ и выносилъ ихъ съ удивительнымъ терпѣніемъ ... На третій день измученный конь палъ.

— Все кончено!— сказалъ Шихъ-Мансуръ. —Худай съ Батырь-Ша за одно противъ насъ ... Ну, Клычь, что мы теперь будемъ дѣлать... Круто съѣдено, конь палъ — члены леденѣютъ отъ стужи...

— Пророкъ милостивъ, братецъ, отвѣчалъ малютка, едва скрывая слезы тоски и отчаянія. Пойдемъ впередъ, быть можетъ, сыщемъ кочевье ... или хоть камыши, въ которыхъ, разведя огонь, и согрѣемся.

Шихъ-Мансуръ бросилъ печальный взглядъ на падшаго коня, осмотрѣлъ однообразную окрестность и не находя ни гдѣ и ни въ чемъ близкаго спасенія, уже не скрывая своей грусти, двинулся впередъ. Дорога была совершенно потеряна для нашихъ путниковъ, они пробирались на удачу по сугробамъ снѣга, который былъ такъ глубокъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Клычь тонулъ въ немъ съ головою ... Почти на каждомъ шагу Шихъ-Мансуръ долженъ былъ спасать брата, а иногда и нести его на рукахъ ... Послѣ четырехъ часовъ ходьбы, голодъ, усталость и потеря силъ такъ измучили молодаго батыря, что онъ упалъ въ изнеможеніи на снѣгъ. Отчаяніе лишило его разсудка и твердости. Лишенія превосходили мѣру человѣческаго терпѣнія.

— Довольно — сказалъ онъ: надежды мои изчезли... Я погибаю... Клычь, зарой меня въ этихъ снѣгахъ—и иди, ищи себѣ жизни и спасенія, или умирай со мною...

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, вскричалъ Клычь, я не дамъ тебѣ умереть здѣсь ... Ахъ, продолжалъ онъ съ чувствомъ неизъяснимой тоски, глядя на блѣдное и страдальческое лицо брата, зачѣмъ я ребенокъ и зачѣмъ у меня нѣтъ силы наѣздника ... я бы десять дней и десять ночей несъ тебя на рукахъ моихъ до перваго аула, до первой юрты. А теперь ... Постой!.. Слышишь? сказалъ онъ и глаза его, полные до этой минуты слезами, сверкнули восторгомъ...

— Да! радостно и приподымаясь повторилъ Шихъ-Мансуръ ... гдѣ-то ржетъ конь...

— Братъ !.. братъ! — мы спасены! перебилъ Клычь ... видишь ... направо камыши ... нѣсколько коней ... люди тамъ ... А!.. да это кажется партія тѣхъ хивинцовъ, что́ были въ нашемъ кочевьѣ.

— Хивинцы ! вскричалъ Шихъ-Мансуръ. И какой-то изступленный восторгъ исказилъ при этомъ черты лица молодаго батыря ... Клычь, сказалъ онъ — взявъ за руку мальчика — не проклинай твоего брата ... но...

Малютка съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Шихъ-Мансура. За что мнѣ проклинать тебя, братецъ? спросилъ онъ.

— За что? мрачно спросилъ Шихъ-Мнасуръ. За то, что, быть можетъ, черезъ твои страданія я выйду на торную дорогу къ моей цѣли...

— Что ты говоришь, братецъ?..

— Клычь, мнѣ черезъ нѣсколько дней должно быть за Каспіемъ... Мнѣ нуженъ конь...

— Ну?..

— За коня я продамъ тебя хивинцамъ...

Тоска и ужасъ выразились на лицѣ малютки. Дрожавшія губы его не могли произнести ни одного слова и только умоляющій взглядъ высказывалъ состояніе его души. Жалкій видъ брата и выступившія на глазахъ его слезы тронули на мгновеніе твердое сердце Шихъ-Мансура. Съ несказанной тоской онъ отворотился отъ Клыча, желая скрыть свои настоящія чувства.

— Братъ, рыдая проговорилъ мальчикъ: не продавай меня... за что я буду *сарты*... Нѣтъ... нѣтъ, братецъ; я не боюсь быть сарты... я не боюсь хивинцевъ... но не хочу навѣчно разстаться съ тобою... Пощади меня... я умру съ тоски... я все буду плакать, каждый день, пока не умру...

И малютка, цѣлуя руки Шихъ-Мансура, со слезами упалъ къ его ногамъ...

— Встань, Клычь... я думалъ, что ты въ самомъ дѣлѣ будешь батыремъ... что любишь своего брата...

— Люблю — клянусь тебѣ прахомъ нашей матери! — такъ люблю какъ никто, какъ даже Айканы не можетъ любить тебя!..

— Любишь и... плачешь при мысли принести себя въ жертву для моей будущей славы, для исполненія цѣли всей моей жизни...

— Братъ... братъ!.. не упрекай меня... Вижу, что мнѣ не выплакать своей свободы... и разставаясь съ тобой, я не хочу, чтобы ты сказалъ когда нибудь самъ себѣ, вспомнивъ обо мнѣ: я продалъ его.

Блѣдное лице ребенка ожило, онъ улыбнулся, стараясь заглушить принужденною веселостію тоску свою.

— Тебѣ нуженъ конь, братецъ... хорошо... я очень люблю тебя.. Продай меня хивинцамъ, — сказалъ Клычь... И послѣ, никогда не упрекай себя въ этой продажѣ... я самъ себя продаю... я хочу этого... я хочу въ Хиву... Пойдемъ.

Чрезъ полчаса Шихъ-Мансуръ, на лихомъ конѣ, съ запасомъ крута, оставивъ партію хивинцевъ и камыши, ускоренною рысью пустился по тропинкѣ, протоптанной промышлениками. Раскаяніе въ

совершенной продажѣ терзало сердце батыря и онъ быстро мчался впередъ, стараясь потерять изъ виду камыши, у которыхъ на холмѣ оставался Клычь, слѣдя печальнымъ взглядомъ за удалявшимся братомъ...

— Больше я его не увижу! прошепталъ малютка, отирая крупныя слезы, когда конь и всадникъ исчезли въ вечернемъ туманѣ.

VI.

Наконецъ прошла тяжелая и суровая для киргизовъ зима на Усть Урти. Исчезли глубокіе снѣга на равнинѣ; ихъ замѣнила тощая степная травка, вьюги и ураганы смѣнились отрадной прохладой весны и пернатыя гости юга цѣлыми вереницами зарѣяли надъ оживленною степью. Весело встрепенулись и люди, и животныя; жизнь, со всѣми интересами кочевья, закипѣла въ аулахъ киргизовъ. Конныя наѣздники, обгоняя степнаго беркута, рыскали по степи, кто ища добычи, кто славы въ мстительной барантѣ, но всѣ и каждый спѣшили оставить камыши и горы и перебраться на раздольныя луга къ берегамъ рѣкъ и озеръ.

Рано утромъ, въ первыя дни весны, едва только исчезъ снѣгъ на равнинѣ, поднялся аулъ Аблая. Юрты, взгроможденныя на арбы, толпы веселыхъ наѣздниковъ и наѣздницъ, атары верблюдовъ и быковъ съ нагруженными на нихъ пожитками и привѣшенными по обоимъ сторонамъ мѣшками, въ которыхъ рядомъ съ ребятами покоились и ягнята, все это рисовало любопытную картину отправлявшагося въ путь кочевья.

Звуки кобызговъ мѣшались съ громкимъ говоромъ и веселымъ смѣхомъ молодежи. Дѣвушки, также искусныя въ верховой ѣздѣ, какъ и старые батыри, въ праздничныхъ одеждахъ, сидя на ловкихъ и быстрыхъ коняхъ, дружными кавалькадами летали по степи, обгоняя молодыхъ наѣздниковъ...

Навьюченные верблюды и быки, подгоняемые женщинами, уже выступали за камыши, за ними тронулось и все кочевье...

— Что-то принесетъ намъ эта весна, — сказалъ одинъ старый киргизъ, обращаясь къ двумъ своимъ товарищамъ, шедшимъ съ нимъ

рядомъ, — прибудетъ-ли у насъ скота? Пошлетъ-ли Аллахъ намъ помогу?...

— Да ужъ будетъ все хорошо, — отвѣчалъ другой.

— Эге!.. а ты это какъ знаешь? подхватилъ третій товарищъ.

— Пхе!... Забыли вы, что говорилъ Бакса Торту-Джилкаръ,..

— Стой, Бишъ-Чохъ! вскричалъ старикъ, начавшій разговоръ, — скажи, ради Аллаха, куда дѣвался нашъ Бакса?

— А кто его знаетъ, ушелъ куда-нибудь въ другое кочевье... Правда, пропалъ-то онъ такъ странно...

— Какъ, пропалъ?

— Ну, какъ-же... Помните тотъ день, когда къ намъ пріѣзжала партія хивинцевъ?

— Еще-бы забыть!.. Я тогда всѣхъ ребятъ моихъ продалъ, отозвался одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ну, такъ стало-быть, ты не забылъ и того, что въ этотъ самый день у насъ появился въ аулѣ какой-то странствующій хаджа... Вотъ, какъ теперь помню я, продолжалъ разскащикъ, что хаджа и Баксы поцѣловались, обнялись, потомъ, въ виду всѣхъ, огромный Хаджа взялъ Торту-Джилкара за воротъ, приподнялъ какъ связку сухаго шашлыка и унесъ въ юрту.

— Правда, правда! Всё это и я помню... Еще тогда, какъ они скрылись изъ глазъ нашихъ, да проститъ мнѣ Аллахъ, я невольно подумалъ, что этотъ странникъ долженъ быть съ родни Худаю.

— Э-ге!.. И я такъ думалъ, отозвался Бишъ-Чохъ. Странно было видѣть его огромную голову...

— А руки-то! подхватилъ другой киргизъ: длинныя, какъ оглобли у арбы.

— И должно быть славно умѣютъ защищать глубокія карманы въ своихъ чапанахъ.

— И лицо, я помню, такое страшное, такое волчье...

— Зато говоритъ, точно бишь-бармакомъ кормитъ...

— Ну, такъ, Бишъ-Чохъ, вѣдь въ аулѣ на другой день никто ихъ не видѣлъ.

— Что-жъ, можетъ-быть, ночью вмѣстѣ и уѣхали.

— Въ такой ураганъ, какъ былъ въ эту ночь!

— Пхе! Такъ не провалились-же они сквозь землю... все хоть бы дыра на томъ мѣстѣ осталась... Не сгорѣли, потому-что Аблай послѣ нихъ нашелъ въ пеплѣ и угляхъ только три пустыхъ фляжки, да нѣсколько капель крови на попонѣ... Ну, вѣрно подпили да и подрались...

— Кстати, Бишъ-Чохъ, не слыхалъ ты, что случилось у стараго Аблая... вѣдь посмотрите-ка, его юрта и теперь еще остается на мѣстѣ.

Киргизы оглянулись назадъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на мѣстѣ снявшагося кочевья, представлявшемъ теперь одно обширное поле, еще чернѣлась юрта Аблая.

У порога ея сидѣлъ старый Бій, грустно опустивъ голову, и изрѣдка, почти безсмысленнымъ взглядомъ окидывая шумныя толпы женщинъ, скакавшихъ верхами мимо его. Кучукъ и Абулфетъ таскали изъ юрты пожитки и складывали ихъ на верблюдовъ.

— Ну, теперь все! сказалъ наконецъ Абулфетъ, когда послѣдній котелъ былъ повѣшенъ на арбу. Аблай приподнялъ голову, разсѣянно посмотрѣлъ на сына и махнулъ рукою.

— Погоди, — еще поспѣемъ, сказалъ онъ.

— Чего-же ждать, отецъ?

— А быть можетъ она и придетъ еще, отвѣчалъ старикъ, не скрывая слезъ своихъ. — Ахъ, Айканы, Айканы!.. прошепталъ онъ: неуже-ли ты могла бросить старика, не-уже-ли ты говорила правду: отецъ, отецъ, я не могу забыть его...

— Батырь-Бій-Аблай, не помочь-ли твоимъ ребятишкамъ взвалить на верблюда юрту... Видишь, какъ далеко ушелъ весь аулъ... отстанемъ, не скоро догонишь, сказалъ молодой наѣздникъ, поровнявшійся со старикомъ. — Э-ге! да что это ты, продолжалъ киргизъ: — точно тебѣ жаль зимы, не радъ веснѣ... Гдѣ твоя Айканы, вѣрно гоняется съ плеткой за молодцами, хоть-бы она развеселила тебя.

— Айканы, повторилъ старикъ. — Нѣтъ ея, досъ; вотъ жду и недождусь, а безъ не мнѣ и весна не весна.

— Гдѣ-же она, Батырь-Бій-Аблай?

— Не знаю... пропала.

— Пропала... какъ, украли? Да кто-же?

— Нѣтъ... я думаю сама бросила старика.

— Э-ге!.. постой-ка... У тебя не было въ прошедшую ночь никакого гостя?

Старикъ отрицательно покачалъ головою.

— Не было? повторилъ киргизъ. Такъ кто-же это передъ восходомъ солнца сегодня вышелъ изъ твоей юрты, засѣдлавъ коня?

— И?.. вскричалъ Аблай.

— Уѣхалъ въ степь.

— Куда? въ какую сторону?

— Какъ-же тебѣ сказать объ этомъ? Степь широка, на ней вездѣ

дорога ... и наѣздникъ, исчезнувъ изъ виду аула, могъ взять какое ему угодно направленіе.

Старикъ оглянулся на степь, какъ-бы ища въ ней знакомаго предмета, медленно, съ выраженіемъ печали покачалъ головою и приказалъ своимъ ребятишкамъ сбирать овецъ.

— Это она! вскричалъ онъ. Знаю, зачѣмъ она бросила старика-отца, прошепталъ Аблай. — Аллахъ! Аллахъ, заключилъ онъ, — сохрани ее безпомощную въ этой жизни!

ЧАСТЬ II.

—

ВЪ ГОРАХЪ.

I

Спустя десять лѣтъ, перенесемся отъ грустныхъ сценъ безплодной и однообразной равнины Усть-Урта, въ мрачныя ущелья Фартама, къ живописной природѣ нагорной Чечны. Во время, описываемое нами, страна эта представляла страшное гнѣздо разбойниковъ и головорѣзовъ, между которыми еще и теперь часто находятъ пріютъ горные хищники. Окаймленная и прорѣзанная бурными рѣками и потоками, Чечна была окружена тогда непроходимыми рощами, теперь нѣсколько вырубленными, за которыми раскидывались хутора хищниковъ, часто расположенные на вершинахъ неприступныхъ скалъ, рядомъ съ гнѣздомъ орла, надъ бездною, гдѣ едва-замѣтную тропинку для пѣшехода и отчаяннаго наѣздника проторила нога дикой козы или легкаго тура. Обитатели этихъ недоступныхъ скалъ, вскормленные съ кинжала, среди кровавыхъ сценъ наѣздничества, невольно свыклись съ хищничествомъ и полюбили удаль набѣга, отвергая всякое ремесло и безтревожную жизнь, тѣмъ болѣе, что сама мѣстность представляла имъ всѣ удобства грабить своихъ сосѣдей безнаказанно. Чечна была сборищемъ бродягъ и удальцевъ, которыхъ весь капиталъ прятался въ ножнахъ шашки, а настоящее и будущее въ стволѣ винтовки. Потому не удивительно, что только между Чеченцами являлись эти отчаянные выходцы, подосланные врагами Рос-

сіи, муллы и лжепророки, смѣло разсчитывавшіе на дерзость и отвагу хищниковъ Чеченцы, одинаково и съ обычною готовностью, что́ видимъ изъ исторіи Кавказа, отвѣчали на воззванія Шихъ-Мансура, Кази-Муллы и даже Шамиля. Теперь только, когда топоръ русскаго солдата проложилъ дороги въ мрачныхъ лѣсахъ до неприступныхъ хуторовъ, а штыкъ размѣталъ на вѣтеръ саклю хищника, только теперь наѣздникъ не шашкой, а сохой чеканитъ абазы...

Въ началѣ 1785 г., горцы, ободренные неудачною экспедиціею русскаго отряда на Сунжѣ, не смотря на весенніе потоки въ горахъ, дурныя дороги и обвалы, большими партіями спѣшили къ Фартаму, съ видимымъ намѣреніемъ приступить къ дѣлу, которое-бы не ограничилось однимъ наѣздомъ и грабежемъ.

Въ это-то время, однажды, въ холодное апрѣльское утро, ниже аула чеченскаго общества Нашехи, десять человѣкъ горцевъ, на измученныхъ коняхъ, взбирались вверхъ по излучистой тропинкѣ Гушейской скалы. По изодраннымъ буркамъ всадниковъ, по ихъ невеселымъ лицамъ, до половины закрытымъ башлыками, можно было заключить, что Чеченцы возвращались или изъ дальняго пути или изъ неудачнаго наѣзда ... Иные изъ нихъ, стараясь разогрѣть продрогнувшіе отъ стужи члены, джигитовали на узкихъ и скользкихъ площадкахъ скалы, другіе, завернувшись въ сквозную, какъ рѣшето, бурку, отрывистыми проклятіями привѣтствовали холодный вѣтеръ и снѣга Фартама. Только двое передовыхъ наѣздниковъ отличались отъ товарищей бодрымъ взглядомъ, богатымъ вооруженіемъ и не совсѣмъ изодранными чухами. Они ѣхали молча, изрѣдка перекидываясь отрывистымъ и незначительнымъ вопросомъ или словомъ.

Теплый весенній день уже смѣнялъ сырую ночь и влажный туманъ, подымаясь цѣлыми облаками на предгорье, открывалъ живописную декорацію окрестностей Нашехи. Внизу, подъ ногами нашихъ путниковъ, какъ двѣ чешуйчатыя змѣйки, разбѣгались послѣдніе рукава Аргуна, которые, отрѣзавъ правую и лѣвую возвышенности Фартама, исчезали въ ихъ мрачныхъ ущельяхъ. Купы молодой зелени, растилаясь мелкимъ кустарникомъ, то прятались за крутизною береговъ, то ползучимъ можжевельникомъ и мелкимъ самшитомъ взбѣгали на желтыя скалы, соединяясь съ вѣковѣчною сосною, послѣднимъ свидѣтельствомъ жизни на этихъ недоступныхъ скалахъ. Тамъ и сямъ, по предгорьямъ, вылеталъ кудрявый дымокъ, указывая чернѣющіяся сакли, налѣпленныя по скатамъ и обрывамъ, какъ гнѣзда карагутовъ. Стада лѣнивыхъ буйволовъ, десятки медленно движущихся арбъ и быстро мелькающія группы наѣздниковъ, да сотни боевыхъ стреноженныхъ коней, все это рисовало про-

бужденіе нагорныхъ ауловъ, готовящихся въ наѣздъ. Подымаясь выше, до точки, занимаемой нашими путниками, взглядъ ихъ обнималъ безмолвную пустыню скалъ, засыпанныхъ снѣжными обвалами, надъ которыми съ пронзительнымъ крикомъ вился то орелъ, то съ шумомъ пролетала дикая индѣйка, испуганная присутствіемъ человѣка, и за нею неизбѣжный ея спутникъ — легкій туръ, едва касаясь запорошеннаго снѣгомъ кремня, какъ вихрь перелеталъ съ стремнины на другую... Глыбы камня и снѣгу, оторванныя его копытомъ, съ глухимъ шумомъ катились по обрыву и засыпали слѣдъ бѣглеца... Голыя сосны, вырванныя бурей и брошенныя съ корнемъ на землю, живыми мостами перекидывались чрезъ трещины и пропасти, на закраинахъ которыхъ осторожно пробирались два наѣздника... Надъ головой ихъ возвышались мрачныя, черныя развалины какого-то древняго храма, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ развалинъ, подымаясь выше, на самый пикъ скалы, раскидывался еврейскій аулъ Кугутхай.

— Лѣвѣе, узденъ Нешхай! вскричалъ одинъ изъ передовыхъ всадниковъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, богатырскими плечами и дурнымъ выговоромъ, по которому легко можно было узнать въ немъ дагестанскаго татарина. Съ этими словами рослый наѣздникъ схватилъ за мундштукъ коня своего товарища и почти втащилъ его на площадку.

— Башхенкалъ знаетъ фартамскіе трущобы, какъ грѣхи свои, съ веселою улыбкою отвѣчалъ молодой узденъ, заглянувъ съ сѣдла въ мракъ и бездну пропасти, въ которую едва не упалъ за минуту. — Подождемъ товарищей, продолжалъ онъ: безъ проводника они разбредутся здѣсь и не скоро сберешь ихъ послѣ.

— А, да вотъ кстати и площадка, отозвался Башхенкалъ, указавъ плетью на глыбу камня, повисшую надъ балкой. — Не худо будетъ, если дадимъ вздохнуть измученнымъ конямъ, теперь хоть дорога и не дальная, да трудная: змѣей ползти внизъ придется...

— Для чего-же ты повелъ насъ этими трущобами, когда можно было безопасно и безъ изнуренія для нашихъ коней пробраться къ сборному мѣсту ущельемъ?.. спросилъ молодой узденъ, быстро выскакавъ впередъ и спрыгнувъ съ сѣдла.

— Для того, что здѣсь мы выгадали два дни, которые-бы потеряли, объѣзжая эти скалы, а теперь для насъ каждый шагъ дорогъ. Шихъ-Мансуръ завтра на разсвѣтѣ двинетъ всѣ отряды вверхъ по Аргуни, и которыя партіи отстанутъ—догоняй его послѣ на рысяхъ... Смотри-ко, продолжалъ горецъ, указывая внизъ,—отсюда можно видѣть, что наѣздники собрались всѣ, и всѣ какъ будто черезъ часъ въ путь: и кони и лошади на отдыхѣ... Кажется, только насъ и поджидаютъ.

— Много для насъ чести, Башхенкалъ. Двадцать моихъ молодцовъ, въ числѣ этихъ тысячь — не то ли же самое, что два зерна въ горсти пороху...

— Пхе! не подкрашивая слова ложью, можно сказать, Нешхай, что два зерна пороху, купленныхъ на рынкахъ Эндери — дороже цѣлаго мѣшка выдѣланнаго какимъ-нибудь *Лэгэ*. *) Не у всякаго карагута клювъ остеръ, не всякая шашка рубитъ врага съ кабардинки до стремя!.. Такъ-то... Недаромъ вѣрно Башхенкалъ два дни и двѣ ночи, обгоняя горный вѣтеръ, летѣлъ за вами, сломя голову ... Послушалъ бы, какихъ чудесъ насказали Шихъ-Мансуру про тебя и твою партію. Пхе! Жаль только, говоритъ, что наѣздники Нешхая не истинно правовѣрные.

— Спасибо!.. съ худо скрываемымъ презрѣніемъ отозвался Нешхай.

— Знаю. По этому-то всѣмъ другимъ джигитамъ за труды и отвагу Шихъ-Мансуръ обѣщаетъ по семидесяти-семи наградъ за гробомъ, а вамъ при жизни по стольку-же абазовъ...

— Такъ, стало быть, насъ порядкомъ обочли, съ тою-же улыбкою повторилъ Нешхай... за семьдесять абазовъ и на рынкахъ Эндери не купишь красавицы, а ужъ вѣрно хуріи, обѣщанныя Шихъ-Мансуромъ, дороже серебра.

— Экой недовѣрокъ! прошепталъ Башхинкалъ: быть ему въ гостяхъ у шайтана.

— Кого ты бранишь, товарищъ?

— Кагуткайцевъ, храбрый уздень, смиренно отвѣчалъ татаринъ..

— Что-же они тебѣ сдѣлали?

— Они? Да они общіе враги наши ... Мало того, что отказали Шихъ-Мансуру въ оружіи, порохѣ и деньгахъ, такъ еще называютъ его лжецомъ, бѣглымъ киргизскимъ муллою...

— Эге!.. Такъ они вѣрно очень храбры, когда не боятся гнѣва такого сильнаго врага.

— Храбры до тѣхъ поръ, пока не погрозишь на нихъ плетью... Вотъ увидишь, какъ сегодня ночью мы по клочьямъ растащимъ это еврейское гнѣздо. Не въ первый разъ взбираться на крутизны нашимъ джигитамъ. На приступъ выбраны пятьдесятъ отборныхъ головорѣзовъ, которые не струсятъ каменьевъ, хотя-бы на нихъ евреи сдвинули цѣлую скалу.

---

* Рабъ—змѣя. Такъ чеченцы называютъ горцевъ изъ Сюлинскаго племени.

При послѣднихъ словахъ татарина молодой узденъ съ любопытствомъ обратился въ ту сторону, гдѣ на высотѣ скалъ мелькали сакли еврейскаго аула. Суета и движеніе были замѣтны въ немъ. Кугутхайцы готовились къ защитѣ, строя завалы и сваливая груды кремней на отвѣсные обрывы. Мужчины, женщины и дѣти—всѣ были въ работѣ, которая кипѣла съ удивительною быстротою. Огромные завалы цѣлыми стѣнами возвышались тамъ; гдѣ за минуту чернѣла голая площадка; подвижныя, на-скоро срубленныя бойницы выдвигались по отлогостямъ, представлявшимъ осаждающимъ удобство къ всходу на верхъ; вооруженные евреи спѣшили занять каждый свой постъ. Словомъ, Кугутхайскій аулъ издали представлялъ въ эту минуту муравейникъ, полный труда и движенія.

Молодой горецъ улыбнулся.

— Не много-же возьметъ у евреевъ вашъ мудрый учитель, сказалъ онъ,—если даетъ имъ укрѣпиться... Зачѣмъ было не ударить въ расплохъ?..

— Пхе! ты говоришь правду, возразилъ Башхенкалъ, также съ большимъ вниманіемъ наблюдавшій движеніе осажденныхъ. Клянусь мудростію Шихъ-Мансура, что какой-нибудь бродяга, голодный чеченецъ измѣнилъ намъ и встревожилъ евреевъ. Эге! да вонъ и наши зашевелились, продолжалъ татаринъ: видишь, спѣшенная партія наѣздниковъ разсыпалась по предгорью.

— Что-же... все-таки для нихъ дѣло проиграно; ранѣе полдня они не взберутся на эти скалы, а вечеръ и ночь пройдутъ въ перестрѣлкѣ.

— Да... да!.. Проклятые недовѣрки! они всѣ перемрутъ, но, клянусь красными чириками моей покойницы Асани, будутъ держаться до завтра, зная, что завтра всѣ наши отряды выступаютъ на Кизляръ... *

— Ничего! радостно вскричалъ татаринъ, снова заглянувъ внизъ: вонъ еще другая партія нашихъ отдѣлилась на скалы... У! Нешхай... да и партія-то Шагрея, я узнаю ее по бѣлымъ лошадямъ передовыхъ наѣздниковъ, которые, кажется, хотятъ заскакать съ ущелья... Этимъ молодцамъ стоитъ только доползти до кугутхайцевъ, не успѣешь за бороду схватиться, какъ они кинжалами рѣшатъ дѣло.

При видѣ боеваго движенія и при послѣднихъ словахъ Башхенкала,

---

*) Походъ Шихъ-Мансура на Кизляръ. Смотр. Записки Броневскаго о Кавказѣ, ч. 2. стр. 113 и Кавказскій Календарь 1848 г; въ статьѣ «Кизляръ», ст. 87.

смуглое лице молодаго человѣка вспыхнуло румянцемъ; небольшіе, черные глаза его блеснули огнемъ отваги и мужества. Закинувъ за ухо черные зюльфляры, онъ ударилъ по рукояти кинжала и, указывая на еврейскій аулъ, сказалъ:

— Сотня отчаянныхъ прыжковъ, и мы тамъ, Башхенкалъ! Бросимся: молодцы мои теперь всѣ здѣсь на лицо; не ворвемся въ аулъ, такъ, по крайней мѣрѣ, завяжемъ дѣло и помѣшаемъ евреямъ укрѣпить спуски надъ Аргуномъ...

— Ты смѣлъ, но безразсуденъ, уздень, — отвѣчалъ Башхенкалъ: смотри, еще не дѣлая впередъ ни одного шагу, мы уже стоимъ подъ каменьями, а долго-ли небольшой отрядъ твой придавить евреямъ; одно только движеніе—и кости наши смѣшаются съ прахомъ и пылью.

— Ничего, мы быстры, какъ вѣтеръ—всѣхъ не передавятъ, а если изъ насъ и десятеро взберутся на скалы, то для Шихъ-Мансура половина дѣла будетъ сдѣлана; оставайся, но я иду... скажи только: нѣтъ ли въ аулѣ кого-нибудь изъ чеченцевъ?.. Я не люблю рѣзаться съ кунаками.

— Пхе!.. да за чтожъ чеченецъ продастъ свою душу шайтану и будетъ рѣзаться за евреевъ? Тамъ, куда ты зовешь меня, кромѣ презрѣнныхъ уристовъ, никого нѣтъ, а если они храбры и умны въ эту минуту, такъ только по милости своего отчаяннаго старшины, стараго Чавка.

— Чавка! вскричалъ изумленный Нешхай: не того ли Чавка, который въ Эндери всегда сбывалъ горцамъ свой сафьянъ?..

— Того самого, именно того, котораго Шихъ-Мансуръ вмѣстѣ съ дочерью велѣлъ живьемъ привести къ себѣ и потомъ, на потѣху наѣздникамъ и на страхъ ослушникамъ, сжечь какъ валежникъ...

— Какъ!.. Чавку и Черкени хотятъ сжечь?

— Сжечь, непремѣнно сжечь, этого мы всѣ требуемъ... Молодцы-же говорятъ, что у красавицы Черкени глаза и волосъ какъ смола черны, а ужъ ты самъ знаешь, какъ пылаетъ смолистая вѣтка... Но что съ тобою, Нешхай, ты какъ будто самъ на угольяхъ?.. Развѣ ты знаешь еврея и дочь его, развѣ ты кунакъ имъ?

— Да, кунакъ, котораго Шихъ-Мансуръ не купитъ теперь ни за золото, ни за милліоны хурій. Я не объявляю вражды противъ него, но и не обнажу за него моей шашки, до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ мщенія къ еврею Теперь моя шашка на защиту послѣдняго. Пусть изъ всѣхъ другихъ кугутхайцевъ вашъ мудрый учитель рѣжетъ хоть шашлыкъ и вялитъ его на солнцѣ, мнѣ все равно; но Чавка и Черкени... За нихъ кровь и жизнь — моя и всѣхъ моихъ наѣздниковъ!

— Нешхай! И ты, слава Чечны, храбрый джигитъ, продаешь кровь одновѣрцевъ, мѣняешь ее на кровь еретиковъ и торгашей? съ упрекомъ сказалъ Башхенкалъ.

— Молчи, бритый кабанъ, запальчиво вскричалъ Нешхай: не тебѣ пачкать ржавчиной дорогой клинокъ моего кинжала; не тебѣ судить мою совѣсть ... Кто тебѣ сказалъ, что Шихъ - Мансуръ еще въ то время, какъ я былъ ребенкомъ, не сталъ врагомъ моимъ, врагомъ бездушнымъ и неотмщеннымъ?.. Но я забылъ свой позоръ, простилъ ему обиду и шелъ сражаться за его безумную мечту, за прихоть его честолюбивой души. Теперь пусть онъ не проклинаетъ меня и не называетъ измѣнникомъ: наѣздникъ также долженъ быть вѣренъ своему слову, какъ ты своему вдохновенному муллѣ, если только ты истинный слуга его. А я поклялся — рано или поздно отвѣтить еврею на добро добромъ: Чавка спасъ мнѣ жизнь; теперь я спасу его. Прощай.

— Одумайся, Нешхай! Не наклинай на свою голову грозы и мщенія сильнаго ...

— Я никогда на раздумываю, Башхенкалъ. Ктому-же время дорого, ваши близко . . Товарищи, продолжалъ Нешхай, обращаясь къ собравшимся около него наѣздникамъ : готовы-ли вы броситься на защиту кугутхайцевъ?...

— Какое намъ дѣло! за кого не драться, лишь-бы платили абазы... До нихъ-же ближе, чѣмъ до Шихъ - Мансура!.. Да они и побогаче его! послышалось въ толпѣ горцевъ, готовыхъ за лишній абазъ зубрить шашку на черепѣ друга и недруга.

Въ ту же минуту, по слову Нешхая, двадцать наѣздниковъ, закинувъ за плеча винтовки и махая скинутыми съ головы шапками, съ гикомъ бросились на перерѣзъ черезъ трещину, засыпанную толстымъ слоемъ снѣга. При первомъ ихъ появленіи подъ скалою, отверстія бойницъ одѣлись легкимъ дымомъ, вспыхнули бѣглымъ огнемъ и градъ пуль и каменьевъ полетѣлъ на встрѣчу наѣздникамъ ... Но, когда евреи замѣтили брошенныя вверхъ кабардинки горцевъ, выражающія знакъ мира, тогда на скалахъ непріязненная встрѣча смѣнилась громкимъ восклицаніемъ восторга и, спустя четверть часа, двадцать лучшихъ джигитовъ скрылись за кугутхайскими завалами ...

II.

Между обоими рукавами Аргуна, на площадкѣ, обрамленной мелкимъ кустарникомъ, располагались отряды чеченцевъ. Одни изъ наѣздниковъ, завернувшись въ бурки, дремали на влажной травѣ, другіе, покуривая изъ коротенькихъ трубокъ, смазывали саломъ оружіе, третьи пересѣдлывали коней, — бо́льшая-же часть внимательно слѣдили за двумя отрядами товарищей, взбиравшихся на Гушейскія крутизны.

На порогѣ крайней сакли, расположенной при входѣ въ ущелье, скрытые зеленью чинаръ, помѣщались два старыхъ чеченца. Оба они, какъ и прочія наѣздники, не спускали глазъ съ партіи Шагрея, уже достигшей половины возвышенности и ставшей въ эту минуту подъ выстрѣлы евреевъ.

— Молодцы, джигиты! . Смотри, смотри, Учь-Ханъ ... Ухъ! кажется цѣлый десятокъ наѣздниковъ закрутился внизъ съ камнемъ! сказалъ одинъ изъ старыхъ горцевъ.

— А лѣзутъ ... все лѣзутъ ... Эге ... вонъ ужъ куда выбрались, кажется ужъ пули ихъ достаютъ бойницы... Ну ... еще ближе подошли... гей!..

— Ну!.. Чтобы коню моему не пить воды изъ Аргуна, если я что-нибудь тутъ понимаю ... Евреи сдѣлали вылазку ... да гдѣ-же это они набрались столько храбрости?..

— Пхе!.. Постой-ко Лай-Гачь ... Что это!..

— Что?..

— Да видишь, семеро евреевъ цѣлый отрядъ назадъ гонятъ ...

— Не евреи это, клянусь нашимъ куначествомъ, не евреи, Учь-Ханъ!..

Въ эту минуту на легкомъ и быстромъ конѣ, изъ ущелья въ обрѣзъ у самой сакли, промчался молодой, статный и необыкновенно красивый горецъ ...

— Гей! Гей!.. Кичикъ! вскричалъ одинъ изъ чеченцевъ.

Наѣздникъ на мгновеніе сдержалъ своего скакуна ...

— Почетъ и милость Аллаха, храбрые, джигиты на домъ вашъ! отозвался юноша ...

— Что новаго!.. Что на вершинахъ?..

— Нехорошо ... нашихъ бьютъ! нашимъ измѣнили ...

— Измѣнили? Кто?...

— Нешхай!

Съ этимъ словомъ наѣздникъ гикнулъ, пригнулся къ сѣдельной лу-

кѣ и въ одно мгновеніе далеко оставилъ за собою изумленныя и вытянутыя физіономіи сѣдыхъ горцевъ.

— Нешхай! повторили они оба, не спуская изумленныхъ глазъ другъ съ друга.

— Нешхай! сказалъ Лай-Гачь ... Ничего не понимаю ... За что?.. Да... какъ-же это нашихъ бьютъ?

— Что бьютъ, такъ это очевидно ... вонъ погляди: партія Шагрея опять ушла версты на три ниже и теперь — прямо попала подъ камни ... А, вотъ Нешхай ... А! Тс... стой! Знаю ..

— Знаешь? Что ты знаешь?

— Знаю, какъ могъ измѣнить намъ Нешхай ...

— Эге! Говори, говори, кунакъ Учь-Ханъ ...

— Очень просто . . ты развѣ не знаешь, что Нешхай и Чавка старые знакомые, что джигитъ не разъ провожалъ еврейскіе караваны до Эндери и что важнѣе всего, у еврея дочь красавица, которая, какъ кажется, приглянулась молодцу ...

— Э!.. Не корми меня, кунакъ, грязью, не слѣпи глаза ложью... Можетъ ли быть, чтобы для дѣвчонки Нешхай рѣшился опозорить свою голову и вызвать на вѣчную месть тысячи чеченцевъ?...

— Ну ... да, впрочемъ, у него есть еще и другая причина, извинительнѣе первой ...

— Другая ... Гдѣ же она?..

— А вотъ, что я слышалъ: когда еще Нешхай былъ просто бродягой, лапатникомъ, простымъ работникомъ въ кизлярскихъ садахъ, гдѣ, сказать по секрету — также, лѣтъ пять тому назадъ, рѣзалъ виноградныя кисти и Шихъ-Мансуръ ...

— Какъ ... и онъ?

— Да ... но лучше подавиться собственнымъ языкомъ, чѣмъ вслухъ говорить объ этомъ ...

Друзья значительно переглянулись. Учь-Ханъ продолжалъ:

— Такъ, вотъ, когда еще Нешхай не владѣлъ этими двадцатью головорѣзами и не назывался узденемъ, онъ однажды, при расчетѣ съ своимъ хозяиномъ, застрѣлилъ его и бѣжалъ въ горы. Какъ звѣрь, нѣсколько дней прятался онъ въ горныхъ трущобахъ; наконецъ, измученный голодомъ, зноемъ жаркихъ дней и холодомъ сырыхъ ночей, больной и обезсиленный, проходя Шахкерскими скалами, упалъ въ пропасть ... Это случилось въ глазахъ Чавки ...

— Ну ... и еврей ...

— Еврей, рискуя сломать свою шею, спустился за Нешхаемъ, лишеннымъ чувствъ и памяти, но не жизни ... Счастливецъ, онъ задер-

жался на площадкѣ и повисъ надъ джехеннемомъ ... Еврей вынесъ его на скалы, привязалъ къ коню и, полумертваго, привезъ въ свою саклю... Разсказывать-ли тебѣ, что дочь и старый еврей ухаживали за Нешхаемъ, какъ за молочнымъ братомъ, и возвратили его къ жизни ...

— Пхе! послѣ минутнаго молчанія сказалъ Лай-Гачь, когда кунакъ его кончилъ разсказъ свой ... Пусть, кто хочетъ называетъ Нешхая измѣнникомъ, а я не скажу этаго ни при немъ, ни безъ него... Всякій честный джигитъ сдѣлалъ-бы на его мѣстѣ тоже самое...

— Правда, въ раздумьи и нахмуривъ брови, отвѣчалъ Учь-Ханъ. Къ тому-же Нешхай свободный наѣздникъ, онъ, за кого хочетъ, за того и обнажай свою шашку ... Его дѣло: чеканить-ли для своихъ удальцевъ абазы въ Еврейскомъ аулѣ — или цѣловать карманы Шихъ-Мансура ..

— Пхе! Да и что за хозяинъ чужой головы, этотъ Шихъ-Мансуръ...

— Правда ... Ге! .. съ которой стороны онъ мудренѣе-то насъ?..

— Ужъ надоѣлъ ... въ дѣлѣ съ русскими на Сунжѣ — я было рѣшительно повернулъ коня назадъ, да упросилъ этотъ добрякъ Кичикъ ...

— Дѣйствительно, для него трудно чего нибудь не сдѣлать ... ужъ вотъ, не кормя кунака грязью — можно пожелать такого друга... вѣдь посмотрѣть ... за Шихъ-Мансура онъ, кажется, готовъ сто разъ умереть, хоть пальцы рѣжъ, а не продастъ не выдастъ его ...

— И гдѣ они, на какомъ распутьи встрѣтились съ муллою? Поглядишь, такъ не разстаются почти. .

— Какъ встрѣтились? ... Просто, мальчику понравилась боевая и тревожная жизнь проповѣдующаго о спокойствіи душевномъ ... ну, и пришелъ ...

— А не слыхалъ, откуда онъ?

— Кто говоритъ изъ Табазарани, а кто разсказываетъ, будто былъ въ плѣну у Туркменцевъ, да русскіе выкупили, отъ которыхъ онъ бѣжалъ въ горы ...

Въ это время тотъ, про котораго горцы вели разговоръ свой, мелкою рысью взбирался вверхъ по противуположному предгорью и проскакавъ съ полверсты, остановился у порога сакли, поставленной отдѣльно отъ другихъ ... Спрыгнувъ съ сѣдла и, поправивъ на себѣ чекмень, плотно обхватывавшій его стройный станъ, онъ подошелъ къ двери сакли и тихо постучалъ въ нее. Въ саклѣ слышался однотонный и мѣрный голосъ, читавшій коранъ. Когда дрогнула ветхая дверь подъ ударами пріѣзжаго, голосъ чтеца замѣтно усилился.

— Онъ вѣрно думаетъ, что у сакли ждетъ кто нибудь изъ стар-

шинъ, которыхъ встрѣчаетъ, по обыкновенію, кораномъ и молитвой, прошепталъ юноша.

— Во имя Аллаха милостиваго и милосердаго! сказалъ онъ громко.

— И слава Аллаху за вѣру мусульманскую! отозвался голосъ изнутри сакли. Войди! повторилъ тотъ-же голосъ.

Кичикъ переступилъ порогъ мазанки, осторожно заперъ за собою двери и молча остановился у нихъ, устремивъ на хозяина сакли взглядъ живой преданности и готовности повиноваться первому его желанію. Между-тѣмъ, горецъ, какъ будто-бы незамѣчая своего преданнаго слуги, все еще оставался неподвижнымъ надъ разкрытою тетрадью корана.

Это былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, но блѣдное, исхудалое и прорѣзанное глубокими морщинами лицо его съ перваго взгляда не оправдывало этаго предположенія. Горецъ казался гораздо старше. Впалыя щеки его, оттѣненныя чернымъ пухомъ волосъ, посеребренныхъ преждевременною сѣдиною, казалось, рѣдко оживали румянцемъ, взглядъ, какъ будто-бы никогда ни одушевлявшійся никакими страстями, выражалъ только смиреніе, а сжатыя, блѣдныя и сухія губы, нѣсколько выдавшіяся впередъ, вмѣстѣ съ сдвинутыми надъ глазами густыми бровями, высказывали только постоянную думу и работу умственную. Не смотря однако на это смиренное выраженіе лица его, которое какъ нельзя лучше рисовало портретъ муллы, широкая грудь горца, богатырскія плеча и быстрота движеній показывали, что онъ могъ-бы быть и отличнымъ наѣздникомъ.

Дочитавъ послѣдній стихъ корана, горецъ набожно поцѣловалъ раскрытую страницу тетради — и поднялъ голову.

Въ туже минуту угрюмое и мрачное лицо его измѣнилось совершенно. Глаза сверкнули веселостію и удовольствіемъ; станъ его, затянутый въ чекмень изъ дорогой шкуры тура, выпрямился ... Онъ бодро подошелъ къ юношѣ и, съ нѣжностію потрепавъ его розовую щеку, молча указалъ на коверъ.

— Садись и отдохни, сказалъ онъ.. насилу я тебя могъ дождаться. Только съ тобой я свободенъ, только при тебѣ отдыхаетъ душа моя и сердце, которыхъ страсти и желанія я долженъ скрывать отъ всѣхъ другихъ, измозжая тѣло постомъ, а душу невольнымъ смиреніемъ ... Глупые горцы хотятъ, чтобы я за нихъ молился и день и ночь, хотятъ, чтобы, даже и въ битвѣ, скрестивъ шашку на шашку, я былъ муллою, а не вождемъ ихъ къ побѣдѣ ...

— Они думаютъ, Шихъ-Мансуръ, отозвался юноша, что твоя молитва въ битвѣ сильнѣе твоей шашки и что тебѣ только стоитъ про-

мчатся предъ ихъ рядами, нашептывая стихъ изъ корана, чтобы вырвать у врага побѣду.

Брови нашего стараго знакомца, Шихъ-Мансура, снова задвинулись надъ пылающимъ взглядомъ.

— О, какъ-бы было хорошо, сказалъ онъ, если-бъ эта вѣра ко мнѣ не ослабѣвала въ горцахъ, а то, — продолжалъ Шихъ-Мансуръ, не скрывая своей грусти — я вижу, какъ съ каждымъ днемъ гаснетъ ихъ довѣріе ко мнѣ ... Неразъ, обходя ночью безмолвный станъ наѣздниковъ, я слышалъ у огня бесѣды ихъ, въ которыхъ они заглядывали въ мое прошедшее, жалуясь на настоящее и не довѣряя тому блаженству, которое я такъ щедро раздаю имъ въ будущемъ... съ насмѣшливымъ видомъ заключилъ онъ.

— Такихъ вольнодумцевъ немного, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Немного ... но они есть ... И при первой моей неудачѣ всѣ повѣрятъ словамъ ихъ ... Только счастливое дѣло на Сунжѣ, увеличенное въ горахъ расказами моихъ приверженцевъ, созвало сюда эти отважныя толпы бродягъ, готовыхъ умирать не за вѣру, не за слово моего ученія, но за добычу ... Не думаешь ли ты, что они идутъ на Кизляръ для того, чтобы шашкой зарубить мою славу на стѣнахъ города? . Они идутъ грабить его ... и отягченные добычей, разбредутся послѣ по своимъ саклямъ и забудутъ меня, и бросятъ на распутьи, какъ изношенные *мачи* *, если я не призову ихъ къ новому грабежу. Горецъ не можетъ быть воиномъ и истиннымъ правовѣрнымъ ... Онъ не умѣетъ умирать за счастіе друзей, дѣтей и женъ, за славу цѣлой страны. Онъ обнажаетъ шашку только въ безумной барантѣ, да въ воровскомъ наѣздѣ ... И посмотри : многіе изъ нихъ, на походѣ къ Кизляру, будутъ хвастать андійцамъ и кунакамъ не славнымъ дѣломъ на Сунжѣ, а лоскутомъ еврейскаго чекменя, добытымъ съ кинжала, подъ градомъ камней въ Кугутхайскомъ аулѣ ...

— Трудно вѣрится, чтобы нашимъ наѣздникамъ пришлось похвастать грабежемъ и пожаромъ еврейскаго аула !.. замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Трудно вѣрится, говоришь ты ?.. тогда, какъ наѣздники знаютъ, сколько сокровищей въ каждой саклѣ на Фартамѣ ... Не думаешь ли ты, что завалы, которые успѣли сдѣлать евреи, защитятъ ихъ ? ...

— Теперь у нихъ есть защита — понадежнѣе заваловъ ...

---

* Сапоги.

Шихъ-Мансуръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Кто-же эти защитники? быстро спросилъ онъ.

— Партія — Нешхая...

— Нешхая!.. Неужели это правда? Кто сообщилъ тебѣ эту страшную новость?..

— Башхенкалъ; да и всѣ мы видѣли, какъ наѣздники Нешхая сдѣлали двѣ вылазки изъ за своихъ заваловъ и далеко прогнали джигитовъ Шагрея...

При этой послѣдней вѣсти, Шихъ-Мансуръ задрожалъ и поблѣднѣлъ отъ досады...

— Какъ! вскричалъ онъ... даже и Шагрей не можетъ выдержать натиска этихъ презрѣнныхъ измѣнниковъ, которые вмѣстѣ съ своимъ узденемъ-бродягою продали евреемъ честь, кровь единовѣрцевъ и совѣсть!

Юноша отрицательно покачалъ головою.

— Не снимаю позора съ совѣсти Нешхая, сказалъ онъ... Но знаю, что онъ не продалъ ее и если бросился на защиту когутхайцевъ — такъ потому только, что обязанъ жизнію и благодарностію старому Чавкѣ, какъ разказалъ Башхенкалъ, и по привязанности къ его дочери, какъ я думаю..

— Нѣтъ... Запальчиво возразилъ Шихъ-Мансуръ, ударивъ рукою по стальному своему нагруднику.. Чавка и дочь его мои жертвы и шашка Нешхая не отстоитъ ихъ свободы... Еврей старый врагъ мой!.. Всѣ предательскіе разсказы, распущенные про меня между чеченцами, принадлежатъ изобрѣтательности стараго волка Фартамскихъ вершинъ... Къ тому-же, ты знаешь, какъ нужны для меня теперь сокровища евреевъ... и сколько можетъ повредить мнѣ неудача въ этой ничтожной попыткѣ... Повѣрятъ-ли мнѣ горцы, что я отдамъ имъ на расхищеніе армянскіе духаны Кизляра, если равнодушно буду глядѣть на бѣгство моихъ наѣздниковъ отъ горсти еврейскихъ торгашей... Самъ пойду на скалы съ отрядомъ пшехойцевъ * .. Призывный голосъ мой зазвучитъ словомъ казни и кары непокорнымъ... и—клянусь Пророкомъ!.. всѣ отступившіе при натискѣ Нешхая, какъ тигры бросятся впередъ по слѣдамъ моимъ... Коня и шашку!

Юноша вздрогнулъ при послѣднемъ восклицаніи Мансура. Онъ медленно снялъ со стѣны вооруженіе и отдавая его ему нерѣшительно и умоляющимъ голосомъ спросилъ:

— А я?..

---

* Одно изъ тринадцати Чеченскихъ племенъ.

— Ты останешься здѣсь ... Всѣхъ и все принесу въ жертву моихъ начинаній, но не тебя ... И что можетъ сдѣлать тамъ твоя слабая рука? Нѣтъ, Айканы!.. будь здѣсь и молись за меня ... Молитва твоя — молитва, доступная милости Аллаха ...

Шихъ-Мансуръ съ чувствомъ теплой признательности и грусти пожалъ дрожавшую руку дѣвушки и быстро вышелъ изъ сакли.

Чрезъ нѣсколько минутъ мулла на бѣломъ конѣ, впереди отряда пшехойцевъ, съ гикомъ, крупною рысью промчался лѣвымъ берегомъ Аргуна.

III.

Для полноты и ясности нашего разсказа, намъ слѣдуетъ вернутся нѣсколько назадъ и познакомить читателя съ подвигами Айканы, которая, какъ мы видѣли, — не смотря на холодность Шихъ-Мансура, для счастія дѣлить съ нимъ жизнь, славу и горе, — бросила родную юрту, стараго отца и раздольное кочевье. Вотъ какъ дѣвушка достигла своей цѣли.

Въ ночь, съ исходомъ которой Каратюлейскіе аулы должны были подняться на лѣтнее кочевье, Айканы, въ платьѣ киргиза, засѣдлала отцовскаго коня, запаслась небольшимъ количествомъ бишъ-бармака и наудачу умчалась въ степь. Сильно забилось сердце въ груди дѣвушки, когда послѣдніе верьхи родныхъ юртъ изчезли за нею, въ туманѣ весенняго утра. Тоска и чувство невольнаго раскаянія вызвали слезы на глаза ея, при мысли о вѣчной разлукѣ съ старымъ отцомъ и братьями. Она сдержала горячій бѣгъ коня, желая въ послѣдній разъ полюбоваться знакомыми камышами, изчезавшими за нею и потомъ легкою рысью спустилась къ обрывамъ Чинка, хорошо зная, что, держась прямому направленію этихъ обрывовъ, на полдень, она, въ двое сутокъ ускоренной ѣзды, достигнетъ береговъ Каспійскаго моря. Полагаясь во всемъ на удачу и на свою смѣлость, Айканы не знала, или лучше, не хотѣла знать ни дальности пути, ни страшныхъ встрѣчъ съ разбойниками и звѣремъ. Она знала только, какъ говорилъ ей отецъ, что Шихъ-Мансуръ въ Чечнѣ, что Чечна за Каспіемъ. Давая небольшіе роздыхи коню, дѣвушка счастливо миновала обрывы Чинка и на третьи сутки завидѣла вдали зеркальный горизонтъ моря. Чѣмъ ближе подвигалась она къ низменнымъ берегамъ его, тѣмъ шире и необъятнѣе разливался онъ передъ нею и тѣмъ болѣе росли тоска и грусть

путницы, при мысли о безпредѣльномъ пространствѣ, раздѣлявшимъ ее съ милымъ.

— Кто, какой вѣтеръ перенесетъ меня на дальній берегъ? въ отчаяніи подумала Айканы, прислушиваясь къ дробному плеску морской зыби и шуму высокаго камыша ... Неужели вернуться въ кочевье и отказаться отъ мысли жить и страдать подлѣ *него* ... Нѣтъ, нѣтъ! шептала дѣвушка ... Я лучше умру въ этихъ камышахъ! — но хоть полюбуюсь на туманныя вершины горъ, раскинутыя за этимъ моремъ, въ которыхъ Шихъ-Мансуръ обрекъ себя на долгое скитальчество.

Айканы спрыгнула съ коня и, пробравшись сквозь камышъ, подошла къ морю. Легкій вѣтерокъ вырывался изъ сплошной массы зеленаго камыша, пробѣгалъ надъ зыбкою поверхностію водъ и наполнялъ бѣлѣющія вдали паруса торговыхъ судовъ, надъ которыми съ рѣзскимъ свистомъ вились казарки и чайки ... Направо и налѣво тянулся однообразною зеленою коймою низменный берегъ, выбѣгавшій кое-гдѣ впередъ длинною песчаною отмѣлью. Нѣсколько досокъ и бревенъ, то выбрасываемыхъ на эти отмѣли, то снова уносимыхъ волною, да небольшое судно, стоявшее на якорѣ въ полверстѣ отъ берега, вотъ все, что представилось Айканы. Послѣднее особенно обратило на себя вниманіе дѣвушки. Она вспомнила разсказы стараго отца о томъ, что на полдень отъ Каратюлейскаго кочевья, за Чинкомъ и солончаками, есть море, по которому плаваютъ большія лодки съ товарами изъ Персіи и Россіи, и что изъ послѣдней недалеко перебраться въ горы.

— Да, это говорилъ мнѣ отецъ, подумала Айканы; онъ даже разсказывалъ, какъ однажды молодые наѣздники ограбили такую лодку, что часто дѣлаютъ наши киргизы, если лодка близко подходитъ къ берегу. Съ этими мыслями все вниманіе дѣвушки сосредоточилось на небольшомъ суднѣ, качавшемся на легкой зыби моря, ввиду береговъ. Въ этомъ суднѣ она видѣла свое спасеніе и сбыточность своихъ надеждъ, особенно въ ту минуту, когда, судя по наряду человѣка, показавшагося на палубѣ судна, она узнала въ немъ русскаго. Айканы уже была готова окликнуть матроса, какъ близкій говоръ въ камышахъ вызвалъ ея вниманіе. Знакомая съ степными встрѣчами и случайностями, дѣвушка осторожно, избѣгая малѣйшаго шуму, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, тихо раздвинула густой камышъ и быстро, затаивъ дыханіе, припала на землю. Такой маневръ былъ необходимъ для Айканы; въ двухъ шагахъ отъ нея, скрытые камышемъ, бесѣдовали шесть хищныхъ киргизовъ и столько-же туркменцевъ. Между дюжиною этихъ звѣрскихъ лицъ, дѣвушка не находила ни одного знакомаго лица.

Страхъ и опасенія ея еще болѣе увеличились, когда она прислушалась къ бесѣдѣ хищниковъ.

— Посмотри, Батырь-Ага-Кузу, сказалъ одинъ изъ киргизовъ, обращаясь къ своему товарищу: — я замѣчаю, что вправо отъ насъ кто-то бродитъ въ камышахъ, видишь-ли, какъ онъ волнуется? И киргизъ указалъ въ ту сторону, гдѣ скрывалась Айканы.

— Гдѣ?.. я ничего не вижу, Батырь-Джу ... отозвался товарищъ...

— Немного ниже отмели, за которою спрятана наша лодка, повторилъ Батырь-Джу. Всѣ собесѣдники обратили глаза свои по указанному имъ направленію.

Айканы не могла не догадаться, что въ эту минуту предметомъ вниманія киргизовъ былъ ея собственный конь. Вскорѣ послышалось пронзительное ржаніе этого коня ... Животное фыркнуло, выказалось надъ зеленою волною камышей и быстро помчалось въ степь, какъ-бы преслѣдуемое кѣмъ нибудь ...

— Юлъ-барсъ! .. юлъ-барсъ! * послышалось въ встревоженной толпѣ киргизовъ. Дѣйствительно, огромной величины тигръ преслѣдовалъ коня Айканы и вдругъ, какъ-бы заслышавъ голоса киргизовъ, остановился на одно мгновеніе, обратилъ свои сверкающіе глаза въ ту сторону, гдѣ слышался говоръ людей и снова бросился въ камыши, быстрое колебаніе которыхъ указывало теперь слѣдъ его.

— Онъ идетъ на насъ! сказалъ одинъ изъ туркменцовъ.

— Берите ружья! вскричалъ другой ...

— Лучше бросится въ лодку ... до ней не далеко ...

— Тс! .. Молчи, Батырь - Ата-Кузы ... Онъ близко ... Онъ ужъ отрѣзалъ насъ отъ лодки ... Не теряйте его изъ виду ... Только вѣрный прицѣлъ спасетъ насъ! прошепталъ Батырь-Джу. И киргизы, въ нѣмомъ, но тревожномъ молчаніи раздвинули полукругъ, стараясь принять звѣря на перекрестный огонь.

Во всю эту сцену дѣвушка не выпускала изъ виду ни хищниковъ, ни звѣря. Замѣчая, что, по счастливому случаю, она не открыта ни первымъ ни послѣднимъ, — Айканы рѣшилась воспользоваться минутною удачею и, отступая, какъ можно осторожнѣе, до отмели, указанной Батырь-Джу, она скоро достигла ладьи киргизовъ. Спасеніе ея было близко ... И прежде чѣмъ, кто-нибудь замѣтилъ ея движеніе — она была уже въ морѣ и направляла лодку къ судну ... Работая изъ

---

* Такъ киргизы называютъ тигра.

свѣхъ силъ веслами, Айканы не спускала тревожнаго взгляда съ камышей, въ которыхъ чрезъ минуту раздался ружейный залпъ, скоро заглушенный протяжнымъ ревомъ звѣря и нестройнымъ гиканьемъ киргизовъ ... Залпъ повторился ... Въ ту же минуту, что-то черное прыгнуло надъ камышами и бросилось въ море. Раненный тигръ бѣжалъ отъ храбрыхъ враговъ своихъ. Зарываясь въ легкой зыби, раненный звѣрь не могъ долго держаться на водѣ и снова повернулъ къ камышамъ, у которыхъ показались его преслѣдователи, изумленные въ эту минуту смѣлостью поступка Айканы. Теперь вся ихъ ярость обратилась на дѣвушку. Не теряя присутствія духа, Айканы вымѣрила взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее ее отъ враговъ и, подъ градомъ пуль, въ нѣсколько усиленныхъ взмаховъ веслами, достигла судна, на палубѣ котораго немногочисленный экипажъ, вызванный на-верхъ нежданною тревогою — принялъ бѣглеца. Судно было дѣйствительно русское, и шло въ Астрахань. Черезъ одного изъ калмыковъ, когда-то бывшаго въ плѣну у киргизовъ, дѣвушка успѣла объяснить хозяину судна, что хищники, отъ которыхъ бѣжала она, устроивъ въ камышахъ засаду, вѣроятно ожидали ночи, чтобы ограбить его. Такая вѣсть тотчасъ-же заставила шкипера сняться съ якоря и уйти въ открытое море. Айканы расказала новымъ друзьямъ своимъ, что, уходя отъ хищниковъ, она имѣла ввиду и другую причину быть на суднѣ, желая перебраться на русскій берегъ, гдѣ будто-бы въ калмыцкихъ улусахъ давно кочуетъ вся ея семья ...

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Айканы уже была въ Чечнѣ. Невольница своей страсти, въ рубищѣ горца, лишенная пріюта и часто черстваго чурека, — дѣвушка проводила дни и ночи въ грустномъ скитальчествѣ, ища того, кто въ это время самъ страдалъ не менѣе ея за прихоть своей безумной мечты, работая съ бѣдными лезгинами въ садахъ Кизляра или вмѣстѣ съ вѣрною собакою оберегая стада чеченцевъ надъ Сунжею. Имя Шихъ-Мансура еще не откликалось въ горахъ и Айканы нигдѣ не могла его встрѣтить. Она искала его въ толпѣ узденей, на славныхъ джигитовкахъ горцевъ, на важныхъ сборищахъ джемата, гдѣ краснорѣчіе замѣняется дерзостью оратора, а право на нее даютъ не доблестныя дѣла мирнаго гражданина, не опытная сѣдина, но слава джигита, добытая кинжаломъ въ раздольныхъ наѣздахъ и грабежахъ. Она не подозрѣвала, чтобы Шихъ-Мансуръ, гордый и неприступный въ степяхъ, униженно и рабски несъ въ горахъ долю послѣдняго ясыря. Семь лѣтъ, изнывая отъ душевныхъ мукъ и жизни, полной страданій и лишеній, почти не выносимыхъ для женщины, Айканы бродила въ горахъ Чечны и Лезгинстана.

Однажды, во время своихъ странствованій, она, измученная голодомъ и дальнимъ переходомъ, постучалась въ одну изъ саклей Талбыйскаго селенія, раскинутаго на границѣ Осетіи и Чечны, въ тѣснинѣ, между горъ, разрѣзанной послѣднимъ истокомъ Терека.

— Кто тутъ? послышилось за дверью и вслѣдъ за тѣмъ черная, курчавая головка мальчика показалась за рѣшеткою окна.

— Странникъ, отвѣчала Айканы: проситъ пристанища и кусокъ *бепика* *.)

— Не наплюй на порогъ отца моего, добрый джигитъ, отвѣчалъ мальчикъ, его нѣтъ, а безъ него нѣтъ и бепику; отдохнуть — можешь, отдамъ тебѣ свой войлокъ.

— Гдѣ-же отецъ твой, молютка? Ужъ не въ наѣздѣ-ли? спросила Айканы.

— Онъ тамъ, гдѣ и всѣ наши одноаульцы: у сакли стараго Ахши-Хувруза ... слушаетъ умныя рѣчи его гостя.

— Умныя рѣчи гостя? повторила Айканы, невольно останавливаясь на замѣчаніи мальчика. Какой-же это гость? быстро спросила она.

— У!.. такой умный ... такой храбрый, что наши джигиты всѣ безъ ума отъ него ... Да чего, ужъ тѣсно стало въ аулѣ: толпами сбираются къ намъ горцы послушать Шихъ-Мансура ...

— Шихъ-Мансура!.. Какъ, онъ здѣсь!...

— А развѣ ты его знаешь?.. Такъ и есть, продолжалъ мальчикъ, не дожидаясь отвѣта Айканы; правду говоритъ отецъ, что всѣ его знаютъ и всѣ бѣгутъ къ нему.

— Гдѣ-же ... гдѣ сакля стараго Ахши-Хувруза!..

— Мальчикъ высунулся до половины въ окно и указалъ внизъ, по направленію къ рощѣ...

— Видишь-ли, сказалъ онъ, старыя, разрушенныя обвалами съ горъ, сакли, около рощи?.. Такъ за ними, при спускѣ къ Тереку и сакля Ахши-Хувруза.

Забывая усталость и изнеможеніе, Айканы, трепеща отъ счастія и восторга, бросилась по дорогѣ, указанной малюткою. Едва она успѣла спуститься къ рощѣ, какъ должна была остановиться за толпою горцевъ, сдвинувшихъ тѣсный кружекъ у порога сакли Ахши-Хувруза. Глубокое молчаніе царствовало въ кругу наѣздниковъ. Надвинувъ шапки на брови и изрѣдко подергивая плечами или опуская смиренный взглядъ въ землю, горцы, повидимому, съ большимъ вниманіемъ слушали слова про-

---

*) Пшеничный хлѣбъ; другой, называемый сыскилемъ, дѣлается изъ кукурузы.

повѣдника ... Въ этомъ восторженномъ голосѣ, въ смѣломъ и пылающемъ взглядѣ говорившаго, Айканы не могла не узнать Шихъ-Мансура. Она не слышала теперь словъ его, не понимала ихъ значенія, она впилась въ него своимъ взглядомъ и оставалась, какъ прикованная къ землѣ, благословляя только счастливую минуту встрѣчи, и изнывая въ тоскѣ и мукѣ при мысли—о первомъ свиданіи съ нимъ, которая такъ должна была тревожить сердце страдалицы, отвергнутой и, быть-можетъ, навсегда забытой Шихъ-Мансуромъ...

Вотъ толпа уже встрепенулась, между нею слышались отвѣтныя восклицанія, громкій говоръ и неизбѣжное: *казаватъ* *) Да, говорили чеченцы, расходясь по домамъ, онъ сказалъ правду: кто считаетъ себя истиннымъ мусульманиномъ, для того первое дѣло вражда съ невѣрными...

— Безъ казавата, повторяли другія, исполненіе мудрыхъ правилъ корана не есть моленіе!..

— Правда!.. откликались третьи, безъ этого, всѣ наши посты и намазы все равно, что разряженная винтовка въ дѣлѣ... Война! война! ударимъ на невѣрныхъ!

Горцы разошлись и Шихъ-Мансуръ, довольный своимъ успѣхомъ, одинъ остался на порогѣ сакли. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла безмолвная Айканы.

— Чего хочетъ отъ меня этотъ нѣмой наѣздникъ? подумалъ Шихъ-Мансуръ, замѣтивъ наконецъ присутствіе Айканы ... Онъ смотритъ на меня такими глазами, какъ будто-бы хочетъ вытащить изъ меня душу... Если это тайный убійца, подосланный, моими врагами, которыхъ я легко могъ нажить въ три мѣсяца первыхъ моихъ подвиговъ, продолжалъ мулла, — то врядъ-ли онъ успѣетъ брякнуть куркомъ своего пистолета ... Я прежде швырну его въ Терекъ...

Не измѣняя своей спокойной и вкрадчивой улыбки, Шихъ-Мансуръ сдѣлалъ пришлецу знакъ, которымъ приглашалъ его подойти къ себѣ.

Айканы взорогнула и нетвердою ногою сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— Подойди ближе, товарищъ! повторилъ мулла, разглядывая жалкіе лохмотья Айканы ... Если ты бѣдный странникъ и ищешь пріюта, то сакля моего друга и покровительство мое къ твоимъ услугамъ...

— Бѣдная Айканы, подумала дѣвушка; онъ совсѣмъ успѣлъ забыть тебя! Онъ не узнаетъ ту, чей голосъ узнавалъ въ родныхъ

---

*) Война противъ *невѣрныхъ*.

кочевьяхъ издалека. . Да, Шихъ-Мансуръ, почти шопотомъ и нескрывая своего волненія, сказала дѣвушка: я бѣдный странникъ и именно пришелъ искать пріюта въ твоей саклѣ .. Страданіемъ семи лѣтъ я покупаю это счастіе...

— Счастіе, говоришь ты... Но развѣ пріютъ въ моей саклѣ такъ для тебя дорогъ, развѣ ты знаешь меня?..

— О, какъ-же ... Я зналъ тебя еще въ родныхъ степяхъ...

— Въ степяхъ! почти съ ужасомъ повторилъ Шихъ-Мансуръ. Въ какихъ степяхъ?

— На Усть-Уртѣ. Я принесъ тебѣ поклонъ отъ стараго Аблая и бѣдной Айканы, которую ты забылъ и разлюбилъ.

Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Шихъ-Мансуръ поднялся съ порога сакли и схватилъ руку дѣвушки...

— Постой, сказалъ онъ шопотомъ ... Я узнаю тебя. . Неужели это ты?..

— Да!.. Прости меня ... Это я, Шихъ-Мансуръ.. Я, которая, за счастіе жить и страдать подлѣ тебя, бросила родную юрту, наши прекрасныя степи и отца ... Семь лѣтъ я страдала, вынося всѣ ужасы скитальчества и терпѣливо шла по слѣдамъ твоимъ ... Теперь — убей меня ... Но не гони прочь, не отталкивай отъ твоего порога!

— Ахъ, Айканы, у меня нѣтъ его!... Безумная, зачѣмъ ты хочешь поставить свою молодую жизнь рядомъ съ моею жизнью, полною мукъ, неудачь и тревожныхъ, быть-можетъ, несбыточныхъ исканій! Нѣтъ!... пусть гибну одинъ, а тебя не хочу выдать головою врагамъ моимъ, которые будутъ нашими общими врагами... Уйди отъ меня, Айканы... я нехочу ни жертвъ, ни слезъ, ни невольныхъ страданій твоихъ...

— Уйти... Куда-же?.. Опять мыкаться, умереть въ избыткѣ тоски на распутьи, отвергнутой всѣми, даже и тобою!... И рыдая, Аайканы опустила на грудь голову; отчаяніе ея было близко къ безумію.

— Хорошо, произнесла она наконецъ голосомъ, выражавшимъ все страшное состояніе ея души ... Я уйду!.. Прощай, Шихъ-Мансуръ... Ты видишь эти скалы ... Первая въ нихъ пропасть будетъ могилою Айканы.

— Несчастная! вскричалъ молодой мулла, не выпуская изъ рукъ своихъ холодную руку дѣвушки... Если жизнь такъ мало имѣетъ цѣны въ глазахъ твоихъ, если страданія со мною и за меня не страшны тебѣ—становись на страшную мою дорогу, будь другомъ скитальца, котораго надежды и замыслы такъ непрочны, а горе и преслѣдованія людей такъ вѣрны ... Айканы!.. Съ этой минуты я самъ не растанусь

съ тобою ... Мнѣ нуженъ вѣрный другъ и вѣрный стражъ. Для всѣхъ другихъ, ты будешь моимъ нукеромъ, а для меня утѣшеніемъ въ страданіяхъ и первою мыслью въ радостяхъ. .

При этихъ словахъ Айканы не могла уже владѣть собою. Она въ восторгѣ и въ избыткѣ благодарности кинулась въ объятія Шихъ-Мансура.

— Женщина—вездѣ женщина! подумалъ мулла, тихо отводя рукою своего новаго нукера.

Съ тѣхъ поръ, Айканы и Шихъ-Мансуръ не раставались до того дня, въ который, чеченцы предъ выступленіемъ на Кизляръ, осадили Кугутхайскій аулъ.

IV.

Обратимся теперь къ другимъ лицамъ нашего разсказа и перенесемся на Фартамскія вершины, къ осажденнымъ евреямъ. День уже вечерѣлъ, когда чеченцы, сбитые на всѣхъ тропинкахъ, раскинули свой бивуакъ подъ навѣсами скалъ, заграждавшихъ ихъ отъ выстрѣловъ и каменьевъ осажденныхъ. Въ свою очередь и послѣдніе, утомленные частыми вылазками, расположились на отдыхъ, не покидая своихъ завалов и бойницъ. Но еще движеніе и суета были замѣтны здѣсь и тамъ; и въ то время, какъ отдыхали мужчины, женщины и дѣти таскали на площадки каменья, приготовляя ихъ къ новой защитѣ. Горцы Нешхая, какъ отрядъ опытный и вспомогательный, были разсыпаны по всѣмъ вершинамъ. Самъ Нешхай распоряжался своими молодцами и поспѣвалъ вездѣ, гдѣ нужно было подкрѣпить смѣлыхъ и храбрыхъ евреевъ. — Привычный къ трудамъ и лишеніямъ боевой жизни, онъ не зналъ утомленія и только тогда рѣшился побывать въ саклѣ Чавки, когда аулъ снова принялъ воинственный видъ, вооруженный теперь опытными джигитами смѣлаго наѣздника.

— Гдѣ старикъ? спросилъ Нешхай, переступая порогъ сакли, въ которой вечерній полумракъ скрывалъ отъ него всѣ предметы.

— Его нѣтъ здѣсь, отозвался чей-то голосъ ... Онъ ищетъ Нешхая, съ которымъ во время дѣла не могъ перемолвить и двухъ словъ...

— А Чиркени? нерѣшительно сказалъ наѣздникъ.

— Чиркени — я думаю, въ свою очередь — ищетъ Нешхай ...

Онъ говоритъ правду, подумалъ наѣздникъ ... Кто-же сказалъ тебѣ, что Нешхай ищетъ не старика, а Чиркени ...

— Понятно, что наѣзднику нужнѣе благодарный и ласковый взглядъ

дочери, чѣмъ объятія стараго отца... Кто-же не знаетъ того, что Нешхай только для хорошенькой еврейки явился въ защиту Кугутхайцевъ!

— Я слышалъ иначе, таварищъ... Говорять Нешхай обязанъ Чавкѣ какимъ-то добрымъ дѣломъ...

— Добрыя дѣла въ горахъ не отплачиваются такъ крупно... Пхе! Не будь у старика этой красавицы Чиркени, для который Нешхай готовъ всѣ камни Фартама сбросить на головы чеченцевъ, онъ-бы спокойно проѣхалъ мимо кугутхайцевъ — и развѣ на приступѣ, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ евреемъ, по старой дружбѣ, полоснулъ-бы его не шашкой, а плетью.

— Худо-же, кунакъ, ты знаешь Нешхая.

— Я знаю только то, что еврейка для него дороже славы, иначе онъ неизмѣнилъ-бы Шихъ-Мансуру

— Да, вѣдь Нешхай свободный наѣздникъ... онъ не обязанъ по волѣ чеченскаго муллы врубать шашкою молитвы въ пустыя головы горцевъ... Торгуя въ горахъ своею удалью, онъ служитъ тому, кто больше дастъ, или кому хочетъ; у него нѣтъ причинъ умирать за чеченцевъ, какъ за братьевъ... Горцы для него такая-же родня, какъ мы съ тобой одноаульцы.

— Все это правда, однако не забывай, кунакъ, что Нешхай обѣщалъ Шихъ-Мансуру сражаться въ его рядахъ.

— А кто-же мѣшаетъ Нешхаю поколотить наѣздниковъ Шихъ-Мансура, если они залѣзутъ въ его карманы, или станутъ обижать друзей его? — Нешхай сдѣлаетъ свое дѣло на Фартамѣ, отстоитъ кугутхайцевъ и завтра же съ Чеченцами конь-о-конь пустится въ бродъ чрезъ Аргунъ — на Кизляръ. Я это знаю.

Замѣтно было, что послѣдняя новость очень не понравилась незнакомцу и прежде, чѣмъ онъ сдѣлалъ Нешхаю слѣдующій вопросъ, какое-то неясное мычанье, похожее на лай бульдога, послышалось въ углу сакли.

— Какъ, сказалъ онъ — Нешхай не отказывается и теперь даже служить Шихъ-Мансуру?..

— Неотказывается. Драка на Фартамѣ не родитъ между ними ненависти и мести... это вѣдь игра мальчишекъ въ джигитовку.

— Но говорятъ, Шихъ-Мансуръ не былъ такъ милостивъ къ Нешхаю, какъ тотъ къ нему... Я слышалъ, что наѣздникъ еще ребенкомъ испыталъ на себѣ ласку муллы, съ язвительною улыбкою добавилъ незнакомецъ... Неужели уздень проститъ лжепророку кровную обиду? Кто повѣритъ этому?.. Пхе! я думаю, что онъ, просто, подъ видомъ смиренія и дружбы, готовитъ мщеніе Шихъ-Мансуру...

— Не думай ... я знаю навѣрное, кунакъ, что Нешхай носитъ кинжалъ на поясѣ, а не за пазухой ...

— Такъ за что-же онъ дружитъ съ врагомъ?

— Это ужъ не наше дѣло! съ досадою откликнулся Нешхай, выходя изъ сакли.

— Проклятіе! прошепталъ незнакомецъ ... Хорошо что я встрѣтился съ этимъ мальчишкой и успѣлъ вывѣдать то, чего не знаетъ и самъ мудрый мулла ... О, я разкипячу кровь этого тигренка и вызову его ненависть къ Шихъ-Мансуру ... Надо съ корнемъ вырвать изъ груди его любовь къ киргизскому шакалу ... тогда только я вполнѣ достигну моего мщенія ... Средства въ рукахъ ... въ ночномъ нападеніи горцевъ я головою выдамъ имъ Чавку и дочь ... Смерть послѣдней для меня будетъ вѣрнымъ залогомъ вѣчной вражды Нешхая съ Шихъ-Мансуромъ ...

Съ этими словами незнакомецъ оставилъ саклю и скоро страшной величины фигура его, какимъ-то зловѣщимъ призракомъ обрисовалась на обрывахъ Фартама ...

— Смотрите ... смотрите! раздалось въ толпѣ женщинъ, собравшихся надъ ущельемъ... вонъ, опять этотъ страшный великанъ началъ ворочать камни ...

— Онъ, какъ горный духъ, кажется можетъ отодвинуть гушейскія скалы къ Казбеку ...

— Откуда онъ? Ты вѣрно знаешь, Чиркени,—спросила одна изъ женщинъ, обращаясь къ молоденькой и красивой еврейкѣ ... Мы всѣ видѣли, какъ вчера ночью онъ постучался въ вашу саклю.

— Не знаю, отвѣчала Чиркени; отецъ мой первый разъ встрѣтилъ его на вершинѣ нашихъ скалъ ... Великанъ пришелъ и сказалъ: Скажи твоимъ одноаульцамъ, старый Чавка, чтобы они зарывали въ землю свои обозы, оружіе и порохъ ... Завтра Шихъ-Мансуръ пришлетъ къ вамъ отрядъ Шагрея, встрѣчайте наѣздниковъ каменьями, отстаивайте свои скалы и свою жизнь ...

— Агачь-Чичи, подхватила другая еврейка, наша старая умница, которая знакома съ всѣми шайтанами, говоритъ, что этотъ великанъ— добрый геній Кугутха ...

— Ужъ не онъ-ли, лукаво улыбаясь, подсказала третья, — вызвалъ на нашу защиту красавца Нешхая? А?.. Ты вѣрно хорошо это знаешь, жертвочка моя, Чиркени?

— Но Чиркени, забывая окружавшихъ ея подругъ и не вслушиваясь болѣе въ ихъ вопросы, казалось все вниманіе свое вмѣстѣ съ пы-

лающими очами обратила на молодаго и статнаго горца, который въ эту минуту подходилъ къ ней.

— Нешхай!.. Нешхай! раздалось въ толпѣ евреекъ.

— Онъ! онъ! шептала Чиркени, готовая броситься на встрѣчу наѣзднику.

— Здравствуй, Нешхай! наперывъ кричали дѣвушки, обступая стараго знакомца.

— Спасибо тебѣ... не забылъ насъ! говорили одни. На тебѣ мой поясъ... больше подарить тебя нечѣмъ! Дай намъ на память о себѣ по кусочку позумента съ твоей чухи! И сотни нѣжныхъ, бѣлыхъ рукъ спѣшили пожать руку счастливаго наѣздника.

— Добрый ты нашъ! Пришелъ къ кугутхайцамъ... повторяли дѣвушки... Возьми наше серебро... Чиркени, поцѣлуй Нешхая... Онъ умираетъ за тебя и за насъ... вскричала одна изъ бойкихъ горянокъ...

— Поцѣлуй! поцѣлуй! Не то мы всѣ будемъ цѣловать его! подхватили шалуньи, которые не могли придумать другой награды, достойной подвиговъ Нешхая.

Толпа, волнуясь съ громкимъ и веселымъ смѣхомъ, схватила трепещущую Чиркени и поставила ее лицомъ къ лицу съ наѣздникомъ.

— Поцѣлуй его! кричали дѣвушки.—Нешхай, она тебя любитъ... ты знаешь это... Чиркени, Чиркени, не стыдись... цѣлуй...

— Она не умѣетъ! она не хочетъ! говорили дѣвушки, въ то время, какъ Чиркени, опустивъ глаза въ землю, стояла, какъ на горячихъ угольяхъ, не смѣя взглянуть на милаго.

— Я бы не думала... Я бы сейчасъ поцѣловала наѣздника! замѣтила одна изъ красавицъ.

— И я... и я! откликнулось нѣсколько голосовъ.

— Ну, такъ всѣ! отозвался находчивый Нешхай, дѣлая очень краснорѣчивое движеніе. При этомъ дѣвушки потеряли свою наивную храбрость и съ крикомъ прыснули въ разныя стороны. Нешхай успѣлъ схватить за руку Чиркени, не думавшую, впрочемъ, слѣдовать примѣру подругъ.

— И только ты одна, Чиркени, чьею ласкою я дорожу больше всѣхъ, сказалъ наѣздникъ, — не радуешься моему приходу... Ты разлюбила меня?..

Дѣвушка подняли на молодаго наѣздника пылающій взглядъ свой, выражавшій всю силу ея любви.

Нѣтъ, нѣтъ, Нешхай; сказала она съ упрекомъ. — Я только не смѣла думать, что ласка Чиркени для тебя дороже общей ласки и любви моихъ подругъ... Ахъ, Нехшай, зачѣмъ ты ушелъ изъ нашего аула?.. Когда-бы ты зналъ, какъ скучно безъ тебя въ родной саклѣ.. Если

ты любишь меня, зачѣмъ-же промѣнялъ нашу мирную жизнь на опасное скитальчество въ горахъ?

Наѣздникъ грустно улыбнулся.

— Развѣ ты думаешь, Чиркени, печально отозвался онъ: что я могъ-бы спокойно жить въ вашемъ аулѣ, любоваться твоимъ разцвѣтомъ и съ каждымъ днемъ ждать послѣдняго твоего дня въ родной саклѣ и быть свидѣтелемъ перваго поцѣлуя, который ты подаришь своему избранному?.. Нѣтъ, это выше силъ моихъ... Ты не можешь быть матерью дѣтей Нешхая... Ты дочь богатаго Чавки... Нешхай бѣдный, безпріютный скиталецъ, у котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни настоящаго ни будущаго...

Дѣвушка судорожно сжала руку наѣздника.

— Но вѣдь тебя такъ любитъ цѣлый аулъ нашъ, сказала она нерѣшительно: — такъ любитъ отецъ мой...

— Да, отецъ, Чиркени... Ты забываешь, что онъ больше любитъ свою вѣру...

— Богъ одинъ, Нешхай.

— Тоже бы самое сказалъ и я, великодушный защитникъ и храбрый гость нашъ!.. послышался голосъ позади Нешхая.

Наѣздникъ обернулся и встрѣтилъ объятія стараго Чавки.

— Да, да! повторилъ старикъ; тоже бы самое сказалъ и я... Ты храбрый горецъ и честный человѣкъ... Я старъ — и быть можетъ сегодня сложу свои кости, защищая родную саклю... Кто можетъ быть лучшимъ другомъ моей дочери, какъ не ты, Нешхай... Возьми мою Чиркени... и клянусь тебѣ, что цѣлый аулъ одобритъ жертву стараго Чавки...

Нешхай едва вѣрилъ своему счастію; въ избыткѣ благодарности и восторга онъ молча, нескрывая слезъ радости, обнималъ то добраго старика, то красавицу Чиркени.

Вдругъ громкій вопль тревоги пронесся на Фартамѣ, сливаясь съ гуломъ ружейныхъ выстрѣловъ...

— Къ оружію! Къ оружію! въ завалы! раздавалось въ аулѣ...

Въ эту же минуту два наѣздника изъ партіи Нешхая, встревоженные и облитые кровью, на измученныхъ коняхъ примчались къ своему узденю.

— Нашъ сторожевой отрядъ разбитъ подъ скалами — и оставилъ передовыя бойницы, сказали они... Самъ Шихъ-Мансуръ ввелъ въ дѣло лучшихъ своихъ наѣздниковъ...

Чавка и Нешхай вопросительно переглянулись при этой вѣсти.

— Ничего! вскричалъ послѣдній. Я самъ ударю съ моими молод-

цами на чеченцевъ и выбью ихъ изъ бойницъ. Отстаивай, старикъ, отъ Шагрея надъ — ущельныя спуски ... Въ случаѣ неудачи, прибавилъ онъ, — нукеръ мой будетъ ждать насъ съ осѣдланными конями у Гушейскихъ обрывовъ, гдѣ только одинъ я, да быстрый туръ знаютъ тропинки ... Чиркени, молись за успѣхъ нашего праваго дѣла и неразлучайся съ отцемъ.

Горецъ молча пожалъ руку дѣвушки, — вспрыгнулъ на коня и бросился на встрѣчу своей партіи, готовой уже къ вылазкѣ.

Между тѣмъ перестрѣлка завязалась по всей возвышенности ... Градъ камней и пуль съ визгомъ и шумомъ летелъ внизъ изъ заваловъ ... Но чеченцы, какъ заговоренныя, разсыпавшись по тропинкамъ— быстро и смѣло взбирались на верхъ. Иногда они соединялись, дѣлали залпъ изъ винтовокъ и снова разбѣгались по тропинкамъ ... Ниже, при всходѣ на скалы — на гранитной площадкѣ, окруженный небольшимъ числомъ чеченскихъ старшинъ, оставался Шихъ – Мансуръ ... Бѣлый конь его былъ замѣченъ на скалѣ евреями. Но, какъ будто бы презирая опасность, онъ нарочно выдвинулся впередъ, оставаясь цѣлью перекрестныхъ выстрѣловъ изъ бойницъ.

— До него не достанешь пулей изъ завала, сказалъ одинъ изъ евреевъ, бросивъ винтовку и нагибаясь къ камню.

— Швырнемъ ему въ голову этотъ кремень, подхватилъ другой, указывая на огромную глыбу камня.

— Да, да! отозвалось нѣсколько голосовъ... скорѣе, пока онъ не перемѣнилъ мѣста ... Увидимъ, правду ли говорятъ, что шайтанъ подставляетъ за него свою рогатую голову ... Ну, дружнѣе братья!

Двадцать сильныхъ рукъ приподняли тяжелую глыбу и съ дружнымъ крикомъ оттолкнули ее впередъ ... Камень дрогнулъ ... зашатался и съ визгомъ запрыгалъ внизъ по скалѣ ... Пыль, искры и мелкіе кремни устилали слѣдъ его .. Вотъ онъ отпрыгнулъ всторону, снова ударился, принявъ прежнее направленіе и рухнулъ на площадку. Пять или шесть человѣкъ, окружавшихъ Шихъ – Мансура, изчезли подъ камнемъ, другіе наѣздники, раненныя только, выбиваясь изъ стремянъ, закрутились съ конями по обрыву .. Но бѣлый конь и всадникъ — не сдѣлали ни малѣйшаго движенія ...

Это ободрило осаждавшихъ и изумило осажденныхъ. Аллахъ хранитъ его, говорили первыя ... Онъ невредимъ .. Надо умѣть молиться, какъ молится онъ и пули евреевъ врастутъ въ ихъ винтовки: впередъ, храбрые наѣздники пророка славной Чечны!

— Онъ невредимъ, повторяли другіе ... Развѣ только громъ Небес-

ный поразитъ ето! И новый градъ камней загораживалъ дорогу отчаяннымъ чеченцамъ ...

— Довольно! Довольно бросать камни, послышался голосъ Чавки... Не мѣшайте Нешхаевцамъ, они подъ нашими выстрѣлами ...

Въ самомъ дѣлѣ партія Нешхая уже вышла на видъ заваловъ и обстрѣливаемая изъ отнятыхъ чеченцами бойницъ — вихремъ пронеслась мимо ихъ — на встрѣчу столпившемуся отряду горцевъ ... Нешхаевцы гикнули, обнажили шашки и быстрѣе мысли врубились въ толпу наѣздниковъ Шихъ-Мансура ... Чеченцы дрогнули и стали отступать шагъ за шагомъ ...

Громкій крикъ восторга привѣтствовалъ на скалахъ первую удачу вылазки, какъ вдругъ — чеченцы оставили бойницу и ударили въ тылъ Нешхая ... Поставленный на узкой тропинкѣ, съ ничтожнымъ отрядомъ, Нешхай не потерялся и прежде чѣмъ принялъ первые удары нападающихъ, также быстро, какъ и въ первый разъ, обскакалъ тропинку, ставъ лицемъ къ лицу съ обоими отрядами ...

— Не устоять, послышался на скалахъ чей-то зловѣщій голосъ ...

— Нешхаевцы отступаютъ ... Чеченцы выше!.. Убитъ! Убитъ!.. Нешхай упалъ съ коня ... Бѣгутъ! всѣ бѣгутъ! ...

И въ виду всѣхъ, раненный или убитый Нешхай, что было опредѣлить трудно, упалъ съ коня ... Вслѣдъ за тѣмъ дрогнули его сподвижники и разсыпались по скаламъ, уходя отъ преслѣдователей ...

— Все кончено! въ отчаяніи прошепталъ Чавка, вынося на рукахъ изъ завала безчувственную Чиркени ...

Прыгая съ легкостью юноши, чрезъ трещины и обвалы, старикъ достигъ указаннаго Нешхаемъ мѣста, въ ту минуту, какъ передовыя чеченцы на кинжалѣ внесли своихъ товарищей въ кухутхайскій аулъ...

Бережно опустивъ на землю Чиркени, измученный и обезсиленный отчаяніемъ старикъ печально поникъ на грудь головою... онъ какъ безумный, безсмысленнымъ взглядомъ отвѣчалъ на слова нукера, напоминавшаго ему о спасеніи и побѣгѣ.

Ночь уже раскидывалась надъ горами, на которыхъ тамъ и сямъ мелькали стада испуганныхъ туровъ ... Пролѣтный вѣтеръ доносилъ до тревожнаго слуха Чавки гулъ отдаленныхъ выстрѣловъ и воплей... и страшное, багровое зарево, разлившееся надъ пылавшимъ ауломъ сказывало объ ужасахъ чеченскаго набѣга.

Чавка тяжело вздохнулъ и, какъ-бы приходя въ себя, наклонился къ дочери, потерявшей способность дышать и мыслить.

— Чиркени, сказалъ онъ: время дорого ... бѣжимъ ... не къ ра-

дости, но отъ смерти. Судьба обрекла насъ на тяжкое скитальчество... О, если бы не ты, дитя моя... Чавка не оставилъ бы родного порога, онъ бы умѣлъ непережить позора и общей бѣды ... Дитя мое, Чиркени!.. Проснись... Чу!.. я слышу голоса враговъ ... Насъ ищутъ ... Насъ настигаютъ!..

— Да, тревожно отозвался нукеръ: насъ преслѣдуютъ ... Такъ и есть ... вонъ сюда спускаются чеченцы ... Скорѣй старикъ!..

Лице Чавки ожило ... Онъ съ силою приподнялъ Чиркени и уже готовъ былъ перекинуть ее черезъ сѣдло, какъ огромная тѣнь знакомаго намъ великана, мелькнувъ мимо его, изчезла подъ скалою, въ ту же минуту толпа чеченцевъ съ громкимъ крикомъ угрозъ и проклятій окружила несчастнаго Чавку...

— А, варвары! вскричалъ старикъ... вамъ мало моего серебра, мало гибели цѣлаго аула, вы хотите и моей жизни и позора моей дочери ... Возьмите трупы наши!

Съ этими словами Чавка занесъ кинжалъ надъ сердцемъ Чиркени.. Но въ это мгновеніе свистнулъ арканъ и спутанный имъ старикъ былъ брошенъ на землю и обезоруженъ.

V.

Аулъ догаралъ, освѣщая крававымъ пламенемъ черныя скалы Фартама, съ которыхъ растаявшій снѣгъ быстрыми потоками бѣжалъ внизъ, омывая кровью облитыя тропинки. Вверху слышались веселыя пѣсни побѣдителей и ржаніе измученныхъ коней ихъ, на которыхъ чеченцы вьючили свою добычу ... Подъ скалами все безмолствовало и только изрѣдка нарушалось это безмолвіе шумомъ подающаго въ пропасть снѣга или кремня, оторванныхъ съ мѣста робкою ногою бѣглеца еврея ... Внизу, остававшіяся на равнинѣ чеченцы давно уже отдыхали у пылающихъ костровъ; разсказы о минувшемъ дѣлѣ, о лихихъ наѣздникахъ Нешхая, о славѣ своего пророка и мечты о предполагаемой добычѣ въ предстоящемъ набѣгѣ, — вотъ что занимало въ эту минуту горцевъ.

— Дѣло-то молодецкое, говорилъ одинъ чеченецъ собравшимся около него таварищамъ, да жаль только, что этотъ проклятый камень раздавилъ столько лушчихъ нашихъ наѣздниковъ...

— Да, замѣтилъ другой, вѣдь какъ рухнулъ!.. мнѣ казалось, что мы всѣ въ джехенимъ провалимся въ эту минуту... Хоть бы кто устоялъ! всѣ закрутились по обрыву, кромѣ тѣхъ, кого притиснуло... а Шихъ-Мансуръ...

— Пхе!.. не дрогнулъ!.. какъ будто Фатима его листочками розы осыпала...

— Гей!.. да что ему сдѣлается? Видалъ я этого Шихъ-Мансура, въ дѣлѣ на Сунжѣ, посмотрѣли бы вы. . Пусть мнѣ вѣкъ свой не любоваться кончикомъ своего носа, если кормлю васъ грязью...

— Э ... Что же онъ, Баталъ-Хай, на Сунжѣ?

— Страхъ съ нимъ ... Стоишъ подлѣ, такъ — вотъ и слышешъ, какъ въ тебѣ кровь прибываетъ и шкура дѣлается толще ... кажется вотъ пуля объ тебя сплюснится, только стоитъ подумать, что умираешь во славу пророка ... Право!

— Ну, а онъ-то, Баталъ-Хай?..

— Онъ? Пхе!.. Подумать страшно .. Какъ вы думаете, въ моихъ глазахъ, русская пуля, чугунная, съ мою голову изъ падишахъ винтовки (изъ пушки) ударилась въ его кабардинку и ...

— Ну?

— Ну и сплюснулась въ чурекъ,—съ видомъ особеннаго убѣжденія добавилъ Баталъ-Хай.

— Аллахъ! Аллахъ! отозвались изумленныя чеченцы, схватившись за бороды и устремивъ благоговѣйный взглядъ на саклю Шихъ-Мансура.

— Вотъ онъ какой! снова началъ Баталъ-Хай... Эге!.. Смотрите таварищи, продолжалъ онъ, указывая по направленію къ Кугутхайскому аулу.

Всѣ взоры обратились въ ту сторону и всѣ собесѣдники въ нѣмомъ изумленіи, молча и вопросительно переглянулисъ между собою.

Причиною этого изумленія было появленіе знакомаго намъ великана. Онъ медленно пробирался на скалахъ, ниже первыхъ бойницъ, достигая того мѣста, гдѣ партія Нешхая билась съ чеченцами. Великанъ, какъ будто бы искалъ чего-то. Онъ безпрестанно нагибался, подымалъ разбросанныя трупы наѣздниковъ и, какъ-будто бы забавляясь своимъ дѣломъ, кидалъ ихъ въ пропасть...

— Клянусь прахомъ отца, шепнулъ Баталъ-Хай, что это горный духъ Фартама...

— Да, да, откликнулись чеченцы .. Онъ сбираетъ въ одинъ джехенемъ трупы друзей своихъ Кугутхайцевъ...

Между тѣмъ великанъ, болѣе похожій на привидѣніе, чѣмъ на обыкновеннаго человѣка, нагнулся еще разъ, поднялъ кого-то и бережно вскинувъ его на свои могучія плечи, сталъ быстро всбираться на скалы, постепенно изчезая изъ глазъ изумленныхъ горцевъ.

Послѣдуемъ за нимъ.

Недоходя нѣсколько шаговъ до тропинки, подымавшейся къ раззоренному аулу, незнакомецъ повернулъ направо, смѣло перебѣжалъ снѣжный обвалъ и остановился надъ ущельемъ

— Кажется здѣсь? тихо сказалъ онъ, озираясь кругомъ. Да, продолжалъ великанъ ... Такъ ... сейчасъ налѣво отъ этой пропасти ... и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ — онъ скрылся въ пещерѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ ней сверкнули искры, потомъ послышалось тяжелое дыханіе человѣка, раздувавшаго огонь .. и скоро пламя сухаго виноградника освѣтило мрачныя стѣны пещеры, грозную фигуру таинственнаго незнакомца фортамскихъ скалъ и блѣдное лице Нешхая, внесеннаго имъ въ пещеру.

— Онъ еще живъ, онъ дышетъ ... онъ будетъ жить на гибель врагу моему! сказалъ незнакомецъ, заглянувъ въ блѣдное лице своей ноши.

Съ этими словами великанъ бережно придвинулъ раненнаго къ огню, внимательно осмотрѣлъ и перевязалъ его рану ...

Вѣроятно тепло, распространенное огнемъ пылавшихъ прутьевъ и нѣсколько капель какого-то напитка, влитыхъ въ ротъ Нешхая, имѣли на него благодѣтельное дѣйствіе. Онъ тяжело вздохнулъ, въ то время, какъ печальная улыбка скользнула на его запекшихся кровью губахъ.

— Есть надежда! шепнулъ великанъ, смочивъ виски и губы больнаго тою же жидкостью, которую вливалъ и въ ротъ его.

Спустя минуту новый вздохъ обнаружилъ присутствіе жизни въ груди Нешхая... Онъ открылъ глаза и не будучи въ силахъ выносить въ первую минуту окружавшаго его свѣта, снова закрылъ ихъ.

Незнакомецъ взялъ его за руку и тихо пожалъ ее. Это движеніе заставило очнуться окончательно Нешхая ... Онъ осмотрѣлся кругомъ и остановилъ неподвижно на великанѣ взглядъ свой, въ которомъ отражались изумленіе и ужасъ ...

— Не пугайся другъ мой, ласково сказалъ великанъ: я не врагъ твой ...

— И неужели ... не привидѣніе? тихо спросилъ раненный ... или я уже въ джехеннемѣ и встрѣчаюсь тамъ съ давно погибшими? слабымъ голосомъ продолжалъ онъ.

— Ты на Фартамѣ, въ пещерѣ горнаго скитальца ...

— Но, какже ... вѣдь ты погибъ подъ ножемъ Шихъ-Мансура, Батырь-Ша? еще не оправившись отъ ужаса, спросилъ больной.

— Нѣтъ — Клычь, позволь, Нешхай, назвать тебя твоимъ настоящимъ именемъ, отвѣчалъ Батырь-Ша, котораго читатели вѣроятно уже давно узнали ... Нѣтъ — я живу для вѣчной мести къ твоему бездуш-

ному брату ... Въ степяхъ вы таскали въ мѣшкѣ не мою голову, а голову стараго врага моего, несчастнаго баксы Турту-Джелкара. И видишь ли, Клычь, какъ будущее наше неизбѣжно и страшно ... Сегодня ты едва не погибъ отъ руки роднаго брата, который уже продалъ тебя въ неволю ... и кому же обязанъ теперь спасеніемъ ... мнѣ, чью голову съ такимъ восторгомъ ты думалъ увезти изъ Каратюлея ...

— Остановись, Батырь-Ша, съ усиліемъ прошепталъ Клычь: не вспоминай этого позорнаго минувшаго ... этихъ ужасныхъ дней, воспоминаніе которыхъ давно бы должно отсосать изъ моего сердца любовь и привязанность мою къ брату, который къ своимъ безумнымъ цѣлямъ перешагнулъ черезъ мою свободу ...

— О ... если бы только !. . Нѣтъ, Клычь — не то еще отнялъ у тебя страшный братъ твой ...

При этомъ сердце Клыча облилось горячею кровью, предчувствіе новаго зла железною рукою сдавило грудь его.

— Что еще? почти съ крикомъ и задыхаясь спросилъ онъ ...

Батырь-Ша пристально посмотрѣлъ на свою жертву и едва скрывая душевное удовольствіе, медленно сказалъ:

— Аулъ Евреевъ сожженъ Чеченцами ...

— Ну !... О, не мучь меня Батырь-Ша !

— Мужчины перерѣзаны... Женщины ...

— Что же ... женщины?

— Одна изъ нихъ, дѣвушка, отдана была Шихъ-Мансуру— и потомъ сожжена вмѣстѣ съ старымъ отцомъ своимъ ...

Какъ уязвленный стрѣлою тигръ, Клычь подпрыгнулъ на мѣстѣ, не смотря на свое безсиліе.

— Эта дѣвушка, продолжалъ Батырь-Ша, называлась Чиркени, отецъ ея Чавка.

— Чиркени ! со стономъ повторилъ пораженный словами муллы молодой человѣкъ ... Чиркени ! сказалъ онъ рыдая ... А !... Злой братъ... Ты отнялъ у меня свободу, родину, отца ... ты завѣщалъ мнѣ только слезы и муки рабства...и я, скиталецъ безъимянный, бѣглый ясырь— опозоренный тобою, — при нашей встрѣчѣ хотѣлъ все простить тебѣ и за твое безуміе — думалъ принести на жертву трудъ и жизнь ... Теперь взялъ ты у меня то, что только властенъ былъ взять Аллахъ ... Руку, Батырь-Ша, вскричалъ иступленный Клычь... Месть ему! месть... Прочь честь и совѣсть наѣздника ... Баранта !.. Даже сонъ—не спасетъ отъ руки моей Шихъ-Мансура!

Такъ, такъ, Клычь! отозвался Батырь-Ша, довольный какъ нельзя болѣе достиженіемъ своей цѣли. Въ нашихъ степяхъ тебя бы бросили

на пустынномъ кочевьѣ, какъ зараженнаго оспой — если бы ты смѣлъ простить такую обиду ...

Между тѣмъ юноша, обезсиленный душевными страданіями въ изнеможеніи опустился возлѣ костра.

— Ахъ, Батырь-Ша: — Скорѣй бы ... Скорѣй! сказалъ онъ.

— Скорое мщеніе—слабость мстителя, отвѣчалъ киргизъ ... Отнять жизнь ... Пхе! .. Этого не много ... И гадину, укусившую насъ, мы убиваемъ также ... Нѣтъ, Клычь, въ *немъ* мы прежде всего должны убить надежды, когда нибудь дойти до предположенныхъ имъ цѣлей, что ужъ составляетъ полжизни Шихъ-Мансура... Этого мы достигнемъ клеветою, которую распустимъ между чиченцами—и когда онъ будетъ жертвою своевольныхъ и кровожадныхъ дикарей—мы предстанемъ передъ нимъ спасителями, вырвемъ его изъ рукъ убійцъ ... и смѣло пойдемъ за изгнанникомъ, указывая на него, какъ на зачумленнаго . .

И для начала, Клычь ... Давай руку, сказалъ Батырь-Ша, едва только ты оправишься, мы пустимся по слѣдамъ хищниковъ къ Кизляру и едва успѣемъ накликать тамъ неудачу, довѣріе горцевъ къ Шихъ-Мансуру убавится на половину, а съ нею и его слава ... отъ одной неудачи до другой не далеко ... я испыталъ это ... а тамъ и гибель!...

Новые друзья молча пожали другъ другу руку и поклялись неизмѣнять своихъ мстительныхъ плановъ.

II.

ШИХЪ-МАНСУРЪ.

ВОСТОЧНЫЙ РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

В. И. САВИНОВА.

ЧАСТЬ III.

КИЗЛЯРСКІЯ ВОЛОТА.

I.

Ясный и теплый день весны раскинулся надъ Фартамскими вершинами, смѣнивъ страшную ночь паденія и гибели Кугутхайскаго аула. Черные клубы дыма и крупныя, блестящія искры пожара, раздуваемыя вѣтромъ, еще носились надъ этимъ ауломъ, въ которомъ догаралъ послѣдній пріютъ несчастныхъ евреевъ. Еще вчера Кугутхай представлялъ рѣдкую и отрадную картину осѣдлой жизни и всѣ ея удобства — послѣдствіе труда и дѣятельности, что́ невсегда встрѣчается въ горахъ, а теперь, эти бѣлыя, чистыя мазанки, вытянутыя стройными рядами на площадкахъ скалъ, рисовались только одними закопчеными и разру-

шенными глыбами глины, изсѣченныя всходы къ аулу и тропинки были загромождены трупами горцевъ и евреевъ, рядомъ съ которыми валялись оружіе и камни, забрызганныя кровью. Рука хищниковъ не пощадила даже и могилъ еврейскихъ. Наѣздники, растащивъ по клочьямъ богатства саклей, искали его и между истлѣвшими гробами. Всегда безмолвные спуски и площадки Фартама, на которыхъ прежде рѣдко появлялся труженикъ и домосѣдъ-еврей, теперь были усѣяны толпами чеченцевъ. Иные изъ нихъ, обременные добычей, гнали передъ собой связанныхъ плѣнницъ, другіе, не такъ жадные до красоты и серебра, помня завѣтъ отцовъ, сбирали трупы падшихъ собратій, въ то время, какъ внизу, на зеленой равнинѣ, сжатой между рукавами Аргуна, ржаніе боевыхъ коней, звуки лютни, звонъ грузинскихъ азерпешей и горячая, бѣшеная пляска джигитовъ, да громкій говоръ красавицъ, представляли картину разгульной жизни полудикарей, жизни безпечной, буйной и шумной, какъ-бы въ противуположность той печальной и могильной, которая, при взглядѣ на Фартамъ, навѣвала грусть и ужасъ.

Это былъ послѣдній день чеченцевъ въ родныхъ горахъ, и потому ковры пиршества, уставленные яствами и виноградным виномъ, съ полей Кахетіи, покрывали почти все пространство равнины ... Не смотря на свое грозное *казаватъ*, вызванное изувѣрствомъ лжеучителя, не смотря на общую мысль умирать за вѣру и ея завѣты — горцы пили не хуже гяуровъ и съ пронзительнымъ гикомъ, подщелкивая языкомъ и руками, усердно выплясывали бѣшеную лезгинку, на коврахъ, искусно и ловко прыгая между бурдюками и ковшами. Женщины не отставали отъ мужчинъ. Старыя, засѣдлывая мужьямъ коней, просили не забывать ихъ, когда въ Кизлярѣ, съ ножа, достанется мужу армянскій поясъ или красныя *мачи*. Молодыя, раскинувъ по плечамъ косы, а за плечами ревнивую чадру, какъ-бы въ доказательство всѣхъ неуспѣховъ Шихъ-Мансура, проповѣдывавшаго смиреніе, дружно дѣлили съ молодыми наѣздниками пиръ, раздольную пляску и даже горячія поцѣлуи.

Особенное движеніе было замѣтно у сакли Шихъ - Мансура. Богато вооруженные наѣздники и уздени съѣзжались къ этой саклѣ на джематъ. Толпа полупьяныхъ нукеровъ, толкуя о славѣ и подвигахъ своихъ господъ, наперерывъ спѣшила принять въ руки брошенную новымъ пріѣзжимъ уздечку и поддержать его широкое стремя. Шихъ - Мансуръ еще не выходилъ къ почтенному собранію джигитовъ, между которыми слышался только скромный шопотъ или замѣчался важный кивокъ головы, при неизбѣжной ласкѣ, какую постоянно оказываютъ старые чеченцы своей сѣдой бородѣ. У оврага, расположеннаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сакли лжепророка, помѣщались

наши знакомцы Лай – Гачь и Учь – Ханъ. Они тихо разговаривали между собою, не принимая никакого участія въ общемъ шопотѣ и перемолвкахъ старшинъ.

— Когда кончатся эти сборы и совѣщанія? говорилъ первый изъ нихъ ... Второй день, какъ всѣ партіи собрались, и мы только опорожниваемъ послѣдніе бурдюки, да съѣдаемъ ни за что боевой запасъ ... Стыдно намъ! будто Чечну хотимъ раздвинуть до Кубани и Куры ... собраться не можемъ въ пустой наѣздъ!

— Эхъ, кунакъ, отвѣчалъ товарищъ, — развѣ наѣздники вчера не были въ дѣлѣ?

— Пхе! Ну ... и чтожъ они вынесли на кинжалѣ?.. Сожгли дрянной аулъ, разогнали тысячи двѣ барановъ и, вмѣсто того, чтобы переловить ихъ, наарканили цѣлую атару дѣвчонокъ, которыхъ теперь дѣвать некуда ...

— А въ Эндери?.. Ктому же ты забываешь абазы Чавки, котораго, какъ говорятъ, сожгли съ дочерью ...

— Пусть ржавчина съѣстъ мою шашку, а шакалъ мое тѣло на распутьи — если это все правда!.. Кто любовался искорками абазовъ Чавки и кто спалилъ ему бороду?... Ну – ка, укажи!.. Пхе! Ничего не бывало ... Я вѣрно знаю, что Чавка звѣрь, у котораго огнемъ не вызжешь правды, и Шихъ – Мансуръ не поживился отъ него ни однимъ чаури ... Еврей съ дочерью въ ямахъ и отъ нихъ еще только думаютъ выпытать, гдѣ зарыты сокровища ... Время будетъ уходить ... мы вступимъ въ наѣздъ ... Шихъ – Мансуръ оставитъ какого–нибудь продажнаго муллу торговаться съ евреемъ ... и посмотри, кончится все тѣмъ, что трупы нашихъ друзей и свою свободу Чавка купитъ за шапку серебра ... Вотъ тебѣ и вся услуга Мухаммеду, во имя котораго обезумѣвшіе джигиты лѣзли вчера на скалы, какъ окуренные опіумомъ.

— Учь – Ханъ глубокомысленно погладилъ свою бороду, ущипнулъ ея заостренный кончикъ, собираясь что – то сказать на слова своего собесѣдника, какъ громкій говоръ въ толпѣ старшинъ и усилившійся крикъ на равнинѣ спугнули его мысли и вызвали вниманіе.

— Кто этотъ дерзкій? Абрекъ! кровомститель! слышалось въ толпѣ узденей.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время общее вниманіе привлекъ къ себѣ статный и ловкій всадникъ, показавшійся на равнинѣ. Закрытый по самую шею бѣлымъ башлыкомъ, изъ—подъ разрѣзовъ котораго выглядывали бѣлые же коемы его кабардинки, что̀ прямо говорило о страшномъ названіи абрека и кровомстителя, —наѣздникъ медленно подвигался впередъ. Онъ видимо старался казаться бодрымъ и безпечнымъ, тогда—какъ

забрызганная кровью чуха и перевязанное плечо обнаруживали въ немъ израненнаго страдальца. Не обращая вниманія на крики, проклятія и грозное движеніе джигитовъ къ кинжалу, онъ, какъ-бы презирая угрозы толпы, не торопясь, легкою рысью проѣзжалъ по коврамъ пирующихъ, опрокидывая азерпеши, кувшины и даже самихъ джигитовъ, также налитыхъ виномъ, какъ и бурдюки.

— Бродяжный шакалъ! кричали горцы, обступая абрека...Развѣ вы съ конемъ оба ослѣпли... За что ты топчешь наши бурдюки и ажигъ?..*

— Мой конь не летаетъ по воздуху, храбрые джигиты, а землю вы заняли своими коврами ... гдѣжъ я проѣду? отвѣчалъ наѣздникъ.

—Пхе! не летаетъ! послышалось въ толпѣ. Ну, такъ ты полетишь ... Долой его съ коня!... долой! На кинжалы!

И толпа, съ гикомъ обнаживъ кинжалы, ринулась цѣлой волной къ абреку...

— Прочь, кунаки! вскричалъ онъ... Втопчу въ землю или смѣшаю кровь вашу съ кахетинскимъ!

Съ этими словами наѣздникъ осадилъ коня, мѣтнулъ его вправо, влѣво и, полоснувъ нагайкой перваго встрѣчнаго, вихремъ промчался по коврамъ до косогора...

Толпа пошумѣла, побранилась и, не смѣя начинать ссоры и драки у сакли Шихъ-Мансура, снова принялась за попойку и пляску.

Между-тѣмъ незнакомецъ, спрыгнувъ съ коня, бросилъ поводья въ руки перваго нукера, и какъ будто бы не замѣчая непріязненныхъ взглядовъ старшинъ, спокойно занялъ мѣсто между молодыми узденями.

Старшины вопросительно переглянулись. Молодые наѣздники, съ какимъ-то невольнымъ страхомъ разбрелись въ разныя стороны, оставивъ средину лужайки незнакомцу; только одинъ Лай-Гачь, всегда и вездѣ готовый рубиться и говорить за всѣхъ, не могъ остаться равнодушнымъ. Онъ подсѣлъ къ незнакомцу и, подщелкивая рукоятью кинжала, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Кто храбрый гость нашъ? спросилъ старикъ ... Мы хотимъ знать его имя.

— Имя мое не скраситъ вашей бесѣды, славный джигитъ, отвѣчалъ наѣздникъ, — и знать его тебѣ также ненужно, какъ мнѣ твое... Я абрекъ ... родина моя Кабарда... Проѣзжая вашими горами ... я вчера дрался за васъ, а сегодня хочу выступить съ вами въ наѣздъ.

— Да хорошѣетъ жена твоя!... началъ было старикъ.

— У меня ее нѣтъ, — перебилъ наѣздникъ...

— Да выкормится конь твой!...

---

* Ажигъ — кислое молоко.

— Конь не мой.

— Но ... погоди! вскричалъ раздосадованный Лай-Гачь: все это хорошо, что ты намѣренъ биться во славу нашего пророка; однакожъ онъ, вѣрно, не звалъ тебя на джематъ и не предлагалъ почетнаго мѣста между сѣдыми джигитами.

— А кто тебѣ сказалъ, что онъ меня не звалъ, и почему тебѣ кажется, что для меня почетъ и благополучіе сидѣть на концѣ твоей бурки?. . Чѣмъ мое вооруженіе хуже твоего?... Чѣмъ твои дѣла славнѣе моихъ?... Развѣ моя шашка сказала тебѣ, сколько она выпила крови и сколько разъ умиралъ я за родныя аулы? —

— Правда, этого мы не знаемъ — отозвался одинъ изъ старшинъ. Но сознайся, что ни самъ ты, ни твоя шашка не запретятъ намъ думать, что трудно угадать, кто спрятался за башлыкомъ: хвастовство, или слава и храбрость?

— Да! да!... грязью накормить хочетъ! послышалось между наѣздниками.

Но въ ту же минуту общій говоръ замеръ въ толпѣ. Всѣ встрепенулись и смиренно заняли мѣста свои. Ропотъ старшинъ смѣнило безмолвное молчаніе, причиною котораго было появленіе Шихъ-Мансура. За нимъ слѣдовала Айканы, въ платьѣ нукера.

При взглядѣ на дѣвушку, незнакомецъ вздрогнулъ, сдѣлавъ впередъ какое-то неразгаданное движеніе, но прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ замѣтить его волненіе, онъ уже успокоился и только огненный взглядъ его, сверкавшій изъ разрѣзовъ башлыка и устремленный на Айканы, высказывалъ его изумленіе.

— Храбрые джигиты, готовясь слушать слово пророка, встрѣчаютъ его посланника спорами и шумомъ! съ упрекомъ сказалъ Шихъ-Мансуръ.

— Прости! Мы виноваты, слава горъ нашихъ! отозвался Лай-Гачь, смиренно цѣлуя полу чекменя Шихъ-Мансура. Но, мудрый, разсуди насъ ... Вотъ пришлецъ — бездомный абрекъ, явился на джематъ и осмѣливается требовать почета и голоса.

Шихъ-Мансуръ грознымъ взглядомъ окинулъ толпу и остановилъ его съ выраженіемъ недоумѣнія и досады на абрекѣ.

— Кто ты? мрачно спросилъ онъ.

— Сынъ Аблая, старшины Каратголейскаго кочевья, — съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ незнакомецъ.

На одно мгновеніе Шихъ-Мансуръ измѣнился въ лицѣ и, едва владѣя собою, протянулъ дрожавшую руку абреку.

— Сынъ моего стараго кунака! сказалъ онъ, готовый задушить

его въ своихъ объятіяхъ... Правду-ли ты говоришь, предатель! шепнулъ онъ, отводя наѣздника всторону...

— Если Шихъ-Мансуръ не узнаетъ меня, то, надѣюсь, Айканы узнаетъ своего брата...

— Довольно!.. почти со стономъ прошепталъ. мулла. —Говори же, продолжалъ онъ, судорожно сжимая руку своего страшнаго гостя: зачѣмъ ты здѣсь?.. Чтобы предать меня?.. чтобы высказать мои несчастныя тайны?

— А развѣ ты врагъ мой, Мансуръ?.. Я только хочу служить тебѣ и умереть за тебя. Если хочешь, даже сама Айканы никогда не узнаетъ меня въ толпѣ твоихъ нукеровъ... Я проданъ былъ въ Хиву, откуда бѣжалъ въ горы еще ребенкомъ... жилъ въ Кабардѣ... Судьба послала мнѣ враговъ и я обрекъ себя на пятилѣтнее кровомщеніе... Срокъ кончается... Я услыхалъ твое имя и пришелъ къ тебѣ, чтобы, умирая, загладить мои преступленія.

Страшно было Шихъ-Мансуру довѣриться словамъ молодаго наѣздника. Подозрительный и неспокойный въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ въ каждомъ новомъ лицѣ, болѣе другихъ къ нему приближенномъ, видѣлъ своего врага... Но, въ то же время, слѣпо увѣренный въ своихъ удачахъ и до фанатизма преданный своимъ планамъ — онъ, иногда, въ припадкахъ мечты и забытья, думалъ, что само Провидѣніе блюдетъ надъ его жизнью, устроивая его счастливое будущее. Точно также и въ эту минуту онъ былъ близокъ къ послѣдней мысли, а взвѣшивая свои минувшія отношенія къ Аблаю и его дѣтямъ, Шихъ-Мансуръ невольно успокоивался, находя, что ни старый киргизъ, ни сынъ его не могутъ питать къ нему непріязни и, наконецъ, даже самый разсказъ молодаго киргиза былъ очень близокъ къ истинѣ.

— Хорошо, сказалъ Шихъ-Мансуръ: будь же моимъ другомъ... Ктожу же у меня ихъ такъ мало здѣсь, добавилъ онъ грустно, и въ каждомъ, истинно преданномъ мнѣ человѣкѣ, — я вижу новую милость Пророка.

Съ этими словами мулла возвратился на прежнее мѣсто.

— Джигиты, сказалъ онъ, вводя молодаго человѣка въ средину старшинъ: это не врагъ нашъ и не джулметъ опозоренный. Слава его также почтенна, какъ и ваша слава... Одна несчастная ссора вызвала его на пятилѣтнее кровомщеніе, котораго срокъ уже кончается, и хотя онъ, по извѣстному въ этомъ случаѣ обѣту, не откроетъ башлыка своего, но каждый изъ васъ можетъ пожать ему руку, на которой нѣтъ пятна позора и невинной крови!

Горцы вообще большіе охотники до куначества и, потому нѣтъ ниче-

го удивительнаго, что человѣкъ, котораго за минуту каждый изъ нихъ готовъ былъ вызвать на ссору, при такой высокой и почтенной рекомендаціи, вдругъ сталъ въ глазахъ ихъ кунакомъ задушевнымъ и неизмѣннымъ. Всѣ наперерывъ спѣшили обнять своего гостя и сказать ему какое-нибудь цвѣтистое привѣтствіе. И только повелительный голосъ Шихъ-Мансура, требовавшій молчанія и вниманія, могъ остановить шумъ и говоръ толпы.

Торжественная минута настала. Шихъ-Мансуръ раскрылъ коранъ и приступилъ къ чтенію стиховъ его.

Горцы, смиренно опустивъ глаза въ землю и скрестивъ на груди руки, внимательно слушали своего учителя, понимая изъ всего читаннаго только одно слово «Аллахъ» и предоставляя все остальное мудрости Шихъ-Мансура. Наконецъ, чтецъ тяжело вздохнулъ, поцѣловалъ страницу книги и, закрывая коранъ, положилъ на него свою руку.

— Народъ и вѣрные сподвижники мои, сказалъ онъ, поняли ли вы слово пророка?

Горцы вопросительно переглянулись и какъ смиренно слушали стихъ корана, также смиренно отвѣчали въ голосъ:

— Ничего не поняли, мудрый изъ мудрыхъ.

— Ну, я прочту вамъ еще разъ; молитесь и слушайте... велики грѣхи ваши... даже слово мудрости, сказанное устами вдохновенными, недоступно ушамъ вашимъ... Молитесь и слушайте.

И снова наклонились головы, и снова зазвучалъ голосъ Шихъ-Мансура.

— Теперь поняли ли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мудрый изъ мудрыхъ, откликнулась толпа. Очи наши слѣпы, души черны, да просвѣтлѣютъ они отъ словъ твоихъ..

— Накорми разумъ нашъ ажигомъ мудрости! подсказалъ Лай-Гачь.

— Смотри, старикъ, шепнулъ абрекъ: шейхъ можетъ принять это за насмѣшку!

Но Шихъ-Мансуръ не слышалъ словъ Лай-Гача и продолжалъ:

— Такъ слушайте же, народъ! Вотъ что говоритъ пророкъ... онъ говоритъ: «Тотъ истинный мусульманинъ мой, кто не щадитъ ни жизни, ни имѣнія, ни семейства, кто исполняетъ волю корана и распространяетъ мой законъ... и вѣчно враждуетъ съ невѣрными. Поступающій согласно моимъ повелѣніямъ, станетъ на томъ свѣтѣ выше всѣхъ избранныхъ, до меня бывшихъ...» *

---

* Почти собственныя слова корана. Это же самое говорилъ и Кази-Мулла. Смотр. «О началѣ безпокойствъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ», стр. 6.

— Такъ какже это, мудрый изъ мудрыхъ, простодушно спросилъ Лай-Гачь: а если эти избранные точно также исполняли это правило, за что же они ниже насъ будутъ?

— Другъ мой, смиренно отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ, коранъ писанъ для живыхъ, а не для тѣхъ, которые отошли...

— Правда, правда! послышалось въ толпѣ.

— Вотъ и накормилъ ажигомъ! шепнулъ абрекъ.

— Клянитесь, продолжалъ лжеучитель, — оставить свои прежніе пороки и прегрѣшенія... Спѣшите вооружиться на невѣрныхъ . . Время это настало ... Я узнаю по вдохновенію свыше . .

При громкихъ крикахъ «казаватъ!», шашки засверкали въ воздухѣ, высказывая готовность горцевъ слѣдовать мудрому ученію.

Когда нѣсколько поутихъ воинственный жаръ наѣздниковъ, проповѣдникъ ихъ передалъ коранъ своему нукеру и опустился на коверъ, предлагая начать джематъ.

Совѣщанія начались и длились до поздняго вечера. Наконецъ, послѣ неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ споровъ, отряды были раздѣлены между старшинами и полночь была назначена временемъ выступленія партій въ наѣздъ.

Два ружейныхъ выстрѣла съ плоской кровли сакли Шихъ-Мансура дали знать пирующимъ горцамъ, что походъ близокъ.

— Теперь, сказалъ Шихъ-Мансуръ: когда уже старшины готовы были разойтись по домамъ: — главному отряду нуженъ опытный *беллатъ* * ... Кто изъ васъ можетъ указать такого?...

— У меня нѣтъ, отозвался Лай-Гачь.

— И я не знаю ... И у меня нѣтъ! повторили нѣсколько голосовъ.

— Когда дойдемъ до Зеленчуга, замѣтилъ одинъ изъ сѣдыхъ старшинъ,—я найду хорошаго беллата: онъ мой кунакъ и знаетъ въ горахъ всѣ змѣиныя норки.

— Храбрые джигиты! перебилъ абрекъ: если вы меня подарите своимъ довѣріемъ, то клянусь вашею славою, лучшаго беллата не найдете ни на Зеленчугѣ, ни во всѣхъ горахъ Чечны и Андія, какъ— я!.. Восемь лѣтъ странствованія познакомили меня съ горными дорогами, по которымъ я проведу васъ въ темныя ночи, не потерявъ ни одного всадника, ни одного напраснаго шага впередъ ...

— Эта воля шейха, а мы рады довѣрить тебѣ себя и коней нашихъ! откликнулись горцы.

---

* Проводникъ.

— Ну ... такъ *Бисма'ль Ляги'ръ-рахмани'ръ-рахимъ!* во имя Аллаха милостиваго и милосердаго ... да будетъ такъ! сказалъ Шихъ-Мансуръ.

И толпа, довольная его рѣшеніемъ, разбрелась по саклямъ, у порога которыхъ ждали наѣздниковъ осѣдланные карабахцы, жены и ребятишки.

Шихъ-Мансуръ, оставшись одинъ, очень былъ доволенъ, что и новый слуга его исчезъ съ наѣздниками. Встрѣтивъ Айканы, онъ не сказалъ ей ни слова о братѣ и, накинувъ наскоро бурку, закутался въ нее, стараясь скрыть и лицо свое надвинутымъ на глаза папахомъ.

Вооруженный небольшимъ фонаремъ и кинжаломъ, скрытыми подъ полою бурки, мулла быстрыми шагами спустился на противуположную отъ равнины сторону косогора, перебѣжалъ балку и остановился у скрытой въ землѣ мазанки. Въ ту же минуту сильная рука схватила его за воротъ и кинжалъ блеснулъ у горла.

— Спасибо Башхенкалъ, прошепталъ Шихъ-Мансуръ, — ты славно знаешь свое дѣло ... Вотъ тебѣ еще пять абазовъ ... продолжалъ онъ, въ то время, какъ высокая фигура Башхенкала, опустивъ руки, съ почтительнымъ поклономъ подалась назадъ.

— Не узналъ тебя, мудрый шейхъ!.. отвѣчалъ горецъ, принимая серебро.

— Ничего!.. быть осторожнымъ не мѣшаетъ ... Бей всякаго, кто подойдетъ къ этой клѣткѣ ... Ну, что̀ еврей?.. Пыталъ ты его?

— Пыталъ, мудрый шейхъ: не говоритъ ...

— А дѣвчонка?..

— Объ ней ты не сказалъ ни слова ...

— Гм ... Да!.. А надо бы ... Ну, да мы скоро вернемся изъ-подъ Кизляра. Еще успѣемъ ... однако попытаю еще самъ ... подыми, Башхенкалъ, двери ...

Горецъ нагнулся и сильными руками приподнялъ рѣшетчатую крышу землянки.

Держа передъ собой кинжалъ и фонарь, мулла осторожно спустился внизъ по крутой и ветхой лѣсенкѣ.

II.

На грустную и ужасную картину набросилъ свѣтъ свой фонарь Шихъ-Мансуръ. Даже *онъ*, виновникъ общаго зла кугутхайцевъ, зачерствѣлый въ изувѣрствѣ, незнакомый съ состраданіемъ и сожалѣ-

ніемъ, особенно тамъ, гдѣ неизбѣжны были жертвы къ достиженію его цѣлей — вздрогнулъ и, закрывая глаза рукою, отворотился на мгновеніе, уязвленный зрѣлищемъ, въ высшей степени поразительнымъ. На слабо освѣщенныхъ стѣнахъ надрѣчной землянки крупныя капли просачивающейся воды играли тысячью огнями, въ то время, какъ сырой воздухъ душилъ грудь и останавливалъ дыханіе пришельца. Шихъ-Мансуръ сдѣлалъ невольный шагъ назадъ, но мысль, что отъ его свиданія съ Чавкою зависитъ много успѣховъ въ будущемъ, остановила его. Не скрывая своего ужаса и содроганія, онъ остановилъ взглядъ сожалѣнія на бѣдной, изнуренной отчаяніемъ Чиркени, которая, не замѣчая его прихода, все еще старалась жаркими поцѣлуями возвратить къ жизни умирающаго отца, окровавленнаго и истерзаннаго пыткой.

— Чавка! за кого и за что страдаешь ты! — сказалъ Шейхъ: — невольникъ своей прихоти, за что умираешь ты въ душной тюрьмѣ, тогда-какъ одно слово откровенности спасетъ жизнь твою собственную и будущее твоего дитяти!..

При знакомыхъ звукахъ голоса лжепророка еврей вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, глаза его, отягченныя, до того, предсмертнымъ сномъ, сверкнули жизнію; немощная рука его рванула веревки, какъ будто ища на поясѣ кинжала...

Въ эту минуту дѣвушка, не замѣчавшая ни огня, освѣтившаго землянку, ни появленія Шихъ-Мансура, изнуренная бѣдою и заключеніемъ, ожила восторгомъ при взглядѣ на лицо отца, просіявшее жизнію. Съ воплемъ неисходной радости она схватила руку старика и покрыла ее жаркими поцѣлуями.

Чавка медленно отвернулся отъ дочери и встрѣтилъ взглядъ Шихъ-Мансура.

— Что̀ ты сказалъ мнѣ? спросилъ онъ.

— Чавка, повторилъ Шихъ-Мансуръ, — не мучь ни себя, ни бѣдное дитя твое...

— Чего жъ ты хочешь отъ меня, лжеучитель?

— Золота.

— У меня его нѣтъ.

— Лжешь, старикъ!..

— Кто тебѣ сказалъ, что я лгу?

— Я знаю... у тебя есть много сокровищей... подѣлись... и купи свободу себѣ.

— Послѣ позора и бѣдъ, которыя ты подарилъ мнѣ, Чавкѣ не нужны, ни жизнь, ни свобода. Полжизни отнято...я готовъ ... терзай меня ... для тебя это легко. Еще одно безславное дѣло и нѣсколько

капель невинной крови не сдѣлаютъ пятна на черной душѣ твоей, извергъ!

— Безумный старикъ! Ты называешь меня жестокимъ, а самъ, бездушный скряга, скорѣе разстаешься съ жизнью, чѣмъ съ золотомъ.

Мутный и болѣзненный взглядъ еврея засверкалъ, какъ яркіе глаза шакала ... Старикъ судорожно приподнялся на локтяхъ, оставаясь нѣсколько мгновеній безмолвнымъ. Только трепетаніе мускулъ и сжатые кулаки его высказывали всю ярость и все бѣшенство оскорбленнаго самолюбія.

— Бездомный бродяга! прошепталъ онъ, — сынъ волчицы, язва горъ нашихъ ... ты ли, готовый даже у шакала вырвать его добычу, можешь упрекать Чавку въ жадности? ... Не я ли спасалъ твою презрѣнную жизнь, когда ты, изнуренный голодомъ, просилъ у меня пристанища и работы? ... Не Чавка ли подарилъ тебѣ трудъ и серебро, за то только, что ты, какъ праздный чауши, дремалъ на солнцѣ, присматривая за моими работниками, въ садахъ Кизляра ... Не я ли далъ тебѣ хлѣбъ и мачи, когда ты, босой, первый нищій Кизляра, готовъ былъ идти въ горы!

Мулла стоялъ, какъ на горячихъ угольяхъ. Досада, оскорбленіе и мысль, что Башхенкалъ, оставшійся наверху, легко могъ подслушать слова еврея — связывали его языкъ и руки. Казалось, въ эту минуту плѣнникъ и палачъ его помѣнялись ролями.

— Лжешь ты, гадъ!.. Чавка не скряга: это повторятъ всѣ въ горахъ нашихъ—продолжалъ старикъ: но тебѣ, если бы ты даже умиралъ у его порога отъ нищеты и голода — не дастъ онъ и вытертаго чаури! Знай же, Шихъ-Мансуръ: умирай въ пыткахъ несбывшихся надеждъ и жадности, — знай, что у Чавки есть серебро, его хватило бы залить глотку всѣмъ твоимъ разбойникамъ и развѣ для этого только я разстанусь съ нимъ ... Нѣтъ! Ты изъ меня ни выжжешь огнемъ, ни вырѣжешь кинжаломъ ни одного абаза. Зачѣмъ я дамъ тебѣ мое серебро? Чтобы ты еще завербовалъ тысячи убійцъ? ...

— Старикъ, ты потерялъ разсудокъ!

— Для тебя все равно: мучить ли безумнаго и хилаго старика, или отнять жизнь у ребенка ...

— Но я думаю, что ты увидишь въ этомъ разницу, когда въ глазахъ твоихъ, при громкихъ вопляхъ горцевъ, я брошу въ пылающій костеръ дочь твою!

Чавка затрепеталъ и склонилъ на грудь голову. Только эта мысль, высказанная муллою, сокрушала твердость еврея. Онъ даже

зарыдалъ, когда дѣвушка снова холодными устами прильнула къ плечу его ...

— Не плачь, отецъ! ... не страдай за меня — сказала она: я вѣдь дочь твоя, во мнѣ кровь и воля Чавки. Мнѣ не страшны истязанія и муки, которыя сулитъ врагъ нашъ. О, только бы онъ пощадилъ тебя ... Да, да, Шихъ-Мансуръ! пусть буду я одна твоею жертвой ... Для чего тебѣ жизнь уже отжившаго? ... Ты видишь, отецъ мой не дорожитъ ею ... А я, посмотри ... какъ молода я, сколько счастливаго могло бы быть въ моемъ будущемъ, сколько радостей ... И все это ты можешь отнять у меня ... Въ пламѣ костра ты увидишь несчастную, за муки которой вздрогнетъ не одно сердце!.. И дѣвушка, ползая у ногъ Шихъ-Мансура, обнимала его колѣни. Измучь меня одну, говорила она, и я не выскажу тебѣ ни одного проклятія, ни одного стона, ни одного вопля!

— Чиркени! вскричалъ старикъ, взбѣшенный презрительнымъ и равнодушнымъ вглядомъ Шихъ-Мансура, — прочь! не ползай у ногъ врага; не моли бездушнаго!... Поди ко мнѣ ... Оставь насъ, Шихъ-Мансуръ, добавилъ онъ, и дѣлай съ нами что знаешь, — больше ты не услышишь отъ меня ни одного слова.

Злобною улыбкою, выражавшею какую-то звѣрскую радость, отвѣчалъ мулла на слова еврея.

— Безумецъ! напрасно ты упорствуешь, сказалъ онъ: Я узнаю твою тайну ... дочь твоя скажетъ мнѣ, гдѣ зарыто твое серебро!

— Никогда! никогда! вскричала Чиркени.

— Увидимъ!.. Каждый день, каждый часъ, въ глазахъ твоихъ, я велю пытать твоего отца, и, надѣюсь, ты сознаешь его безуміе ... Ты хоть въ бреду, хоть въ истязаніяхъ тоски, но выскажешь то, чего не хочетъ сказать онъ.

Съ этими словами Шихъ-Мансуръ оставилъ землянку и глухое рыданіе Чиркени замерло подъ скрыпомъ упавшей на яму двери.

Въ аулѣ уже раздавались выстрѣлы и громкій голосъ старшинъ, предвѣщавшіе близкое выступленіе отдрядовъ, въ то время, какъ мулла, перебѣжавъ балку, сталъ подыматься на косогоръ, гдѣ дожидалась его Айканы, блѣдная и чѣмъ-то встревоженная.

Дѣвушка подслушала нѣсколько словъ, уязвившихъ ее до глубины души. Она замѣтила, какъ остановились у мрачной опушки надрѣчнаго кустарника два горца. Одинъ изъ нихъ былъ громаднаго роста, другой на конѣ, закрытый бѣлымъ башлыкомъ.

Хотя и не имѣла надобности подслушивать разговоръ незнакомцевъ,

она однакожъ невольно обратила на него вниманіе, когда одинъ изъ нихъ довольно громко сказалъ другому:

— Хорошъ нашъ шейхъ, хорошъ блюститель шаріата и смиренія! Вмѣсто того, чтобы передъ битвой отчитывать грѣхи наѣздниковъ, онъ проводитъ время въ объятіяхъ красавицы...

— Красавицы? — вскричалъ другой, какой красавицы?

— А вонъ, тутъ, у него, въ землянкѣ спрятано сокровище...

— Кто же она?

— Какая-то плѣнница; я знаю только то, что Шихъ-Мансуръ безъ нее жить не можетъ!

— А! прошептала Айканы. Такъ вотъ то золото, за которое разметалъ онъ на вѣтеръ еврейскій аулъ!.. И трепеща всѣмъ тѣломъ, дѣвушка съ замирающимъ сердцемъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, желая вслушаться внимательнѣе въ разговоръ незнакомцевъ, но появленіе въ эту минуту Шихъ-Мансура заставило ее измѣнить своему намѣренію.

— Чавка упорствуетъ... дѣвчонка тоже! сказалъ мулла, какъ-бы говоря самъ съ собою. Но я выжму изъ нихъ тайну...

Дѣвушка подозрительно взглянула на Шихъ-Мансура.

— Айканы, продолжалъ онъ, невнимательный къ ея волненію,— давай мнѣ коня; ты отправишься съ партіею Шагрея: я не очень-то довѣряю его наѣздникамъ; они готовы грабить на пути даже и единовѣрцевъ. Если что случится, сейчасъ дай мнѣ знать.

— Такъ это правда,—подумала Айканы: онъ разлюбилъ меня... онъ гонитъ меня отъ себя... О, я все узнаю!.. Съ этими мыслями дѣвушка быстро взбѣжала на косогоръ и исчезла за саклями. Шихъ-Мансуръ медленно и въ раздумьи слѣдовалъ за нею.

Между тѣмъ два горца, замѣченные Айканы, продолжали еще свою бесѣду.

— Но кто же эта плѣнница, Батырь-Ша? спросилъ одинъ изъ нихъ. Ты не знаешь?

— Не знаю, душа моя, Клычь, отозвался Батырь-Ша, котораго вся цѣль оклеветать Шихъ-Мансура заключалась въ томъ, чтобъ вооружить противъ него и Айканы. Киргизъ замѣтилъ дѣвушку и, не имѣя надобности вспоминать о шейхѣ, нарочно завелъ разговоръ о немъ.

— Лучше разскажи мнѣ, продолжалъ Батырь-Ша: удалась ли твоя попытка?

— Какъ нельзя лучше! Я — беллатъ главнаго отряда.

— Молодецъ, Батырь-Клычь! Теперь мы на вѣрномъ пути къ нашей мести. Какъ же ты успѣлъ?

— Закрытый башлыкомъ, я выдалъ себя за абрека и кровомстителя; а для Шихъ-Мансура назвалъ себя сыномъ Аблая...

— И онъ повѣрилъ?

— Повѣрилъ, когда я заарканилъ его тайну, которой ты не хотѣлъ сказать мнѣ, Батырь-Ша, добавилъ съ упрекомъ Клычь.

— Что такое? отозвался киргизъ.

— Пхе! Развѣ глаза твои проглядѣли Айканы?

— Я нарочно молчалъ о ней; да и теперь лягу поперегъ дороги, когда ты захочешь съ нею встрѣтиться.

— О, я не сдѣлаю этого. Въ жизни, обреченной на мщеніе, надо имѣть чутье лисицы.

— То-то!.. Эта женщина его любитъ, она узнаетъ тебя и предастъ.

Друзья долго бы не кончили своей бесѣды, если бы запылавшіе огни на сакляхъ и шумные крики женщинъ не напомнили имъ, что Шихъ-Мансуръ оставляетъ Фартамскія тѣснины.

— Въ болотахъ Кизляра встрѣтимся, таинственно и съ неразгаданною улыбкою сказалъ Клычь, снова закрывая лицо свое башлыкомъ. Прощай, Батырь-Ша ... пора ... меня вѣрно ищутъ!

— Прощай, Клычь! Не блѣднѣй передъ твоими правыми начинаніями; помни третью ночь и первыя искры у Аксаевскаго озера.

Клычь кивнулъ головою въ знакъ согласія, пригнулся къ лукѣ и крупной рысью выскакалъ на равнину.

Сухой хворостъ, пылавшій на скалахъ и у пороговъ саклей, освѣщалъ аулъ Нашехи. Наѣздники, разсыпавшіеся въ безпорядкѣ, на бодрыхъ и чуткихъ коняхъ, уже скрывались въ ущельяхъ и за скалами. Женщины и ребятишки съ пѣснями и визгомъ провожали ихъ.

Черезъ часъ опустѣлъ шумный аулъ; огни погасли, и только говоръ красавицъ, оставшихся на порогѣ своихъ саклей, нарушалъ безмолвіе тихой весенней ночи.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій солдатъ богатырскимъ штыкомъ вписалъ столько славныхъ подвиговъ въ страницы нашей военной исторіи и всталъ твердою ногою на кремнистыхъ скалахъ Кавказа, — Терекъ, одна изъ замѣчательныхъ рѣкъ этой страны, постоянно наводняла каж-

дую русскую повѣсть и каждый разсказъ, въ которыхъ чеченцы непремѣнно жгутъ казачьи станицы, или странствующій *Санназаръ* воспѣваетъ небывалыя дѣла небывалыхъ богатырей, или *прекрасная магометанка умираетъ на гробѣ своего супруга.* — Причина, на основаніи которой Терекъ пользовался такимъ уваженіемъ у нашихъ повѣствователей, высказывается въ нѣсколькихъ курчавыхъ фразахъ. Терекъ, то прядаетъ, *какъ тигръ*, въ мрачномъ ущельи, то *змѣею* выбѣгаетъ на зеленую равнину, то воетъ, какъ злобный шайтанъ, прыгая черезъ камни ... Горы и великаны-сосны, обрызганныя его пѣной, мрачно смотрятся въ его неспокойныя воды ... Все это, разумѣется, обмакиваетъ кисть писателя въ самыя яркія краски и помогаетъ воображенію рисовать картины, для немногихъ великолѣпныя, для многихъ непонятныя! Терекъ называли и злобнымъ, и сѣдымъ, и старикомъ, и красавцемъ; въ водахъ его топили кабардинцевъ и чеченцевъ, имъ поили красавицъ и боевыхъ коней ... но никто, кромѣ прилагательныхъ, ничего не сказалъ о немъ существеннаго.

Не отступая ни на шагъ отъ историческихъ данныхъ, на которыхъ основанъ весь разсказъ мой, я по необходимости долженъ перенести воображеніе читателя къ берегамъ Терека. Причемъ долженъ сознаться, что прыгающій иногда тигромъ, иногда сѣдой, иногда, по обстоятельствамъ, ползущій змѣей, — Терекъ въ самомъ дѣлѣ таковъ. Вытекая изъ дѣвственныхъ снѣговъ Казбека, онъ спокойно пробѣгаетъ восточную сторону Осетіи, гдѣ вдругъ, повернувъ на сѣверъ, съ ревомъ бьетъ бѣшеными потоками, сжатый въ скалахъ кавказскаго ущелья, и здѣсь-то, вѣчно мрачный и бурный, задвинутый громадами кремня, онъ какъ-бы утомляется быстрыми скачками по неровному, загроможденному камнемъ руслу — и мирный и спокойный, выливается въ безпрестанныхъ изгибахъ на равнину. Потомъ, принявъ въ себя Малку и Сунжу, между Моздокомъ и Кизляромъ, пробѣгаетъ въ Каспій, сжатый подъ-конецъ лѣсистыми берегами, постепенно возвышающимися на востокъ. Можно сказать, что свидѣтелемъ первыхъ встрѣчъ русскихъ удальцовъ съ горскими хищниками — былъ Терекъ. Не одна сотня наѣздниковъ довѣряла ему быстрыхъ и смѣлыхъ коней своихъ, и не одну сотню труповъ снесъ онъ Каспію. Чеченцы, вообще, прежде, при нападеніяхъ за Терекомъ, искали на немъ переправы и бродовъ у береговъ лѣсистыхъ, разсчитывая, въ случаѣ неудачи, найти спасеніе въ лѣсу, гдѣ каждый пень служитъ защитою ... Такова горская тактика! Теперь берега эти нѣсколько ожили, на нихъ раскинулись аулы мирныхъ кабардинцевъ и чеченцевъ, а противуположный берегъ, унизанный группами чистыхъ мазанокъ, казацкихъ станицъ, рѣдко оглашается воплемъ битвы, и конь хищника не топ-

четъ безнаказанно казацкой пашни, и отчаянный джигитъ не крадется, въ темную ночь, опушкою кустарника, до вздремнувшаго казака; но во время, описываемое нами, береговая декорація Терека обрамливалась иначе. Казалось, вѣчная и неисходная ночь царствовала въ надрѣчныхъ лѣсахъ его ... Звукъ топора и звонкій окликъ горца или станичника рѣдко нарушали ихъ безмолвіе. Рѣдко ружейный выстрѣлъ откликался здѣсь далекимъ и дробнымъ эхомъ въ прибрежныхъ скалахъ, и легкій туръ, или олень, одичалые въ этой пустынѣ, смѣло носились надъ безднами, вздрагивая только при плескѣ знакомой рѣки или завидѣвъ въ ней тѣнь свою. Рѣдко, безмолвнымъ днемъ или темною ночью, слышался ударъ конскаго копыта въ гранитъ и развѣ только бездомный скиталецъ, выброшенный за порогъ своей сакли враждой или голодомъ, медленно проѣзжалъ крутизнами, и какъ привидѣніе, съ гикомъ, ослабивъ поводъ и свистнувъ въ воздухѣ широкой буркой, съ конемъ исчезалъ въ пѣнящейся рѣкѣ, смѣло выбираясь на противуположный берегъ, для того, чтобы выждать оплошнаго казака ...

Спустя трое сутокъ послѣ выступленія чеченскихъ наѣздниковъ изъ Нашехи, лунною ночью, двѣ человѣческія фигуры обрисовывались на правомъ берегу Терека, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ кизлярскихъ топей. Закинувъ за плечи винтовки, они осторожно, на рукахъ и ногахъ, спускались внизъ къ рѣкѣ, по обрыву. Луна ярко освѣщала предметы и потому не трудно было узнать въ путникахъ, по платью и вооруженію, терекскихъ казаковъ. Дойдя до рѣки, товарищи сбросили съ плечъ сумы, полныя дичью, и расположились на отдыхъ. Черный лѣсъ и туманные холмы, объятые сіяніемъ луны, тянулись за ними. У ногъ плескался спокойный Терекъ, разрѣзавшій въ этомъ мѣстѣ черныя скалы лѣваго берега, на которомъ ни птица, ни звѣрь, не нарушали безмолвія ночи.

— Ну, братъ Сюрдюченко — началъ одинъ изъ нихъ — не съ тобой ходить на краснаго звѣря: пороху изводишь много, а фазановъ, кажется, только жареныхъ бить можешь.

— Ни бійсъ, зибью, колы настанэ пора! отозвался другой, въ которомъ, по выговору, нельзя было не узнать малороссіянина. Ни бійсъ, братику! повторилъ онъ.

— Чего бояться-то! Вотъ двадцатью зарядами только три крыла перешибъ. У насъ дѣло-то поспорѣе маненько ... Эво! какой кузовъ наколотилъ добраго!... И казакъ съ довольною улыбкою тряхнулъ свою суму.

— Эхъ ... Пэтрэ! ... Ну що ты чванышся, мовь свіня въ болотѣ...

— Не чванюсь, голова; а такъ, къ слову сказано: не пригоже казаку давать промахи.

— Да я жъ ихъ и не давалъ ... Сé ужъ винтовка ледаща такэ ... кумыцка ... съ вихилясами та викрутасами ... прахъ побери ... курка недошукаишся ... Эге! ... подай мени свою ... да насыпь пилкварты горилки... Ого! ... заразъ, не то, що хвазана, та кумыку, за версту, хоть въ пьятку, хоть въ глазъ свинцомъ плюну.

— А, что думаешь, голова, вѣдь не худо бы пропустить малую толику кизлярской? — Кстати вспомнилъ, еще шагать не близко, а ноги, право слово, примотались ...

— Эге! Дуже гарно буде: хлебнемъ, Ладанкинъ, да и до дому, да ужъ потомъ зададимъ храпка на вси заставки.

Съ этою фразой казакъ отвязалъ висѣвшую на его ременномъ поясѣ фляжку и ужъ готовъ былъ передать ее товарищу, какъ вдругъ, взглянувъ на противуположныя скалы, онъ быстро спрятался за камни. Смѣтливый товарищъ въ ту же минуту повторилъ его движеніе.

— Что ты, Сюрдюченко? прошепталъ онъ.

— Тс ... Пэтрэ ... пострывай трохэ ... Дывысь! Що бы се значило! И Сюрдюченко взглядомъ указалъ товарищу на скалы ...

Надъ обрывами противуположнаго берега, уступами и оврагами сбѣгавшими къ рѣкѣ, стоялъ конный чеченецъ, закрытый бѣлымъ башлыкомъ. Его-то появленіе и встревожило казаковъ.

— Ужъ не замѣтилъ ли онъ насъ? Смотри-ко, какимъ сычемъ посматриваетъ, сказалъ Ладанкинъ, изготовляя винтовку.

— Ни, братику! Я чую, що винъ броду ищетъ. Приложись, да сбрось его въ рѣку, щобъ винъ добрымъ людямъ не садился, якъ бильмо на глазъ.

— А какъ онъ не одинъ? ... Нѣтъ, голова, обождемъ.

— Одинъ.

— Да кто тебѣ сказалъ? ...

— Отъ се! кто казалъ, Щожъ, развѣ я вже и щоту не маю... Еще въ мени очи не ослипли ... Бачу, що пьять, що одинъ ... Приложись! ...

— Смотри, полтавскій краснобай, чтобы бѣды не нажить!

— Ну, такъ дай же менэ ... серденко прыгаетъ!.. руки зудятся, хиба въ крапиву попалъ!..

— А! Тс! слышишь?.. Вотъ тебѣ и одинъ! прошепталъ казакъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту наѣздникъ подался впередъ и

испустилъ крикъ, подобный крику шакала. * Спустя минуту, крикъ этотъ повторился подъ скалами, и вслѣдъ за нимъ изъ оврага поднялась громадная фигура горца. Завидѣвъ другъ друга, хищники снова перекликнулись и заговорили по-чеченски.

— Клычь — ты?

— Я, Батырь-Ша!

— Ну, что?..

— За полверсты отсюда я пустилъ отрядъ Шихъ-Мансура въ бродъ... Смотри же на искры, дождись темноты!..

— Ловко мы съ тобою успѣли свести отряды; сейчасъ и шагреевцы подымаются сюда.

— Какже, знаю!.. мы васъ сегодня цѣлый день видѣли на скалахъ, и Шихъ-Мансуръ мнѣ ужъ обѣщалъ блаженство за Эль-сыратомъ, за то, что партіи сходятся во-время.

— Пхе!.. Волкъ степей нашихъ не знаетъ, что это его гибель!

— Эге!.. но, вотъ ужъ показались и башлыки вашихъ... Прощай!..

— Прощай... Помнишь, какъ выйти изъ лѣсу на болото?..

— Знаю!.. Насъ тутъ же сейчасъ и встрѣтятъ кизлярцы. Черезъ одного изъ моихъ удальцовъ я далъ знать въ городъ.

— Эге!.. Такъ, такъ, — умница Клычь! Мы близки къ цѣли. Кровь Чиркени и Чавки просятъ мщенія.

— Мщеніе, мщеніе, Батырь-Ша! - съ какимъ-то изступленіемъ повторилъ бѣдный юноша, ослѣпленный коварными навѣтами великана. Клычь свистнулъ плетью надъ ухомъ своего коня, поднялъ его на дыбы, гикнулъ и въ одинъ прыжокъ своего вихря изчезъ подъ скалою. Батырь-Ша, подозрительно озираясь, отыскалъ коня своего, скрытаго за камнемъ и сталъ взбираться на вершины. Черезъ нѣсколько минутъ раздался крикъ, подобный воплю испуганныхъ шакаловъ. Киргизъ отвѣчалъ тѣмъ же, — и не прошло пяти минутъ, какъ на скалахъ показались толпы чеченцевъ.

— Ну, Сюрдюченко, намъ время убираться, иначе пропадемъ мы съ нашими фазанами. Накрошатъ изъ насъ шашлыкъ эти разбойники, если попадемъ имъ въ лапы, сказалъ Ладанинъ.

— Надо утекать, братику, до станицы, да поднять на врага казачество.

И друзья, скрываемые густою травою, ползкомъ выбрались къ лѣсу, стараясь какъ можно скорѣе скрыться въ его чащѣ.

---

* Обыкновенный сигналъ горцевъ въ ночныхъ перекличкахъ.

Между тѣмъ чеченцы, не спѣшиваясь и довѣряя чутью и инстинкту своихъ коней, стали спускаться къ рѣкѣ по тропинкамъ едва замѣтнымъ и едва проторенным на обрывахъ. Смотря на горца, пробирающагося опасными тропинками въ горахъ, не знаешь чему удивляться: смѣлости ли и безстрашію всадника, или чутью и изумительной осторожности коня, который, въ эту минуту, полный хозяинъ жизни своего владѣльца, какъ-бы перерождается въ мыслящее животное. Онъ, то твердо упираясь передними копытами въ гранитъ, медленно спалзываетъ на хвостѣ внизъ, то осторожно ощупавъ слѣдующій шагъ, вздрагиваетъ, поводитъ чуткимъ ухомъ и, осадивъ назадъ, съ глухимъ ржаніемъ перелетаетъ трещину или обвалъ. Въ переходахъ и переправахъ большими отрядами конь беллата ведетъ цѣлый отрядъ, и что̀ сдѣлалъ онъ, то̀ повторятъ и прочіе.

Въ нѣмомъ молчаніи, слѣдуя одинъ за другимъ, партія Шагрея, предводимая ловкимъ беллатомъ, спускалась къ рѣкѣ, и въ то время, какъ передовые, разгорячая своихъ бѣгуновъ, бросались въ Терекъ съ отвѣсовъ и выдавшихся надъ водою камней, другіе еще только показывались на вершинѣ. Бродъ въ этомъ мѣстѣ былъ совершенно безопасенъ и представлялъ всѣ удобства для скорой переправы. Цѣлый отрядъ благополучно успѣлъ выбраться на противуположный берегъ до наступившаго мрака.

— Слава Аллаху! сказалъ передовой всадникъ, выѣзжая на узкую тропинку, проторенную у опушки лѣса: кажется, всѣ успѣли переправиться, и темная ночь застаетъ насъ тамъ, гдѣ ужъ не споткнется конь

Сосѣдъ говорившаго, статный и ловкій горецъ, повернулся на сѣдлѣ, желая повѣрить слова товарища. Но луна спряталась уже за чернымъ облакомъ и наступившій мракъ одѣлъ молчаливую окрестность, скрывъ отъ зоркаго глаза горца всѣ окружавшіе его предметы.

— Счастливый переходъ! — если это точно такъ случилось, отозвался онъ; — а то, кунакъ, я знаю это мѣсто, и безъ проводника тутъ можно легко сложить свои кости: стоитъ только немного взять направо, — конь уже не выдержитъ быстрины Терека, поворачивающаго въ этомъ мѣстѣ къ ущелью; одинъ нетвердый шагъ на мшистомъ камнѣ — и прощай славная жизнь джигита!

— Ты, вѣрно, изъ бывалыхъ, кунакъ?

— Случалось ... семь лѣтъ я бродилъ въ этихъ скалахъ, коротая дни и ночи въ лѣсу или въ полѣ и не всякая рыба знаетъ столько мелководій на Терекѣ, какъ я, не всякая шамайка переплыветъ его такъ легко, какъ я, съ моимъ конемъ.

— Пхе! Такъ для чего же шагреевцы, у Зеленчуга, взяли меня беллатомъ на переправу?

— Съ-тѣхъ-поръ, кунакъ, какъ ты на Фартамѣ выдалъ шагреевцамъ Чавку и Чиркени, они считаютъ тебя рѣшительно за стараго шайтана. Къ тому же у тебя страшная сила и находчивость... А про меня говорятъ — молодъ...

— Правда, правда! таинственно отозвался беллатъ: ты очень молодъ, и смотря на твои розовыя щеки, на маленькую ножку и рученку, въ которую можно спрятать не больше абаза, рѣшительно подумаешь, что въ отрядѣ Шагрея горскія красавицы отвѣчаютъ за наѣздниковъ.

Молодой горецъ вздрогнулъ и невольно осадилъ коня, отвѣчая принужденнымъ смѣхомъ на слова беллата.

— Чудакъ ты, кунакъ, отозвался онъ: нельзя же всѣхъ наѣздниковъ мѣрить выше своей головы, маленькій баранъ въ атарѣ всегда кажется овцою.

— Да ... но не для пастуха, товарищъ!

— Что это значитъ? вскричалъ юноша такимъ голосомъ, который ясно высказывалъ его испугъ.

— Тс!.. не кричи, Айканы!.. Когда ты говоришь громко — тебя не трудно узнать въ толпѣ наѣздниковъ. Не бойся!.. Не сдерживай твоего коня!.. Я не предамъ тебя ... я не Шихъ-Мансуръ, который уже не скрываетъ теперь, что ты женщина и который ищетъ твоей гибели.

— Гибели!.. ты знаешь меня?.. Всѣ знаютъ меня! съ какимъ-то помѣшательствомъ повторила дѣвушка ...

— Да, да!.. Держись ближе ко мнѣ; я много разскажу тебѣ ... не рыдай ... молчи ... насъ могутъ слышать.

Айканы, трепеща всѣмъ тѣломъ, машинально придвинулась къ беллату, въ которомъ читатель долженъ узнать Батырь-Ша.

— Ты меня не помнишь, Айканы,—продолжалъ онъ, — но я тебя знаю. Ты дочь Аблая, старшины Каратюлейскаго кочевья; родина у насъ одна съ тобою; я также Киргизъ и также, какъ ты, презирая всѣ неудачи скитальчества, шелъ по слѣдамъ Шихъ-Мансура, готовый умирать за его успѣхи. Но, коварный и бездушный, онъ забылъ наши жертвы. О, бѣдная Айканы! за себя я не страдалъ бы такъ, какъ за тебя. Я знаю, сколько вынесла ты пытки и страданій, для того, чтобы бросить подъ ноги Шихъ-Мансура свою волю и счастье мирной жизни въ родныхъ степяхъ ... Ты для него безъ содроганія приходила къ мысли о слезахъ и проклятіи брошеннаго тобою

отца... Ты для него обрекла жизнь на всѣ истязанія, какихъ не вынесъ бы и я, мужчина, закаленный во враждѣ съ моею страшною судьбою. И чѣмъ же заплатилъ тебѣ онъ?.. Презрѣніемъ, равнодушіемъ!.. Онъ съ улыбкой презрѣннаго джумлета * говоритъ каждому: она мнѣ надоѣла!.. Сердце Шихъ-Мансура не принадлежитъ тебѣ болѣе: онъ любитъ Чиркени.

— Такъ! это правда!.. Это я слышала въ ночь выступленія нашихъ отрядовъ изъ Нашехи. Но, неужели мы можемъ забыть того, кто отдалъ намъ всё: и душу, и мысль? — сказала Айканы голосомъ тоски и отчаянія.

— Можно, другъ мой, забыть и даже ненавидѣть, даже искать гибели этого друга, что̀ и сдѣлалъ Шихъ-Мансуръ...

— Какъ!.. Ему нужна жизнь моя? жизнь, которую для него же я превратила въ мучительныя годы страшныхъ страданій?..

— Непремѣнно. Онъ знаетъ всю твою неистовую привязанность къ нему, онъ боится твоего отчаянія, твоей ревности... Онъ знаетъ, что твоя рука не дрогнетъ бросить отравленный кинжалъ въ сердце Чиркени.

— Злодѣй! прошептала Айканы.. Онъ знаетъ только одну дорогу къ счастью, дорогу, выстланную кровью и запорошенную пепломъ пожара... Нѣтъ! Айканы бы умѣла сама умереть у его порога, ободренная мыслью, что и послѣ ея смерти есть еще живое существо, которое согрѣетъ ласкою холодную грудь его.. Но искать моей гибели, тайно перерѣзать вздохъ въ груди моей — вотъ чего не можетъ простить Айканы!.. Всему этому я вѣрю, вѣрю, кунакъ! — грустно повторила она, едва удерживая свое рыданіе. Такъ затѣмъ онъ меня и оставилъ съ партіею Шагрея?

— Да! Разсчетъ его былъ очень простъ. Назначивъ тебя беллатомъ, онъ думалъ, что, при малѣйшей твоей оплошности, горцы сочтутъ неудачу за измѣну и швырнутъ тебя со скалы... У Зеленчуга я явился за тѣмъ, чтобы спасти тебя; тутъ гибель твоя была неизбѣжна. Но, берегись, есть сотня купленныхъ кинжаловъ, которые стерегутъ тебя въ дѣлѣ подъ Кизляромъ.

Грустная улыбка отразилась на блѣдномъ лицѣ Айканы.

— Нѣтъ, кунакъ, сказала она, я не боюсь смерти. И что̀ такое для меня теперь жизнь, когда ея дыханіе отравлено ядомъ измѣны и ненависти того, который, въ часъ сокрушительной скорби, съ такимъ довѣріемъ припадалъ ко мнѣ на грудь, ища забытья и отрады.

---

* Джумлетъ, у абазеховъ значитъ бродяга безпомный. У горцевъ восточной стороны-человѣка, совершившаго какое нибудь злодѣяніе и преступленіе противъ обычаевъ народа,

Отчаяніе мое такъ велико, что смерть я должна считать искупленіемъ моихъ новыхъ и неисходныхъ страданій.

— Перестань, Айканы! Семь лѣтъ испытаній должны были, кажется, пріучить тебя къ печальнымъ встрѣчамъ. Забудь минувшее. Оставь эти горы, въ которыхъ нѣтъ ни правды, ни чести. Вернемся въ наши родныя кочевья.

— Въ кочевья? Нѣтъ, нѣтъ! могила моя на этихъ скалахъ. Плачь родныхъ уже не можетъ порадовать душу въ послѣднюю минуту ея исхода. Я сама выбрала эту страшную дорогу. Я продала ласку отца за несбыточныя надежды скиталицы; такъ пусть же это бѣдное сердце въ послѣдній часъ обливается страданіемъ, когда толпа равнодушныхъ хищниковъ встрѣтитъ мой потухающій взглядъ, а не слезы и участіе кровныхъ! Сама, за свою безумную прихоть, вызываю на голову свою гнѣвъ Аллаха!.. А онъ? продолжала она: развѣ ты думаешь, что я не хочу завѣщать ему о себѣ памяти?.. Нѣтъ, въ глазахъ его я паду жертвою его измѣны, и пусть, когда, изживая вѣкъ неудачь и страданій, онъ оглянется назадъ, пусть память обо мнѣ заставитъ вздрогнуть его и проклинать свою несправедливость.

Только мракъ ночи могъ скрыть восторгъ и радость Батырь-Ша, вылившіеся, при послѣднихъ словахъ Айканы, на лицо его. Вся цѣль той клеветы, которой повѣрила бѣдная Айканы, заключалась для Батырь-Ша именно въ послѣдней мысли, высказанной дѣвушкою.

Довольный, какъ нельзя болѣе, успѣхомъ въ исполненіи своихъ мстительныхъ плановъ, киргизъ еще нѣсколько словъ перемолвилъ съ своею спутницею и напоминая ей обычай родныхъ степей, разжигая ея отчаяніе, искусно довелъ Айканы до того, что она поклялась не отрекаться отъ задуманной ею мысли.

Теперь дѣвушка ѣхала молча, опустивъ на грудь голову и бросивъ поводья на гриву коня. Лицо ее то вспыхивало румянцемъ горячки, то покрывалось лихорадочною синевою Страшная буря совершалась въ душѣ ея. Чувство любви, оскорбленной и поруганной, наконецъ ревность и муки отчаянія душили грудь ея. Сколько разъ она готова была выплакать свое горе слезами, но слезы не показывались на воспаленныхъ глазахъ ея и только глухое рыданіе высказывало все ужасное положеніе страдалицы. Равнодушный къ страданіямъ своихъ жертвъ, Батырь-Ша въ эту минуту уже не занимался Айканы; вниманіе его устремлено было теперь къ другому предмету.

Отрядъ находился въ его рукахъ и волѣ. Какъ беллатъ, онъ во мракѣ ночи, по мѣстности, извѣстной только ему одному, велъ его куда хотѣлъ. И Батырь-Ша велъ шагреевцевъ въ болото.

Сдержавъ на мгновеніе коня, киргизъ выждалъ, когда отрядъ стянулся около него; потомъ, спрыгнувъ на землю, онъ вынулъ кремень и огниво, и вскорѣ яркія искры, прыснувшія мелкимъ дождемъ подъ рукой Батырь-Ша, означили его мѣсто. Спустя мгновеніе, на противоположной сторонѣ болота, нѣсколько лѣвѣе, повторился тотъ же сигналъ.

— Отрядъ Шихъ-Мансура здѣсь! слава Аллаху!.. Наконецъ мы вмѣстѣ... Впередъ! Пора сомкнуться! слышалось въ толпѣ. И наѣздники крупною рысью бросились на перерѣзъ болота... Отрядъ Шихъ-Мансура съ боку двинулся туда же.

Какъ вдругъ громкіе вопли: «Тонемъ! вязнемъ! измѣна!» раздались въ безмолвіи ночи. А мелкія искры все еще сверкали по сторонамъ, приводя оплошныхъ къ новой гибели.

Общій шумъ и вопли увеличивались съ каждою минутою: наѣздники тѣснили другъ друга и стараясь выбраться изъ топей, все болѣе и болѣе уходили въ бездонную трясину. Лошади, предчувствуя близкую гибель, фыркали и съ пронзительнымъ ржаніемъ сбрасывали всадниковъ, которые, за право сдѣлать лишній шагъ къ спасенію, рѣзались кинжалами. Къ довершенію ужаса и полнаго пораженія горцевъ, справа загудѣли выстрѣлы, освѣтивъ страшную картину отчаянной борьбы и смерти. Терекскія казаки поспѣли во-время и, мало-по-малу обходя болото, поставили хищниковъ подъ перекрестный огонь. Не многіе изъ послѣднихъ, растерявъ коней, прорубились на свободу и вплавь перебрались за Терекъ.

Планы Батырь-Ша осуществлялись съ удивительною точностію и общій голосъ спасшихся горцевъ проклиналъ теперь имя Шихъ-Мансура, какъ виновника гибели собратій. Самъ онъ былъ близокъ къ смерти. Разгоряченный и испуганный конь его, понуждаемый ударами плети и отчаяннымъ гикомъ муллы, истощалъ послѣднія усилія, стараясь выбраться на закраину трясины, но не имѣя опоры для быстраго скачка, осѣдалъ съ каждою секундою все глубже и глубже. Ужасъ и страшная тоска сдавили безтрепетное сердце лжепророка. Грудь его уже покрывалась влажною зеленью болота, судорожная дрожь и глухое фырканье коня высказывали послѣднюю минуту задыхающагося животнаго, гнилыя испаренія болота захватывали дыханіе Шихъ-Мансура. Мутнымъ взоромъ оглядѣлъ онъ окрестность, возмущенную тысячью отголосковъ стона и воплей, въ которыхъ слышалось его имя, какъ злодѣя и предателя...

— Сынъ Аблая?... Измѣнникъ!... Что сдѣлалъ ты?—простоналъ Шихъ-Мансуръ.

— А!.. ты здѣсь?.. ты гибнешь? послышался знакомый Шихъ-Ман-

суру голосъ у закраины трясины ... Знай, что тотъ, котораго ты называешь сыномъ Аблая, — братъ твой, проданный тобою Клычь!.. Онъже Нешхай, у котораго отнялъ ты имя и счастье...

Съ этими словами наѣздникъ поворотилъ коня и Шихъ-Мансуръ видѣлъ, какъ бѣшенный вихрь Клыча понесъ его на передовую цѣпь русскихъ стрѣлковъ.

— Кругомъ смерть, и общая вражда ко мнѣ! съ несказаннымъ отчаяніемъ простоналъ мулла. О, спасите! спасите Шихъ-Мансура! почти въ помѣшательствѣ добавилъ онъ, всасываемый бездною. И вдругъ, когда уже эта бездна такъ жадно и такъ быстро готова была проглотить свою жертву, — въ эту рѣшительную минуту, какъ будто кто услышалъ предсмертную мольбу и стонъ погибавшаго. На два шага впередъ отъ Шихъ-Мансура дрогнула и заколебалась трясина подъ тяжестію новой, вставшей на нее массы. Чья-то сильная рука схватила поводъ коня Шихъ-Мансура и съ изумительнуюою силою выбросила на твердую землю лошадь и всадника.

Обмиравшій въ ужасахъ отчаянной борьбы съ неумолимой смертію, мулла вздрогнулъ, и въ новомъ страхѣ, какъ будто бы ослѣпленный молніею, съ воплемъ: Батырь-Ша! упалъ въ безпамятствѣ на гриву коня. Въ ту же минуту надъ ухомъ его прозвучалъ знакомый голосъ Айканы:

— Живи для новыхъ мукъ и страданій, предатель!

Все это, свершившееся для Шихъ-Мансура въ нѣсколько мгновеній — лишило его силъ, разсудка и памяти. Какъ холодный, безчувственный трупъ, упалъ онъ съ сѣдла на землю, между тѣлами горцевъ. Сонъ долгій, тяжелый и мучительный закрылъ теперь глаза его... Судорожное движеніе мускулъ, отчаянныя усилія, отрывистый бредъ и стонъ — все это высказывало, что сонъ несчастнаго былъ для него ужаснѣе самой дѣйствительности. Ему казалось, что тысяча невидимыхъ рукъ, при грозныхъ воплях, влекли его въ трясину... Вотъ, конь его задыхается, и съ дикимъ, пронзительнымъ ржаніемъ, фыркая и дрожа въ предсмертной агоніи, выбрасываетъ наверхъ голову... Кругомъ мракъ, по сторонамъ вопли смерти ... впереди блѣдныя призраки враговъ, освѣщаемыя огнемъ ружейныхъ выстрѣловъ... Но вотъ, все смолкло для слуха Шихъ-Мансура! Мракъ совершенный; только журчаніе воды слышится надъ нимъ; дыханіе сперлось въ груди его ... мозгъ хладѣетъ ... вся кровь у сердца ... и какъ будто бы кто сильными руками стиснулъ его голову ... онъ не можетъ раскрыть глазъ, ни двинуть рукою; у сердца холодно — онъ въ пучинѣ... И вдругъ, снова оживаетъ его слухъ и тѣ же вопли, и тѣ же стоны надъ нимъ, въ которыхъ слы-

шатся, то протяжный хохотъ Батырь-Ша, то ужасныя слова Клыча, то долгое, раздирающее душу рыданіе Айканы...

Стиснувъ зубы, прерывисто дышалъ Шихъ-Мансуръ, измученный своими страшными призраками. Наконецъ прохлада утра и мелкій, холодный дождь возвратили его къ жизни — если только можно сравнить подобный сонъ съ предсмертными муками за-живо погребеннаго. Безъ мысли и памяти, еще находясь подъ вліяніемъ своего сна, мутнымъ, безжизненнымъ взоромъ мулла медленно оглядѣлъ окрестность... Зеленый лѣсъ, окаймляя болото и взбѣгая на предгорья, грустно шумѣлъ за нимъ своими листьями, отряхая съ нихъ крупныя капли дождя. Направо тянулись береговые холмы, выростая все выше и выше, съ каждымъ шагомъ впередъ и, наконецъ, изчезая въ далекомъ туманѣ сплошною массою голубыхъ возвышенностей. Налѣво раскидывалось необозримое, какъ влажная степь, какъ спокойное зеленое море, — болото, изрытое въ разныхъ направленіяхъ, что́ напоминало минувшую гибель чеченцевъ. Стаи шакаловъ, чуя свою добычу и несмотря на свѣтъ дня, съ визгомъ рыскали по трясинѣ. Шихъ-Мансуръ съ ужасомъ отворотился отъ этой грустной картины, встрѣтивъ другую, не менѣе печальную. Здѣсь цѣлыя сотни труповъ его храбрыхъ наѣздниковъ, какъ бы не желая и за гробомъ разставаться съ нимъ, окружали своего муллу Теперь-то минувшее воскресло въ памяти Шихъ-Мансура...

— Прахъ и тлѣніе всѣ замыслы человѣка! грустно подумалъ онъ. Не я ли ждалъ здѣсь вѣрнаго успѣха и нашелъ гибель!.. Гдѣ эти десять-тысячъ наѣздниковъ *, которыя сбѣжались на мой призывъ?.. Нѣтъ ихъ подлѣ меня!.. Иные пали жертвою моей оплошности, другіе, заслышавъ въ горахъ гибель братій, прокляли мое имя и повернули коней въ родные аулы! Но нѣтъ!.. Еще жизнь осталась со мной, еще не всѣ отказались отъ Шихъ-Мансура... Найдутся въ горахъ шашки и кинжалы, которые сверкнутъ по моему слову ... и я не сворочу съ дороги, проторенной мною!.. Развѣ я ребенокъ—думалъ фанатикъ — что поблѣднѣю передъ одной неудачей? Развѣ я буду рыдать надъ этими трупами, обвиняя себя въ ихъ гибели?.. Нѣтъ! между ними есть только одинъ трупъ, одна жертва, которой смерть закабалитъ тоской и печалью мою душу... Да, бѣдная Айканы! только милость

---

* Во время похода Шихъ-Мансура подъ Кизляръ скопища его сподвижниковъ дѣйствительно простирались до 10,000 человѣкъ. — Смотр. «Записки о службѣ генералъ-фельдмаршала графа И В Гудовича», стр. 649.

Аллаха могла спасти тебя въ этой общей гибели! При этомъ, страшныя слова, сказанныя дѣвушкою наканунѣ, въ минуту обморока муллы, заставили его задрожать, когда, въ то же время, память воскресила предъ нимъ ужасный призракъ Батырь-Ша. Первое еще Шихъ-Мансуръ могъ считать бредомъ разстроеннаго воображенія; но второе опровергало всѣ его сомнѣнія въ дѣйствительности... Онъ хорошо помнилъ злобную улыбку великана, его громадную фигуру и маленькія глаза, сверкнувшія разскаленными углями во мракѣ ночи, когда сильная рука его, вырвавъ Шихъ-Мансура съ конемъ у смерти, бросила на гриву лошади поводъ и крѣпко сдавила руку муллы. . Ему даже и въ эту минуту слышались грозныя слова Батырь-Ша: «Часъ твой близокъ, Мансуръ»! Новый ужасъ овладѣлъ душею страдальца, онъ снова чуть не впалъ въ отчаяніе, какъ близкій говоръ заставилъ его очнуться. Онъ поднялъ голову и встрѣтилъ толпу преданныхъ ему чеченскихъ старшинъ, которые радостнымъ гикомъ высказали свой восторгъ, найдя живымъ и невредимымъ своего вождя.

Въ минуту лицо Шихъ-Мансура, искаженное до того страхомъ и отчаяніемъ, приняло выраженіе суровой, даже грозной важности.

— Аллахъ простилъ ихъ прегрѣшенія — сказалъ онъ медленно и указывая на трупы падшихъ собратій. — Ночь и утро я провелъ въ молитвѣ, здѣсь, на мѣстѣ нашего общаго позора и заслуженной гибели... Что дѣлали вы, безумцы — добавилъ онъ съ укоромъ — когда готовы были обнажить шашку за славу пророка и его ученіе?.. Все то, что онъ запретилъ своимъ мудрымъ словомъ!.. И вотъ, казнь преступнымъ!.. Молитесь, плачьте, вымаливая свои грѣхи... и тогда только въ намѣреніяхъ нашихъ удача и успѣхъ будутъ нашими беллатами!

Черезъ нѣсколько минутъ грустный и угрюмый Шихъ-Мансуръ, окруженный толпою безмолвныхъ горцевъ, переправился за Терекъ и пустился въ Нашехи.

IV.

Вѣсть о гибели наѣздниковъ въ Кизлярскихъ болотахъ скоро достигла аула Нашехи. Возвратившіеся джигиты, по неизмѣнному обычаю, привезли съ собою трупы уважаемыхъ старшинъ, а въ томъ числѣ и трупъ Шагрея. Плачъ и рыданіе женщинъ встрѣтили израненныхъ отцовъ и братій. Имя Шихъ-Мансура безпрестанно повторялось на

предгорьяхъ и порогахъ саклей, и тысячи проклятій прибавлялись къ этому имени; — но едва только онъ показался въ аулѣ, окруженный толпою своихъ вѣрныхъ узденей, едва только повторилъ слово укора, обвиняя въ неудачѣ самихъ горцевъ, какъ этотъ вопль ненависти смѣнился безмолвною тишиною, подъ которою еще таилась злоба и общая мысль—не страдать болѣе за прихоти фанатика. Хорошо извѣдавшій горцевъ, зная каждую сокровенную ихъ думу, смѣлый и находчивый Шихъ-Мансуръ обратился къ лицемѣрію и хитрости. Самъ, въ виду горцевъ, какъ будто бы опуская въ землю кровныхъ, молился и плакалъ онъ надъ трупомъ каждаго джигита. Это польстило молодымъ наѣздникамъ, и мысли ихъ о своемъ учителѣ измѣнились въ ту же минуту, особенно, при объявленіи старшинами, что шейхъ разрѣшаетъ аулу джигитовку и попойку на могилахъ славныхъ старшинъ и джигитовъ.

Сырая и мрачная ночь раскинулась надъ скалами Фартама и не смотря на позднее время, шумно пировалъ аулъ Нашехи. — Яркія огни, выбрасывая кудрявый дымъ, пылали на берегу Аргуна и на отвѣсныхъ камняхъ скалъ. Горячіе вихри, измученные труднымъ походомъ и дальними переходами, бодро крутились подъ наѣздниками, готовыми начать свою любимую забаву—джигитовку. Женщины, всегда любопытныя, всегда жадныя до сходбищъ, съ громкимъ говоромъ и веселымъ смѣхомъ расположилисъ на кровляхъ саклей, высматривая въ толпѣ лихихъ горцевъ — своихъ рыцарей. Ярко блистали полированные стволы винтовокъ за плечами джигитовъ, рѣявшихъ, какъ быстрыя птицы, по равнинѣ. Громкій и звонкій гулъ гиканья далекимъ эхомъ повторялся въ ущельѣ, при въѣздѣ въ которое нукеры разставляли шесты съ накинутыми на нихъ шапками. Вотъ, зарокоталъ выстрѣлъ, другой и наконецъ третій Толпа наѣздниковъ гикнула, закрутилась на своихъ бѣшеныхъ коняхъ и раздѣлилась на двѣ партіи. Первая заняла берегъ Аргуна, вторая подошву горъ. Послѣ минутнаго безмолвія, при крикахъ— гай-да! четыре наѣздника, отдѣлившись по два съ каждой стороны, ринулись на встрѣчу другъ другу и сильною рукою мѣтнули въ воздухъ коротенькія палки Въ то же мгновеніе, быстрѣе мысли и винтовочной пули, брошенной зарядомъ до цѣли, другія двѣ пары горцевъ выскакали на площадку — и мѣткими выстрѣлами перешибли въ воздухѣ кинутыя палки... Громкій вопль восторга привѣтствовалъ первый подвигъ джигитовки. Затѣмъ джигитующіе сдвинулись къ ущелью.

— Шагрей! красавецъ Шагрей! только одинъ! раздалось въ говорливой толпѣ женщинъ.

— Увидимъ, увидимъ, такъ ли онъ ловокъ, какъ былъ отецъ его! отозвались джигиты, когда статный и ловкій юноша, сынъ стар-

шины Шагрея, отдѣлился отъ толпы ихъ, сопровождаемый своимъ нукеромъ. Молодой Шагрей насмѣшливымъ взглядомъ окинулъ толпу своихъ товарищей, принялъ заряженную винтовку изъ рукъ нукера, пригнулся къ сѣдлу и, какъ крылатая птица, помчался къ шестамъ. Проскакавъ каждый изъ нихъ, онъ дѣлалъ, въ сѣдлѣ, полуоборотъ назадъ, мѣтко прицѣливалъ и бросалъ шапки на землю. Нукеръ слѣдовалъ за нимъ, заряжая на всемъ быстромъ скаку запасную винтовку узденя. Лавръ первенства въ джигитовкѣ остался бы непремѣнно за молодымъ Шагреемъ, если бы онъ успѣлъ снять всѣ три кабардинки. Одна изъ нихъ, средняя, еще чернѣлась на шестѣ; Шагрей оглянулся... и задрожалъ отъ досады, замѣчая общее безмолвіе на сакляхъ и въ толпѣ наѣздниковъ.

— Дай твой кинжалъ, Шабетъ! онъ будетъ тяжелѣе, сказалъ съ досадою юноша, обращаясь къ своему нукеру, я брошу эту проклятую шапку въ толпу завистниковъ.

Но юноша еще не успѣлъ досказать послѣднихъ словъ своихъ, какъ мимо его, будто выросшій изъ земли, съ пронзительнымъ гикомъ, промчался наѣздникъ. Взоры всѣхъ обратились на этого послѣдняго. Бѣлый конь, какъ будто палимый огнемъ пылавшей степи, расширивъ окровавленныя ноздри, мѣрно и быстро мчался въ ущельѣ. Черезъ каждыя десять скачковъ, наѣздникъ оборачивался и мѣткою пулею билъ въ слѣдъ коня, оставляемый на пескѣ ущелья. Шумное и восторженное: джигитъ! джигитъ! огласило аулъ. Всадникъ, повидимому, совершенно чуждый славѣ своихъ успѣховъ, ни однимъ движеніемъ не высказалъ своего удовольствія при восторженныхъ вопляхъ мужчинъ и женщинъ. Поровнявшись съ шестомъ, на которомъ оставалась кабардинка, онъ описалъ около него быстрый кругъ, поставилъ на дыбы легкаго бѣгуна своего и вѣрною рукою мѣтнулъ въ воздухъ кинжалъ... Сталь взвизгнула и дрожа, впилась въ кабардинку, высоко бросивъ ее на воздухъ, и прежде, чѣмъ кабардинка коснулась земли, мѣткая пуля наѣздника пронизала верхъ ея, оставивъ курящійся пыжъ заряда въ косматомъ украшеніи шапки. Это было верхомъ искусства и молодечества. Зрители забыли удаль Шагрея; самъ Шагрей забылъ ее, и вмѣшавшись въ толпу наѣздниковъ, первый поддержалъ широкое стремя незнакомца, подавая ему руку съ обѣтомъ дружбы и куначества...

— Долой башлыкъ! Покажи намъ лицо твое, славный джигитъ! Ты нашъ!... ты втопталъ нашу славу въ песокъ ущелья! — ревѣла толпа.

— Первый азерпешъ ему! Первый гость на коврѣ нашего пиршества... Тащите погливана: пусть онъ воспѣваетъ славу лихаго кукана!

Изступленные горцы, на рукахъ, съ пѣснями и ружейными выстрѣлами, понесли незнакомаго наѣздника на равнину, освѣщенную пылавшими кострами и устланную камышевыми цыновками. Первая красавица аула, дочь стараго Учь-Хана, поднесла ему почетный азерпешъ...

— Славный джигитъ! сказала она, подавая дрожавшею рукою серебряный ковшъ интересному гостю Нашехи: отцы и братья мои предлагаютъ тебѣ куначество и почетъ.

— Дочь храбраго Учь-Хана, отвѣчалъ наѣздникъ: куначество твоихъ кровныхъ для меня также дорого, какъ и жизнь за Эль-Сыратомъ, если только тамъ такія же прекрасныя хуріи, какъ ты. Но, прости меня, роскошный цвѣтокъ Чечны: вина я не пью!

Азерпешъ задрожалъ въ рукахъ красавицы, лицо ее вспыхнуло огнемъ румянца, она въ замѣшательствѣ отступила нѣсколько шаговъ назадъ, бросивъ взглядъ недоумѣнія на окружавшихъ ее.

— Не льзя, кунакъ! ты обижаешь отказомъ дочь Учь-Хана, его, и насъ всѣхъ... Пей! Пей! раздалось въ тѣсномъ кружкѣ горцевъ, обступившихъ коверъ.

— Но я никогда не пилъ, храбрые джигиты! Отъ этого азерпеша я упаду, какъ отравленный.

— Вздоръ! вздоръ! Ловкая и бѣшеная лезгинка, которую спляшетъ намъ Лейла, закружитъ твою голову въ обратную сторону!..

— Не обижай насъ, кунакъ!.. мы ждемъ: это круговой ковшъ дружбы...

Наѣздникъ, уважая обычай новыхъ друзей своихъ, молча протянулъ руку къ серебряному азерпешу и залпомъ осушилъ его.

Ковшъ замелкалъ по рядамъ наѣздниковъ. — А вслѣдъ за тѣмъ звуки *комуса* *, разгульныя пѣсни и бойкая пляска воодушевили начавшуюся попойку.

Странствующій погливанъ, какой-то полупьяный бродяга, вмѣшался въ толпу пирующихъ и подсѣлъ къ наѣзднику.

— Пой намъ пѣсни, разсказывай, красноносый фазанъ, о славныхъ дѣлахъ нашихъ делибашей! кричали одни. Не надо! пусть лучше Лейла пляшетъ лезгинку! откликались другіе. Пить, пѣть и плясать — все вмѣстѣ! повторяли третьи.

— Все вмѣстѣ! Пой, грузинскій пѣтухъ! Лейла!.. яркая звѣздоч-

---

* Родъ балалайки.

ка Нашехи ... лезгинку ... распали кровь молодцовъ!.. Вина! вина! крикнули всѣ.

Толпа раздвинулась, снова звякнули ковши, лютня дрогнула въ бѣлыхъ рукахъ красавицы; огненный взоръ ея, какъ молнія, обѣжалъ толпу молодежи; стройный станъ ловко перегнулся, чадра метнулась за плечи и, дрожа всѣмъ тѣломъ, Лейла закрутилась въ лезгинкѣ.

Грузинъ также не дремалъ: онъ подстроилъ свой *комусъ*, пробѣжалъ по струнамъ, крякнулъ, завистливо посмотрѣвъ на полный бурдюкъ своего сосѣда — и началъ:

Въ ущельяхъ грознаго Фартама,
Подъ снѣжною лавиной горъ,
Сыны свободы и ислама,
Между собой вступили въ споръ:
Кто мѣткой пулей изъ винтовки
Или свистящею стрѣлой,
На тризнѣ князя, въ джигитовкѣ,
Джигита вѣрною рукой,
Снесетъ на землю три папаха?
И юный вызвался джигитъ;
Дрожитъ подъ нимъ конь Карабаха ...

— Никуда не годится эта исторія ... Скверно поетъ старикъ!.. перебилъ одинъ изъ наѣздниковъ.

— Еще хуже разсказываетъ, дрянной погливанъ!.. подхватилъ другой.

— Лучше, славь наши дѣла за Терекомъ, замѣтилъ какой-то старикъ.

— Да ... особенно, въ Кизлярскихъ болотахъ! раздался въ толпѣ чей-то насмѣшливый голосъ.

Наѣздники переглянулись, ища дерзкаго; но никто не могъ указать его.

— Будь прокляты эти болоты! сказалъ тотъ же старый горецъ: много они всосали дорогихъ кольчугъ Нашехи ...

— Пхе! замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — а кто виноватъ въ этой неудачѣ?.. Аллахъ знаетъ!

— Кто виноватъ? Предатели беллаты, отозвался старикъ, — да еще одинъ ... ну, тотъ молодой абрекъ, который передавилъ всѣ наши бурдюки ...

— Помнимъ, помнимъ!..

— Говорятъ, продолжалъ старикъ, — кровный кунакъ шейха, сынъ какого-то Аблая ...

— Сынъ Аблая! вскричалъ незнакомецъ, въ голосѣ котораго отразились любопытство и сильное изумленіе.

— А ты развѣ его знаешь?..

— Да ... слыхалъ ... встрѣчался ... съ худо скрытымъ замѣшательствомъ отвѣчалъ незнакомецъ.

— Не кровный кунакъ, а кровный врагъ, вѣрно,—замѣтилъ сынъ Шагрея, стараясь сдѣлать разговоръ общимъ (съ смертію отца, въ душѣ горца все уваженіе къ шейху смѣнилось ненавистью). — Онъ обвиняетъ насъ, а виноватъ одинъ самъ, — продолжалъ молодой князь. Гдѣ эти сокровища, которыя онъ обѣщалъ намъ въ Кугутхаѣ и Кизлярѣ?.. Только трупы и кровь собратій, послѣ каждаго дѣла — наша добыча ...

— Пхе! послышалось нѣсколько голосовъ: — кладетъ ржавчину на совѣсть нашу, увѣряя, что мы прогнѣвили Аллаха, а самъ — хуже презрѣннаго лэгэ обманываетъ пророка ...

— Правда! замѣтилъ старикъ: вмѣсто того, чтобы молиться за успѣхъ нашихъ наѣздовъ во славу вѣры, онъ обнимается съ Чиркени, презрѣнною еврейкою, которую обѣщалъ сжечь для нашей потѣхи ...

— Какъ? она жива?.. заревѣла толпа хищниковъ, изумленная словами стараго наѣздника и распаленная виномъ и словами Шагрея.

— Жива и спрятана въ надрѣчной землянкѣ — повторилъ старикъ. Башхенкалъ, который стережетъ ее, проговорился мнѣ.

— И Чавка живъ? спросило нѣсколько голосовъ.

— Умеръ, вчера подъ пыткой ...

— Ну, такъ дочь въ огонь!

— Въ огонь! Въ Аргунъ съ камнемъ! откликнулись хищники.

— Храбрые наѣздники, перебилъ незнакомецъ ... Башхенкалъ лжетъ; я самъ былъ свидѣтелемъ на Фартамѣ, когда жгли еврея съ дочерью ...

— Эхъ, кунакъ, отозвался старикъ — одинъ только ты видѣлъ, какъ жарили изъ нихъ шайтану шашлыкъ, и никто больше. — Клянусь твоею удалью, что Чиркени жива. Въ огонь ее, джигиты!

— Въ огонь! Въ Аргунъ! хлопотъ меньше; въ Аргунъ! повторяли наѣздники. Пойдемте къ Шихъ - Мансуру, требовать еврейку. Будь онъ проклятъ, низкій обманщикъ. Вонъ его изъ Нашехи! не надо намъ этихъ бродяжныхъ лжеучителей!..

Общее смятеніе, при крикахъ угрозъ и проклятій, разлилось по равнинѣ. Съ пылающимъ хворостомъ въ рукахъ, съ обнаженными шашками и кинжалами, чеченцы двинулись къ саклѣ Шихъ-Мансура.

V.

Но прежде, чѣмъ озлобленные горцы покинули ковры пиршества, незнакомецъ, забытый въ общемъ движеніи, успѣлъ оставить свое мѣсто. Быстрѣе мысли перебѣжалъ онъ равнину, взобрался на косогоръ и остановился у сакли шейха. Усталый и измученный, дрожа въ какомъ-то волненіи, онъ отворилъ двери сакли.

— Кто тутъ? послышался суровый голосъ муллы.

— Шихъ-Мансуръ!.. гибель твоя близка... спасайся... бѣги!.. горцы проклинаютъ твое имя! сказалъ незнакомецъ: за жизнь Чиркени не бойся... она будетъ съ тобою!

Послѣднія слова были произнесены такимъ нетвердымъ и задыхающимся голосомъ, какъ будто кто сильною рукою сдавилъ грудь говорившаго. И прежде, чѣмъ пораженный страшною вѣстію Шихъ-Мансуръ успѣлъ прійти въ себя, наѣздникъ уже скрылся изъ сакли.

Какъ серна, ловко и безстрашно прыгая черезъ овраги и обвалы, неизвѣстный джигитъ въ нѣсколько минутъ достигъ надрѣчной землянки и дремавшаго Башхенкала. Поровнявшись съ нимъ, онъ отбросилъ свой башлыкъ назадъ, и сильнымъ толчкомъ разбудилъ татарина. Послѣдній вздрогнулъ, протеръ глаза и, еще не зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло — схватился за кинжалъ.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

— Не узналъ, Башхенкалъ?.. вглядись!

— Пхе!.. да это Кичикъ... Фу, товарищъ, какъ ты испугалъ меня!.. Я ужъ думалъ, не укралъ ли въ аулѣ кто-нибудь нашу тайну...

— Никто не смѣетъ украсть ее, душа моя, Башхенкалъ, отвѣчала Айканы, которую въ аулѣ всѣ знали за Кичика, любимаго нукера Шихъ-Мансура... Пусти-ка меня къ плѣнницѣ, продолжала она; я отъ шейха... надо слова два перемолвить.

Татаринъ молча приподнялъ тяжелую дверь и снова опустилъ ее, когда звукъ шаговъ мнимаго нукера изчезъ въ глубинѣ землянки.

Осторожно, придерживаясь сырой стѣны, Айканы сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и сердце ея невольно стѣснилось ужасомъ при мысли о тѣхъ страданіяхъ, какія долженъ былъ выносить заключенный въ этой могилѣ. Ослѣпленная ревностію, коварною клеветою Батырь-Ша и стеченіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, подтверждавшихъ слова его, — дѣвушка и въ эту минуту не могла прійти къ натуральной мысли, что если Шихъ-Мансуръ любилъ Чиркени, то вѣрно бы не погребалъ ее заживо въ смрадномъ и душномъ заключеніи.

—Чиркени! Чиркени! прошептала Айканы : гдѣ ты?

— Здѣсь, отвѣчалъ слабый голосъ. Кто говоритъ со мною?

— Женщина, которая пришла дать тебѣ свободу и спасти тебя отъ смерти ... женщина, у которой ты отняла сердце любимаго ею человѣка ... Ахъ, Чиркени! какъ бы я хотѣла взглянуть на красоту твою ... увѣриться, что глаза твои ярче моихъ, что уста твои свѣжи, какъ лепестокъ розы ...

— Красота моя измозжена пыткой и страданіями ...

— Измозжена ?.. Но ты молода еще ... красота твоя разцвѣтетъ въ объятіяхъ его ...

— Съ нимъ разлучили насъ Богъ и люди ...

— Я васъ соединю ... Чу! прошептала она съ трепетомъ : они близко ... бѣги къ нему ... Онъ вѣрно будетъ ждать тебя на той сторонѣ Аргуна ...

— Онъ! Ты говоришь — онъ ?..

— Бѣги! бѣги! время дорого ... минута — и твое счастіе и жизнь твоя ... недоскажу !.. Это моя доля ! съ отчаяніемъ и почти въ помѣшательствѣ говорила Айканы. — На!.. надѣвай мое платье ... Башхенкалъ не узнаетъ тебя въ этомъ нарядѣ. Дѣвушка, какъ изступленная, рвала ветхій нарядъ на Чиркени, непонимавшей ни словъ, ни дѣйствій незнакомки. Почти насильно Айканы одѣла еврейку, схватила ее за руку и вывела до дверей.

— Смотри же, — сказала она таинственно — умирая за тебя ... я беру съ тебя клятву сказать *ему* . . что я умерла за его невѣрность, за его презрѣніе ко мнѣ ! Это, Чиркени, — мое мщеніе!

Заслышавъ голосъ Айканы, сторожъ приподнялъ двери.

— Тс! шепнула дѣвушка, крѣпко сжавъ руку еврейки,—ни слова!

Черезъ минуту Чиркени была на свободѣ. Айканы заняла ее мѣсто.

Грустно, поникнувъ жаркою головою на руки , дѣвушка опустилась на скользкія ступени лѣстницы. Лихорадочная дрожь пробѣгала по ея тѣлу и горячее сердце сильно стучало въ ея груди, когда мысль о близкой смерти заставила вздрогнуть ея твердую, закаленную въ бѣдахъ душу.

— Вотъ и отжила ... и все выстрадала, съ улыбкой отчаянія сказала она ... Но жизнь бродяги, отвергнутой всѣми и брошенной на распутьи — хуже всякой пытки и смерти — добавила она рѣ-

шительно. О, отецъ... отецъ! Какъ счастливъ ты, что не знаешь золъ моихъ! ... Айканы горько и тяжело зарыдала. При мысли объ отцѣ — для нея проснулось все счастливое минувшее; родныя кочевья, первый говоръ сердца и улыбка подругъ...

Какъ! сказала она, какъ будто оживленная счастливою мыслію, — а развѣ не весело умирать мнѣ, развѣ я не буду отмщена?.. Развѣ его душа дотого закалена безчувствіемъ, что онъ не вздрогнетъ при страшной вѣсти о моей печальной жертвѣ?.. Нѣтъ! нѣтъ! не разъ застонетъ и разболится его сердце, когда онъ вспомнитъ обо мнѣ .. Чу! идутъ! вскричала она—и мгновенный ужасъ исказилъ лицо Айканы при страшныхъ крикахъ, раздавшихся надъ ея головою.

Минута эта была такъ страшна и такъ рѣшительна, что, всегда твердая, умѣвшая владѣть своею смѣлостію, Айканы почти лишилась чувствъ...

Она не слышала, какъ изступленная толпа горцевъ вломилась въ землянку, какъ съ проклятіемъ сотня рукъ схватила ее и повлекла къ берегу рѣки.

Хохотъ и неистовое гиканье раздавалось вкругъ насчастной.

— Свяжите ее! кричали одни...

— Съ камнемъ въ воду! — повторяли другіе...

— Не выплыветъ!.. Она и безъ того ногами ужъ болтается въ джехеннемѣ... Кидайте такъ! откликалось большинство палачей.

— Кидайте! Увидимъ, что это за еврейская порода! .. Такъ ли же любитъ воду, какъ серебро...

— Въ воду! въ воду! крикнули нѣсколько тысячъ голосовъ... И державшіе Айканы, какъ легкую вѣтку, съ размаху — далеко бросили ее отъ берега въ холодную могилу Аргуна .. Но едва только волна обнялась надъ упавшимъ тѣломъ дѣвушки, какъ съ противоположнаго, темнаго берега Аргуна, кто-то, ни кѣмъ не замѣченный — тихо и быстро скользнулъ въ рѣку... Вотъ онъ мелкнулъ на поверхности, снова погрузился... и вдругъ вынырнувъ, съ необыкновенными усиліями, то изчезая въ струяхъ Аргуна, то снова выказываясь наверху, поплылъ назадъ. Это былъ спаситель Айканы. Почти съ воплемъ радости онъ вынесъ дѣвушку на берегъ и жаркими поцѣлуями покрылъ холодныя уста ея...

— Чиркени! Чиркени!... очнись!.. шепталъ онъ, вперивъ въ Айканы испуганный взглядъ...

Дѣвушка, бывшая въ водѣ нѣсколько минутъ, лишилась только чувствъ и легко могла быть возвращена къ жизни. Прислушиваясь къ ея дыханію, горецъ осторожно положилъ ее на влажную траву, опустился на колѣни и горячимъ дыханіемъ старался разогрѣть грудь ея.

— Дышетъ ... она жива ... Чиркени!.. вскричалъ онъ, — это я ... я, твой Нешхай ... Айканы тяжело вздохнула и какъ бы пробуждаясь отъ долгаго сна, остановила на Клычѣ взглядъ изумленія ... Въ свою очередь ужасъ и недоумѣніе выразились на лицѣ наѣздника, когда онъ разглядѣлъ лице ея ...

— Айканы!.. а не Чиркени! почти простоналъ онъ, отступая назадъ.

— Кто называетъ меня — Айканы? кто? спросила дѣвушка, совершенно возвращаясь къ мысли и жизни при этомъ имени.

— Ты не узнаёшь меня, несчастная страдалица?

— Нѣтъ ... я тебя не знаю.

— О, вѣрно горе и жизнь скитальца много измѣнили меня, — я Клычь ...

— Братъ Шихъ - Мансура!.. Клычь! повторила изумленная дѣвушка ... И ты въ этихъ горахъ?..

— Да! имя мое знакомо тебѣ. я — Клычъ и Нешхай ...

— Какъ! врагъ брата?

— Да; онъ отнялъ у меня свободу ... и Чиркени ...

Въ эту минуту, полуверстою ниже отъ разговаривавшихъ, какой-то всадникъ бросился съ конемъ въ рѣку, съ противоположнаго берега ...

— Вотъ она — сказала Айканы, — указывая на всадника.

— Кто?

— Чиркени .. Она преслѣдуетъ Шихъ - Мансура ...

Клычь не слышалъ послѣднихъ словъ Айканы. Онъ бросился на встрѣчу всадника и помогъ ему выбраться на берегъ.

— Чиркени! вскричалъ наѣздникъ, принимая въ объятія еврейку, которая съ воплемъ душевной радости припала на грудь своего любимца.

Встрѣча этихъ трехъ лицъ скоро объяснила для нихъ настоящее положеніе дѣлъ. Айканы и Клычь, обмѣнявшись немногими словами, ясно увидѣли, во всѣхъ тайнахъ и загадкахъ, окружавшихъ ихъ до настоящей минуты — коварную, хорошо обдуманную интригу мстительнаго Батырь-Ша. И съ этой минуты снова всѣ мысли Айканы обратились къ Шихъ - Мансуру.

— Теперь, сказалъ Клычь Чиркени, никто не разлучитъ насъ съ тобою ... Оставимъ эти страшныя горы ... Въ нашихъ кочевьяхъ счастливѣе ... Не такъ ли, Айканы?.. Воротись въ Каратюлей къ старому отцу ... забудь брата ... Доля его горька, а своротить его съ дороги, имъ проторенной — невозможно.

— Нѣтъ, добрый Клычь, хоть я родилась въ степяхъ, а умереть могу только въ горахъ, подлѣ Шихъ-Мансура, — отвѣчала дѣвушка.

На утро Клычь и Чиркени разстались съ Айканы. Наѣздникъ и еврейка пустились на Кизляръ, надѣясь скоро перебраться въ степи. Дѣвушка воротилась на Фартамъ и пустилась по слѣдамъ Шихъ-Мансура, который въ эту ночь — съ немногими изъ своихъ приверженцевъ оставилъ нашехи и бѣжалъ изъ Чечны ...

ЧАСТЬ IV.

Вмѣсто эпилога.

НА ОКЕАНѢ.

Какъ ни странно покажется многимъ, если я перенесу воображеніе читателя отъ роскошной и разнообразной природы юга къ мрачнымъ и грустнымъ картинамъ сѣверныхъ полярныхъ странъ, тѣмъ не менѣе историческая точность, которой я слѣдовалъ, съ легкими отступленіями отъ истины, даютъ мнѣ на то небольшое право.

Извѣстно изъ преданій, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ жители нынѣшней Архангельской губерніи вели торговлю съ Сѣверною Сибирью, не только чрезъ Уральскій хребетъ, но и моремъ, направляясь къ устьямъ рѣкъ Оби и Енисея *. Путь этотъ давно оставленъ и только въ 1832 и 1835 годахъ экспедиціи, предпринятыя гг. Брантомъ и Клоковымъ, старались возобновить его, но въ торговомъ отношеніи не имѣли никакого успѣха, принеся однакоже небольшую пользу географіи. Суровость климата, частые льды и тысячи преградъ, поставляемыхъ самою природою того края, дѣлаютъ плаваніе здѣсь, почти невозможнымъ. Не смотря на это, отважные промышленики XVII столѣтія и небольшое число смѣлыхъ мореплавателей послѣдней половины XVIII, хотя не безъ потерь и страшныхъ испытаній, часто, на легкихъ судахъ, хранимые Богомъ и полагаясь на свою удаль, переходили отъ Архангельска и Пустозерска къ берегамъ Обской губы. Можно судить по этому предпріятію, что̀ за̀ люди наполняли экипажъ подобнаго судна. Тутъ схо-

* Пушкаревъ — «Описаніе Архангельской губерніи».

дились всѣ тѣ, кому, очертя голову, ничего не значило, идти на вѣрную гибиль, на встрѣчу испытаній и бѣдъ. У этихъ людей часто не было родины, а еще чаще того, что бы привязывало ихъ къ жизни. Холодные къ радостямъ, равнодушные къ бѣдамъ, они были счастливы, встрѣчая другъ въ другѣ такихъ же горемыкъ, какъ и сами, и безпечно и беззаботно успѣвали въ томъ, чего въ послѣдствіи не могли сдѣлать ни опытность, ни наука.

Однажды, въ исходѣ іюля 1795 года, легкая шняка * показалась натраверзѣ сѣверной оконечности Колгуева. Довольно свѣжій NW. или побережникъ, ** какъ называютъ его бѣломорскіе промышленики, смѣнивъ NO. подулъ чистымъ лобовиндомъ на встрѣчу шнякѣ. Парусъ ея, до того наполненный вѣтромъ, заполаскалъ и повисъ, изрѣдка вздрагивая и обнимая снасти. Единственный человѣкъ, остававшійся на верху судна и не замѣчавшій перехода вѣтра и того неправильнаго направленія, котороеприняла теперь шняка, — былъ сѣдой старикъ. Онъ, перебросивъ на правило руля свой полушубокъ, оставался углубленнымъ въ чтеніе какой-то книги, и, повидимому, полный хозяинъ судна, мало заботился о томъ, слѣдуетъ ли оно назначенному пути. Между тѣмъ, другіе три лица, дополнявшіе экипажъ шняки, безпечно бесѣдовали въ лѣвой *шакшѣ* *** судна. Не вслушиваясь въ разговоръ ихъ, а только взглянувъ на ихъ физіономію, легко было угадать, къ какому сословію принадлежалъ каждый изъ собесѣдниковъ. Малица, совики и лопты изъ оленьей шерсти — единственная и неизмѣнная одежда самоѣдовъ — высказывали въ нихъ мезенскихъ промышлениковъ; но тщательно заплетенная, рыжая косичка одного, огромные усы и широкій шрамъ на лбу другаго, да сплюснутое лицо и небольшіе глаза третьяго, какъ нельзя лучше обозначали въ первомъ — отставнаго подъячаго, стараго служаку во второмъ и природнаго обитателя пелымскихъ тундръ — въ третьемъ. Штофъ водки и нѣсколько кусковъ трески, поставленныхъ на сосновомъ столѣ, воодушевляли ихъ бесѣду.

— Только бы выпокосить **** до Сухаго-Носа, говорилъ служака,

---

* Шняка — небольшое, впрочемъ палубное судно; оно менѣе архангельской ладьи и вооружается одною мачтою, отлично ходитъ подъ парусами и даже лавируетъ, но, какъ плоскодонное, не можетъ выдерживать большихъ штормовъ.

** У мезенцевъ — глубникъ.

*** Шакшею называются полупалубки на носу и на кормѣ судна; ютъ и бакъ — единственное помѣщеніе, гдѣ можетъ ненадолго отдохнуть продрогнувшій промышленикъ.

**** Вылавировать.

а тамъ перевалимъ къ *лѣтнику* (югу) — и на мѣстѣ; льдовъ ужъ бояться нечего.

— Дулъ бы дондеже попутный въ наше вѣтрило, отозвался подъячій, а тамъ дѣло привычное: великаго дряхлованія (великой печали) бояться нечего, не будетъ его, выйдемъ, какъ выйдемъ.

— А если, братъ, Климъ Ѳомичъ, побережникъ перемѣнится, да въ лобъ зайдетъ?..

— Тогда остаюсь безгласнымъ и непромолвлю не единаго слова: я сдѣлалъ свое дѣло, и все упованіе мое возлагаю на святыхъ угодниковъ, Савватія и Зосиму; имъ я молился усердно.

— Эхъ, голова, прямой ты подъячій, все-то держишься пословицы: всякій за себя ... Какъ бѣда, такъ ты и остаешься безгласнымъ?

— А сильна ли прать противъ рожна, Михей Власьичъ?.. Велѣнія Божескаго не прійдешь; ужъ коли задуетъ намъ въ чело, то и погибель наша изрѣченна есть ...

— Неизрѣченный ты уродъ, Климъ Ѳомичъ, извини меня, отозвался служака: эвто, по твоему разуму, выходитъ все равно, если бы, примѣрно сказать, въ сраженіи тебя подъ батарею поставили?

— Сохрани Владыко многомилостивый, да я бы не разглядѣлъ тогда, амо ошую, амо одесную, просто бы за-просто легъ да и закопался ...

— То-то, голова, ты бы, небойсь, и ждалъ погибели неминучей, вмѣсто того, чтобы, по слову камандирскому, взбѣжать на батарею, да штыкомъ заткнуть бѣдовую пушку!... Такъ ни тутъ: а на чтожъ Господь насъ умудрилъ разумомъ?.. Ухъ, небойсь, какъ пошло наперевалъ, такъ по твоему лечь, да и ждать, когда моржъ голову отъѣстъ?...

— Не то, многомудрый Михей Власьичъ, я говорю, или хощу рещи, сирѣчь, чему быть, того не миновать. Зачѣмъ не похлопотать о животѣ своемъ, но въ немъ и въ смерти Богъ воленъ! Такъ-то!

— Полно, Климъ Ѳомичъ, говоришь-то ты загадками и не всякую кавычку поймешь у тебя. Вотъ лучше, голова, употребимъ еще по чарочкѣ.

— И, ни-ни! Не хощу быти подобнымъ скоту; не время теперь предаваться чревобѣсію. Право, на сей предметъ, точію, азъ немощенъ есть!

— И то ладно! сказалъ служака: мы вотъ съ узкоглазымъ пропустимъ малую-толику, да и наверхъ пойдемъ, поглазѣть, что дѣлается ...

Съ этими словами старый служака наполнилъ двѣ кружки водкою

и опорожнивъ одну изъ нихъ самъ, передалъ другую молчаливому самоѣду. При вниманіи, оказанномъ ему служакою, послѣдній изъявилъ свое удовольствіе какою-то неразгаданною улыбкою, медленно выпилъ водку и, придвинувъ къ себѣ деревянную тарелку съ треской, усердно занялся ею.

— Вино веселитъ сердце человѣческое, Климъ Ѳомичъ; началъ служака ...

— Такъ-то-такъ, да сей искусъ долженъ имѣть свое мѣрило, не должно упиваться виномъ — замѣтилъ подъячій.

— Ну, опять закорючка! Ужъ ты, приказное сѣмя, чернильное зелье, все-то не спроста — все наровишь или въ глазъ или въ бровь ... А какъ, ономнясь, нализался въ Соловкахъ — такъ, небойсь, былъ и притчу!

— Грѣхопаденіе по слѣдамъ шествуетъ нашимъ, Михей Власьичъ. Не всегда его убережешься, не всегда человѣкъ добру преданъ есть. И если правду молвить, почему я предался тогда винопійству, то, говорю откровенно, сердце мое сокрушалось за ближняго.

— Вотъ что̀! За кого жъ бы это?

— За тебя, Михей Власьичъ!

— Ой ли?.. смотри пожалуй!... Какъ же это случилось?

— Очень просто. Больно мнѣ было, когда ты, ирой, принявшій за отчизну на рамена свои толикое множество ударовъ, предался увлеченію великому и съ магометомъ, аки съ братомъ кровнымъ, бесѣду повелъ дружескую ...

— Въ Соловкахъ-то?

— Да! Не проститъ тебѣ Господь сего грѣха неисходнаго ...

— Ну, братъ, Климъ Ѳомичъ, много ты видишь, да мало слышишь ...

— Молчу, и на брань отвѣта не изрекаю: смиреніе — добродѣтель высокая есть!

— Держись этого правила и никто не испортитъ тебѣ ѣдала, Климъ Ѳомичъ, отозвался старикъ. Только ужъ если на то пошло, такъ напрасно сокрушался ты и предался винопійству; не аки съ братомъ, говорилъ я съ магометомъ, а аки со старымъ знакомымъ; вотъ что̀, дружище!

— Позволю себѣ принять всякое заушеніе, если онъ тебѣ знакомый! Въ какихъ видахъ могло учиниться сіе?

— Длинна исторія, пріятель; да ужъ коли подзадорилъ ты меня, чернильный недовѣрокъ, такъ слушай ...

— Глаголь, буду внимать, отозвался подъячій, выпутывая медленно изъ множества складокъ своего пестраго платка тавлинку.

Служака пріободрился, какъ будто бы съ воспоминаніями о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя онъ готовъ былъ передать своему собесѣднику, молодѣла душа его, крякнулъ и началъ:

— Былъ у насъ, примѣрно сказать, командиръ графъ Гудовичъ, лихой такой, что и упаси Боже ... Бывало, гдѣ ни на есть пройдетъ съ нашимъ братомъ—все съ дороги прочь! Или этакъ, къ слову молвить—осерчаетъ на турка, пройдетъ по рядамъ нашимъ, взглянетъ соколомъ, ухмыльнется молодецкою улыбкою, да и скажетъ: «Ребята! отслужи службу правую, поколоти нехристя; зубастаго бей, лежачаго живьемъ бери» ..И махнемъ ... штыкъ на руку, перекрестимся, гаркнемъ молодецкое ура? — и пошла писать направо и налѣво... Словомъ, правду сказать, съ нимъ попятнаго не знали ... Гдѣ ужъ онъ съ нами, тамъ врагу житья не было !.. Ну-съ, вотъ этакъ — около января 91 года, покойный князь Потемкинъ и скажи Гудонвичу: «Зазнался, говоритъ, турокъ, возьми-ка у него, графъ, Анапу».. Для солдата велѣно — сдѣлано! Возьму, говоритъ, ваша свѣтлость ... Поклонился, обернулся къ намъ, да и говоритъ: пойдемъ, ребята! Вотъ и пошли. Сначала, этакъ, въ Черкесіи подрались на Кубани ... дали мятку, трепанули врага, разбросали его направо и налѣво и, какъ теперь помню, 29 мая мы встали подъ крѣпостью *.

— Ну, и началась сѣча великая, я думаю? — спросилъ внимательный подъячій . .

— Погоди, Климъ Ѳомичъ, это не по нашенски ... ты ужъ думаешь, что русскій солдатъ встрѣтилъ врага, такъ ужъ и заушилъ его съ маху ... Тутъ, голова, порядка нѣтъ ... Надо было спросить прежде: хочетъ ли турокъ, чтобъ мы его поколотили и взяли крѣпость по приказу командирскому, или, не подставляя бритаго затылка—отдастъ онъ намъ Анапу ?.. Вотъ на этотъ-то предметъ отъ насъ и послали *перламаеровъ*, то есть, это, такъ сказать, переговорщиковъ**.

— Ну, и чтожъ магометы?

— Да что!... вмѣсто отвѣта они принялись чугуномъ угощать нашихъ посланныхъ ...

---

* Дѣйствительно, графъ Гудовичъ, переправясь у прочнаго окопа, черезъ Кубань, съ соединенными корпусами кубанскимъ и кавказскимъ, былъ подъ стѣнами Анапы 29 мая. Смотри Воен. Энц. Лек. Т. 1, стр. 403, и Записки графа Гудовича, стр 645.

** Гудовичъ говоритъ: послѣ пожара, сдѣланнаго въ крѣпости, я посылалъ трубача съ парламентеромъ, махавшимъ бѣлымъ платкомъ, о предложеніи сдать крѣпость на капитуляцію, но непріятель, вмѣсто отвѣта, началъ стрѣлять изъ пушекъ на посланныхъ отъ меня для переговоровъ». См. Записки его. стр. 647.

— Такъ ... извѣстно бо есть изъ разныхъ сказаній, что народъ сей злобѣсный и вельми звѣробойный, Михей Власьичъ.

— Слова нѣтъ, народъ злой, голова; да не этотъ казусъ замѣшался въ наше дѣло. Турокъ - то бы и того, пожалуй бы много и не ртачился, а случился въ крѣпости, съ отрядомъ отчаянныхъ горскихъ головорѣзовъ, мулла ихній, то есть, не то, что мулла, а прахъ его знаетъ ... плутъ, знаешь, этакой ... выжига, то есть!

— Э, злыдень, выходитъ; лжеучитель, сѣятель бѣсодѣянія, карминала и крамолы ...

— Ну, да, около этого!... Онъ-то, голова, и подзадорилъ всѣхъ; говоритъ: саламалыкомъ — не давайся русскимъ!..

— И дерзновенный же какой! — воскликнулъ Климъ Ѳомичъ.

— У! просто це роди мать на свѣтъ! Ужъ вѣстимо дѣло — на то пошелъ!..

— Такъ, такъ ... обрекъ себя на злодѣяніе и погибель вѣчную... Ну-съ, глаголите ... внимаю, Михей Власьичъ!

— Вотъ, братецъ ты мой, какъ провѣдало наше камандерство о томъ, что этотъ пророкъ Шихъ-Мансуръ... Шихъ-Мансуровымъ прозывался онъ, видишь...

— И наименованіе-то, кажется, какое-то злодѣйское? замѣтилъ приказный.

Нѣтъ, у насъ говорили, что кличка по шерсти ... такъ себѣ — ничего, безъ задору, то есть ... Какъ смекнуло командерство, говорю я, что ласкою не усовѣстить врага, такъ и назначило взять крѣпость приступомъ! Въ ночь на 22 іюня мы были готовы. Надо тебѣ кстати молвить, голова, что кто бывалъ въ дѣлѣ, тотъ знаетъ, что наканунѣ работы, если попадешь къ бивуачному огню, такъ расказы о деревнѣ, думка о семьѣ — какъ-то не во-время щемятъ ретивое, и потому, право слово, грѣха таить нечего—тогда совѣсть-то да молодечество разухабистое, маненько и зазрятъ ...

— Какже, Михей Власьичъ, вѣдаю, что животъ положить свой — дѣло великаго казуса есть, и горше горшаго, заключилъ подъячій, — для смертнаго разстаться съ жизнію!

— Постой, Климъ Ѳомичъ, не во-время рѣчь перебиваешь...

— Много виноватъ, Михей Власьичъ... глаголите, внимаю...

— Ну-съ, такъ вотъ, продолжалъ служака — всего лучше, если въ эвту пору попадешь на службу: тутъ ужъ, братъ, раздумывать некогда, тутъ ужъ присягу да совѣсть — на линію, думку — въ дуло, а всѣ непрошеные казусы — въ суму. Мнѣ, голова, точно такъ и случилось... Въ эту ночь я стоялъ на цѣпи. Ночь темна ... ди-

станція порядочная ... народу было не много, и насъ крѣпко растянули... стою, навострилъ ухо, кругомъ поглядываю и курокъ на взводѣ ... вѣдь, братъ, горецъ, что̀ тѣнь подкрадется, не увидишь ... Вдругъ ... глядь ... кто-то отъ меня недалече пробирается... Встрепенулся я ... примѣрился и приложился ... Пароль? — говорю ... молчокъ... Еще спросилъ—молчитъ... Еще ... то же! Эхъ, думаю, хватить пулею ... лагерь подымешь... Дай въ тихомолку *гисторію* кончу...

— Ирой ты, зѣло великій ирой, Михей Власьичъ! — замѣтилъ подъячій: у меня бы въ сію горшую годину, продолжалъ онъ, сердце, аки лимонъ смердящій, сжалось бы отъ дрехлованія.

Разскащикъ не обращалъ вниманія на слова своего собесѣдника и продолжалъ: чтожъ бы ты думалъ, какую штуку сочинилъ я?... Привинтилъ штыкъ ... выглядѣлъ, изнамѣрился — и царапъ впередъ... Кто-то застоналъ на два шага отъ меня, зашатался и упалъ... Ну, думаю, лежи .. придетъ рундъ, подберетъ тебя... Эхъ, братъ, продолжалъ солдатъ, — ввѣкъ не прощу себѣ этого удара...

— Какъ! вскричалъ приказный, — врага надо бить, воеже не посмѣлъ бы онъ бить тебя, и воеже не осилилъ бы онъ тебя!

— То-то и есть, голова, врагъ-то былъ — баба!

— Жена, сирѣчь?

— Ага! — Какъ бы ты думалъ?.. вѣдь въ нашу корде баталію, дѣйствительно притащили дѣвчонку...

— Вотъ искусъ-то великій!

— Да; впрочемъ она еще жила ... Командерство, спросило ее, зачѣмъ, то есть, бродитъ она тутъ? И разсказала она, что шесть лѣтъ ищетъ въ горахъ Шихъ-Мансура ... думала въ эту ночь встрѣтиться съ нимъ — и наткнулась на мой штыкъ...

— Ну, и духъ предала свой?..

— Вѣстимо послѣ такой занозы сдобровать нельзя ... Имени мы ее не узнали, но послѣ плѣнные сказывали, что она была когда-то постояннымъ и вѣрнымъ слугой лжепророка. Ночь была близка къ разсвѣту: втихомолку снялись мы и пошли ... Долго рѣзались на стѣнахъ и въ завалахъ ... наконецъ одолѣли... Вошли въ крѣпость — все наше! Не сдается одна землянка: въ ней засѣлъ съ своими молодцами Шихъ-Мансуръ... Десять разъ кидались мы въ штыки и десять разъ отбивали насъ... * Вдругъ, въ рядахъ нашего взвода, который

---

* Когда крѣпость была уже очищена, то стрѣляли еще по войскамъ изъ одной землянки, куда скрылся лжепророкъ Шихъ-Мансуръ, съ 16 человѣками ему приверженныхъ. См. «Записки графа Гудовича», стр 649.

штурмовалъ землянку, явился рослый молодчина; у перваго фланговаго онъ вырвалъ ружье и бросился впередъ. Однимъ ударомъ приклада вышибъ дверь и всталъ какъ привидѣніе на ея порогѣ. Великанъ, должно быть, страшенъ былъ для горцевъ. Ни одна пуля не встрѣтила его, когда со стономъ раненнаго самъ Шихъ-Мансуръ, какъ изрѣзанный, упалъ къ ногамъ его... Мы взяли врага... Великанъ изчезъ. Въ тотъ же день командерство отправило Шихъ-Мансура въ Питеръ; я его конвоировалъ ... я же его и бралъ. Злодѣя послали въ Соловки на житье *.

— Ага! такъ ты его внезапу и встрѣлъ на семъ островѣ...

— Ну, да, какъ старые знакомые, мы потолковали о томъ, о семъ, да и разстались ... Вотъ, братъ, весь и грѣхъ мой, что я съ магометомъ побесѣдовалъ...

— Шихъ-Мансуръ! въ раздумьи прошепталъ самоѣдъ... Имя знакомо... его у насъ, въ тундрахъ, позапрошлое лѣто спрашивалъ какой-то высокій старикъ...

— Знаю, отозвался подъячій: старецъ сей три мѣсяца назадъ, какъ отправился на шнякѣ Назарова въ обскую губу — и о шнякѣ той ничего теперь невѣдомо... Гадательно, что она сокрушена бурями и вкусила погибель.

— Долго ли, голова, сказалъ служака: тутъ ходи, да оглядывайся ... не вѣтромъ, такъ льдомъ пришибетъ, гдѣ ни на есть ... Да еще, если грѣхомъ, попадетъ этакій кормщикъ, какъ нашъ Вавилычъ, — того и жди бѣды неминучей....

— Да, ввѣрять ему кормило — дѣло великаго зла есть, а тѣмъ паче и наибольше въ сей день .... Нынѣ Вавилычъ понедѣльничаетъ, Михей Власьичъ, и все мудрованіе его обращено къ посту и смиренію и, вѣдай, что очи его не узрятъ погибели близкой...

— Вѣстимо, ужъ коли понедѣльничаетъ, такъ онъ не разстается съ книгой .... Однако, что это, Климъ Ѳомичъ? тревожно прислушиваясь, спросилъ старикъ ... Какъ будто бы *взводень-то* ** утихъ ... А?

— Ужъ не во льдахъ ли мы?

— Какъ во льды-то попались? . все утро *красною бетью* *** шли впередъ . .. Развѣ вѣтеръ зашелъ?....

---

* Лжепророкъ Шихъ-Мансуръ, по привозѣ его въ Петербургъ, былъ сосланъ, на *житье*, на Соловецкій островъ См. «Записки Гудовича, стр. 649. — То же самое повторяютъ — Броневскій въ описаніи Кавказа, и Данилевскій въ сочиненіи: ***Кавказъ и его горскіе жители.***

** Волненіе — мѣстное названіе.

*** Полнымъ вѣтромъ.

— А понеже бы сіе и могло учинитися, Михей Власьичъ, то, какже, безъ нашего содѣйствія, Вавилычъ могъ пріютить къ верху вѣтрило ?..

— Да .... загадочная штука, отозвался въ раздумьи служака .... Пойдемъ, товарищи, взглянемъ, что напроказилъ тамъ нашъ постникъ. Собесѣдники, взволнованные предчувствіемъ, взялись за свои *треухи* * и уже готовы были выйти наверхъ, какъ громкое: набель! набель!** сказанное испуганнымъ голосомъ кормщика, раздалось на палубѣ; оставшіеся нанизу въ страхѣ переглянулись между собою.

— Вотъ тебѣ и бѣда непрошеная! вскричалъ старикъ.

— Ахъ онъ злокачественный, горе-горькій плаватель, прошепталъ въ крайнемъ испугѣ подъячій.

Одинъ только молчаливый самоѣдъ, видимо равнодушный къ опаснымъ встрѣчамъ, быстро бросился впередъ, готовый больше дѣлать, чѣмъ разсуждать.

Служака и подъячій, ободренные его примѣромъ, послѣдовали за нимъ.

— Не пугайся, ободрись, Климъ Ѳомичъ! — шепнулъ первый.

— Чего — ободрись! отвѣчалъ Климъ Ѳомичъ, уничтоженный внезапною бѣдою. Трясовица, аки лихорадка, такъ и бьетъ меня .... руки немощны и ноги недвижны!....

II.

Служака, самоѣдъ и многорѣчивый Климъ Ѳомичъ вышли на палубу. Зрѣлище грустное и досадное представилось ихъ взору. Повисшій парусъ обвивалъ мачту, закрутившись концами въ снасти; шняку тащило теченіемъ прямо на льды, теперь явственно обрисовавшіеся угловатыми и грозными фигурами въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ плавателей. Глухой шумъ отъ ихъ столкновенія и дробное паденіе ледяныхъ осколковъ, да неясный визгъ легкаго сѣвернаго вѣтра, пробѣгавшаго въ разрѣзахъ этихъ громадныхъ льдинъ, нарушали печальное безмолвіе, окружавшее судно нашихъ оплошныхъ промышлениковъ... Уничтоженный нечаянностію, старикъ Вавилычъ оставался у руля безъ движенія и, повидимому, безъ всякой мысли.

— Держи *голоменье* (дальше въ море), давай руль! крикнулъ слу-

---

* Самоѣдская теплая шапка, обложенная вокругъ лисьимъ хвостомъ.

** Такъ промышленики называютъ бѣлую, ровную полосу тумана, показывающуюся на горизонтѣ, которая есть вѣрный признакъ близкихъ льдовъ.

жака, бросившись къ кормѣ. Ей, вы!—продолжалъ онъ — сейчасъ выпокосимъ подъ-вѣтеръ .... *отщипывай бинетъ* *.

Вавилычъ и остальные его два товарища бросились къ мачтѣ, въ то время, какъ смѣтливый старикъ, сильною рукою положивъ руль направо, быстро привелъ шняку къ вѣтру. Судно дрогнуло и зарѣяло на легкой зыби океана, не принимая еще однако правильнаго направленія. Оторопѣвшіе товарищи Михея Власьича не успѣвали за его сноровкой, и парусъ, единственная ихъ надежда въ эту минуту, еще не наполнился вѣтромъ. Такая неловкость пріятелей сильно раздосадовала служаку ... Почти съ тоскою онъ оглянулся назадъ и вымѣривъ неравнодушнымъ взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее его ото льдовъ, передалъ руль самоѣду, а самъ бросился къ парусу.

— Ну, что вы тутъ копаетесь! вскричалъ онъ: не вмоготу, что ли, бинет-отъ отвязать?... Охъ вы, народъ!

— Да вотъ, Михей Власьичъ, не могу распутать вервія, отозвался Климъ Ѳомичъ.

— Такъ, голова: гдѣ бѣда, такъ вамъ все не вмоготу! Давай сюда!... И въ рукахъ старика, привычнаго къ труду и работѣ, въ одно мгновеніе распутался шкотъ. Парусъ легко колыхнулся, медленно отошелъ отъ мачты и, постепенно наполняясь вѣтромъ, скоро прибавилъ ходу погибавшей шнякѣ. Лица матросовъ, выражавшія до того испугъ, теперь ожили надеждою.

Довольный своею расторопностію и удачными ея послѣдствіями, старый солдатъ вопросительнымъ взглядомъ окинулъ товарищей, какъ бы говоря этимъ: знай нашихъ! самодовольно улыбнулся, крякнулъ и опустилъ руку въ карманъ лопты .... Лицо Клима Ѳомича также ожило и помолодѣло. Потирая отъ удовольствія руки, онъ съ плутовскою улыбкою поглядывалъ то на Вавилыча, то съ видомъ особеннаго подобострастія на карманъ Михея Власьича.

— А что, Климъ Ѳомичъ? спросилъ послѣдній, вытаскивая берестовую тавлинку изъ своего кармана, — послѣ напасти, не отведемъ ли душу зеленчакомъ родимымъ? Съ этими словами служака сжалъ губы, какъ-то забавно искривилъ лѣвый глазъ и щелкнувъ по тавлинкѣ, подставилъ ее къ самому носу подъячаго.

— Нехристи, зельемъ питаются окаяннымъ! прошепталъ Вавилычъ, отворотившись и плюнувъ всторону.

— Почему же-съ!—отвѣчалъ Климъ Ѳомичъ на слова служаки—

---

* Отвязать парусъ, чтобы уменьшить парусность.

я вѣдь не раскольникъ какой ни на есть... Подъячій лукаво улыбнулся и опустилъ руку въ тавлинку...

— А нешто, по твоему, раскольникъ хуже тебя? проворчалъ старикъ.

— За чѣмъ ты, Вавилычъ, изрыгаешь хулу на меня, и для чего мещешь взоры звѣровидные?.. Не въ обиду и сокрушеніе твое сказалъ я, что я не раскольникъ ... а такъ, поелику сіе къ слову рещи привелось! замѣтилъ подъячій.

— Молчи, крапивное сѣмя, писулька чернильная ... знаю я тебя; всегда наровишь чѣмъ ни на есть уколоть человѣка, отозвался Вавилычъ.

Климъ Ѳомичъ, повидимому, обидѣлся такимъ нескромнымъ замѣчаніемъ товарища. Губы его вытянулись, голова ушла въ плечи — и подъячій съ гордою осанкою выступилъ впередъ.

— А если за сей извѣтъ я разрѣшу шуйцѣ своей сдѣлать по ланитамъ твоимъ великое заушеніе?.. Что ты на это скажешь? спросилъ онъ.

— Ну, братъ, поѣхало дальше ... Не *тронь*, не *ворошь*, когда на руку не хорошъ, — равнодушно отозвался старикъ. Смотри, вѣдь возьму тебя въ ежовые, свяжу узломъ, да какъ негодную луковицу и выброшу за бортъ ... Вотъ что́, чернильный орѣхъ! Слышь, аль нѣтъ?

— Внемлю и вижу, — отвѣчалъ подъячій, уходя назадъ, — что ты великій злыдень, способный на всякій карминалъ, и не хочу тебя творить жертвою моей львиной храбрости!..

— То-то! побереги-ко скулы-то: вѣдь испорчу, — жевать нечѣмъ будетъ!

— Э, эхъ, товарищи! замѣтилъ служака, съ особеннымъ любопытствомъ наблюдавшій ссору стараго раскольника и храбраго приказнаго ... Хорошо ли это, по христіански ли дѣло дѣлаете?.. Еще бѣда на носу виситъ, а вы, какъ голодныя собаки, за кость, шерсть оборвать готовы другъ у друга.

— Не тронь и не вызывай на грѣхъ! сказалъ Вавилычъ ... Что вы эвто затѣяли? Самъ говоришь, бѣда на носу, а набиваешь свой носъ грѣховнымъ зельемъ!

— Большой грѣхъ — нюхнуть малую — толику!..

— Сирѣчь — не кощунство какое! подхватилъ Климъ Ѳомичъ ...

— Голова ты этакая! считаешь за напасть понюхать табаку, а подчасъ водкой налижешься такъ, что и лыкомъ не везешь. Небойсь, это зелье не грѣховное ... Самъ понедѣльничаешь, а на брань вызвать не боишься! — продолжалъ солдатъ.

— Толкуй; зажмутъ тебѣ носъ въ клещи пылающія...

Служака и подъячій готовы были что-то отвѣчать на возраженіе Вавилыча, какъ вдругъ сильный ударъ въ подводную часть шняки, бросилъ судно направо и налѣво, поваливъ говорившихъ съ ногъ. Ударъ повторился съ новою силою, и прежде, чѣмъ промышленики успѣли прійти въ себя отъ недоумѣнія, глухой шумъ, при быстромъ и разрушительномъ вздрагиваніи шняки, раздался впереди ея и единственная мачта судна съ трескомъ рухнула на палубу... Въ ту же минуту и руль разлетѣлся въ щепы...

— Вазиса! вазиса! (горе! горе!) — *языкъ!* вскричалъ самоѣдъ...

— Языкъ! языкъ! * съ ужасомъ повторили всѣ.

Минута была страшная и торжественная. Вполовину разрушенное судно, поддаваемое съ кормы приливомъ, било о льдину и бросало, какъ щепку. Легкая зыбь, возмущенная частымъ паденіемъ шняки, превратилась около нее въ волненіе — и волны, шумя, то со стономъ и визгомъ разбѣгались по сторонамъ, то съ новымъ свистомъ напирали на судно. Каждый всплескъ подвѣтренной волны грозилъ разрушеніемъ. Къ довершенію гибели и безнадежнаго положенія промышлениковъ, громадные льды, какъ неумолимые и грозные великаны, медленно двигались къ шнякѣ, готовые рухнуть на нее всею своею тяжестью. Вавилычъ первый успѣлъ выбиться изъ-подъ паруса, накрывшаго, при паденіи, промышлениковъ. Первою его мыслію было броситься внизъ за баграми, но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ, какъ съ крикомъ: «Вода! вода! пробоина въ шнякѣ!». вернулся назадъ, потерявъ привычную отвагу и бодрость. Теперь, четыре разнохарактерные лица этой страшной драмы представляли разительный контрастъ между собою. Связанные общею участью, пораженные общимъ несчастіемъ, каждый изъ нихъ, по своимъ понятіямъ и душевнымъ силамъ, не видя ни въ чемъ и нигдѣ спасенія, готовъ былъ встрѣтить смертъ и гибель... Подъячій, храбый только на словахъ, уже при первомъ ударѣ шняки о подводный ледъ лишился разсудка и со стономъ упалъ на палубу. Но при словахъ Вавилыча онъ нѣсколько пришелъ въ себя, и окинувъ безсмысленнымъ взглядомъ окружавшихъ его, могъ прошептать только:

— Вода? гдѣ вода, кормилецъ Вавилычъ?... Откачивайте ее, братія... да не поглотитъ насъ бездна зіяющая! Равнодушный и без

---

* Языкъ (Atongne) есть кусокъ подводнаго льда, простирающійся иногда на значительное пространство. Языки эти весьма опасны. Такъ, англійскій военный шлюпъ Guardian, въ 1789 г., потерпѣлъ сильное бѣдствіе при подобной встрѣчѣ. См. Хронологич. Истор. пут. въ сѣв. полярн. странахъ — Берха, стр. 154.

страшный самоѣдъ, презрительною улыбкою отвѣчалъ на слова Климa Ѳомича. Дикарь флегматически надвинулъ на глаза свой мохнатый треухъ и прислонился къ борту шняки, посматривая изъ подлобья на молящагося Вавилыча. Казалось, неумолимая смерть встрѣтила въ обитателяхъ шняки жертвы, покорныя и безсильныя, которыя не рѣшатся оспаривать у ней своей жизни... Не раздѣлялъ этой мысли одинъ старый служака. Знакомый съ опасностями всякаго рода, въ полѣ и на океанѣ, онъ только спѣшилъ высвободиться изъ-подъ накрывшей его парусины и едва только высвободился, какъ, не теряя ни минуты, принялся за дѣло.

— Такъ-то, товарищи! вскричалъ онъ: ай-да мореходы!.. Срамники вы этакіе! Бога не боитесь: бѣда пришла, такъ вы и въ воду? Вѣдь коли всѣ завалитесь ничкомъ на палубѣ, такъ вѣстимо, намъ не уйти отъ смерти.

— Смерть—посланіе Божіе, тихо отозвался Вавилычъ.

— Да кто тебѣ сказалъ, что это не испытаніе за грѣхи наши?.. На что жъ тебѣ Господь далъ руки и ноги? Коли ты самъ, на улицѣ, сунешься подъ лошадь, а не перебѣжишь дорогу, такъ, вѣстимо, самъ себя и убилъ. Отмахивайся отъ бѣды, пока въ моготу. Такъ и тутъ: еще не совсѣмъ бѣда прихлопнула, время не ушло, спастись можно.

— Спастись? Какъ спастись, Михей Власьичъ? глаголь... глаголь! вскричалъ подъячій, очнувшійся при одной мысли о спасеніи. Сохранимъ животъ свой и не предадимъ его алкающей смерти.

— Научи! сказалъ самоѣдъ, выброшенный впередъ ударомъ ледяной глыбы, набѣжавшей на шняку.

— Просто, товарищи, не робѣй только, да поворачивайся живѣе.. Идите всѣ внизъ, забирайте что можно: порохъ, съѣстное, моржовки *. Свалимъ все на первую льдину, сами переберемся на нее...

— И поплывемъ! съ радостною улыбкою замѣтилъ Климъ Ѳомичъ.

— Поплывемъ! поплывемъ! отозвались Вавилычъ и самоѣдъ.

— Вѣстимо, продолжалъ солдатъ.. а тамъ, Богъ не безъ милости, какъ-нибудь выберемся къ берегу...

— Да онъ же и недалеко, какъ мнѣ кажется, подхватилъ Вавилычъ; мы теперь въ Карскихъ-Воротахъ и недалече отъ Новой-земли...

— Ну, такъ къ дѣлу!..

— Къ дѣлу! къ дѣлу! Благослови Господи!.

---

* Винтовки, которыми бьютъ моржей.

Спустя четверть часа, ободренные несчастливцы, съ небольшимъ запасомъ сухой трески, съ двумя парами багровъ и топоровъ, лишенные средствъ достать въ затопленныхъ шакшахъ порохъ и винтовки, перебрались на льдину. Вырубивъ удобныя для помѣщенія впадины въ своемъ новомъ суднѣ, промышленики оттолкнулись отъ шняки и счастливо миновавъ подвижную гряду льдовъ, вышли въ открытое море..

Между тѣмъ, легкій дотого вѣтеръ начиналъ крѣпчать, усиливаясь съ каждою минутою. Густая вьюга, или *пурга*, какъ называютъ ее поморяне, закрутилась облаками надъ моремъ, и скоро непроницаемый мракъ, возмущаемый визгомъ и ревомъ волнъ, раскинулся надъ океаномъ. Льдина, какъ оснащенное судно, зарываясь въ волнахъ, быстро летѣла впередъ, готовая, казалось, разсыпаться каждое мгновеніе подъ ударами бѣшеной волны. Оглушительный вой вѣтра, визгъ вьюги и шумъ вспѣненнаго океана, лишали промышлениковъ всякой возможности подать другъ другу голосъ. Молча, съ замирающимъ отъ ужаса сердцемъ, окостенѣвшіе отъ холоду и облитые водою, несчастные, въ какомъ-то мертвенномъ оцѣпененіи, ждали послѣдней своей минуты... Вдругъ послышался ударъ, потомъ другой... льдина дрогнула, сбросила съ боковъ своихъ нѣсколько зыбкихъ осколковъ и, кружась, тихо поплыла впередъ. Удары, теперь уже довольно легкіе, только задерживавшіе ходъ льдины, безпрестанно раздавались около нея. Въ ту же минуту стихъ шумъ волнъ и вѣтра. Этотъ страшный и быстрый переходъ отъ сокрушительнаго завыванья урагана къ необыкновенной тишинѣ поразилъ и изумилъ несчастныхъ пловцовъ.

— Живъ ли, Михей Власьичъ? спросилъ подъячій, дрожа отъ ужаса.

— Живъ. А ты?..

— Не вѣдаю, чему сія диковина приличествуетъ?..

— А что, ужъ ты думаешь, не попали ли мы во чрево китово?..

— Вскую же глумишься надо мною, Михей Власьичъ: воистину диковина великая есть!

— Именно, диковина великая. Богъ помиловалъ насъ грѣшныхъ, мы во льдахъ!

— Какъ!.. затерты?.. вскричалъ подъячій.

— Ну, да... Ушли отъ вѣтра и волны ... здѣсь отстоимся, а на утро, Богъ дастъ, погода стихнетъ, льды отойдутъ...

— И потомъ на берегъ!

— Ну, какъ случится, отозвался Вавилычъ, — можетъ еще трепанетъ насъ порядкомъ, если здѣсь не раздавитъ...

— Не раздавитъ, сказалъ служака: не надо только дремать, да

покрѣпче держись; если сильно стукнемся или гдѣ-нибудь прижметъ — тогда сейчасъ за багоръ, да и на сосѣднюю льдину.

На этомъ предметѣ разговоръ завязался между двумя старыми промышлениками. У каждаго изъ нихъ довольно было на памяти подобныхъ примѣровъ; было о чемъ вспомнить, чѣмъ размыкать горе настоящаго положенія. Бесѣда, поддерживаемая и другими лицами, длилась наконецъ дотого, что, не смотря на понедѣльникъ, Вавилычъ предложилъ выпить по чарочкѣ. Запасливый служака, перебираясь со шняки на льдину, не забылъ боченка съ пѣннымъ, и потому, всегда снисходительный на подобную ласку, онъ тотчасъ же принялся хозяйничать. Чара пошла по рукамъ бѣдствующихъ. Скоро тоска не много отлегла отъ сердца промышлениковъ, продрогнувшее тѣло ихъ согрѣлось нѣсколько, и неизбѣжное слѣдствіе лишней чарки — дремота начала одолѣвать бѣдныхъ пловцовъ. Самоѣдъ захрапѣлъ первый, за нимъ Вавилычъ и подъячій, укутавшись въ свои влажные совики, прилегли на льдину; не спалъ одинъ только служака; не одну грозную ночь скороталъ онъ въ былое время, также на шагъ отъ смерти и бѣды; не одинъ разъ, измученный безсонницею и трудами походной жизни, онъ бодро ходилъ на встрѣчу опасности и новому труду. Теперь, какъ и прежде, Михей Власьичъ, разогрѣвъ старую кровь свою, былъ почти доволенъ настоящимъ положеніемъ и, мало заботясь о его непрочности, безпечно затянулъ пѣсню...

— Кого эвто ты, медвѣдей или тюленей потѣшаешь, Михей Власьичъ?—спросилъ въ просоньи разбуженный Вавилычъ.

— Да, тебя и подъячаго, дружище! — отозвался служака. Если вы, мокрые моржи, еще будете спать, такъ мнѣ пріидется спѣть вамъ похоронную ... слышишь, аль нѣтъ? Вѣдь, вотъ, какъ хватитъ вамъ въ бокъ, нежданно - негаданно, какая-нибудь сосѣдка, такъ вы словно сухой листъ съ осины и посыпитесь въ воду.

— Правду молвишь, Власьичъ: но не вмоготу только, дремота-то больно сильна...

— Ну, совладай какъ ни на есть съ нею, осиль ее... Ты, приказная кавыка — продолжалъ служака — чего нос-отъ ущемилъ въ совикъ. Слышь, Климъ Ѳомичъ, проснись! тебѣ говорю.

— Ась? . чего?.. тонемъ? вскричалъ подъячій, подпрыгнувъ на мѣстѣ.

— Нѣтъ еще, а случиться можетъ, если не перестанешь спать.

— Да когда око слѣпотствуетъ, будто сластью медовою намазанное...

— Пріободрись...

— Да немощенъ есть, всяческое бодреніе — не властно...

— А вотъ я тебя попотчую травой — будилкой...

— Разумно вздумано, давай-ко, Михей Власьичъ...

— Изволь; только какъ, голова, передать тебѣ тавлинку? сколько, ползкомъ недоберешься; пожалуй и свихнуться недолго. Слышь, Вавилычъ, продолжалъ служака, услужи братъ: передай тавлинку приказному.

— Съума ты спятилъ, служивый!.. чтобы я взялся за эту окаянную посудину...

— Полно, Вавилычъ, замѣтилъ подъячій: въ семъ казусѣ всякое мудрованіе прилично; подумай, что черезъ зеліе сіе я обрящу спасеніе.

— Важная притча!.. Какой искусъ велитъ мнѣ идти за твою грязную душенку въ адъ кромешный...

— Охъ, ты!.. прямой раскольникъ! проворчалъ обиженный Климъ Ѳомичъ: и въ челюстяхъ смерти не силенъ смирить своего злонравія; передай, что ли...

— Не хочу...

— Волкъ ты блудный, семя неразумное ... помысли, коль велика и многостроптива твоя злокачественность!..

— Ладно — толкуй себѣ... А коли охота пришла испортить носъ, такъ потянись самъ, за табачищемъ, нюхоблудъ...

— Вскую же ты изрыгаешь на меня всякую скверну и важденіе, хулитель! . Вѣждествую, что не исправимъ ты есть ... и творю тебѣ прощеніе.

— Спасибо на милости...

Спорящіеся смолкли на минуту; но неугомонный Климъ Ѳомичъ не могъ хранить долгаго молчанія и снова началъ:

— Передай, что́ ли, Вавилычъ!.. Ктому же и самъ ты, обуренный сномъ, можешь въ волнахъ сихъ пріять смерть. Помысли: великое добро сотворишь, если вкусишь самъ зелія табачнаго и чиханіемъ доброгласнымъ изгонишь дремоту.

— Отвяжись, пустозвонъ! сказалъ Вавилычъ.

— А вѣдь и впрямъ, старина, подхватилъ служака, — онъ говоритъ правду! нюхнулъ бы малую-толику.

— И, ни-ни!

— Чего, ни-ни! смотри, вѣдь такъ и кланяешься, словно прощенья у насъ просишь... Ей, нюхни...

— Не могу, лучше погибну, чѣмъ оскверню свои пальцы и носъ.

— Ну, такъ хоть не заѣдай радости у другаго: передай тавлинку Климу Ѳомичу.

— Вавилычъ! — подхватилъ приказный — благоволи же на сію милость, многократно здравія пожелаю тебѣ за добро, тобою содѣянное...

Вавилычъ молчалъ; замѣтно было, что покорность таварища готова была пересилить въ немъ невѣжество и грубую закоренѣлость. Климъ Ѳомичъ, прозорливый, какъ бывшій дѣлецъ, понялъ волненіе и шаткость желаній стараго раскольника и снова, еще болѣе вкрадчивымъ голосомъ, повторилъ свою просьбу.

— Ну, инъ быть такъ! рѣшительно сказалъ старикъ: давай, Власьичъ, тавлинку; грѣхъ и скверна на душѣ вашей ...

— Пусть такъ! отозвался приказный, принимая завѣтный зеленчакъ изъ дрожащихъ рукъ Вавилыча.

И едва только успѣлъ онъ поднести къ носу первую щепоть табаку, какъ что-то тяжелое упало въ воду, рядомъ съ льдиною. Испугъ лишилъ рукъ Клима Ѳомича и раскрытая тавлинка покатилась внизъ, по ребрамъ льдины.

— Что это? вскричалъ подъячій, слышите?..

Но никто не отвѣчалъ на слова его. Общее предчувствіе близкой бѣды навѣяло страхъ и ужасъ на товарищей приказнаго. Опытные мореходы, они угадали по плеску въ минуту стихнувшей волны, что въ воду упалъ не кусокъ оторвавшейся льдины ... Дѣйствительно, не прошло и мгновенія, какъ тяжелое дыханіе и потомъ протяжный ревъ, раздались у основанія льдины ...

— Ошкуй! ошкуй! * вскричали служака и Вавилычъ.

— Ошкуй! съ невыразимымъ ужасомъ повторилъ подъячій.

— Ошкуй! гдѣ? Давайте топоръ! отозвался проснувшійся самоѣдъ.

— Лучше сначала принять его баграми! замѣтилъ служака .. Ну, не робѣй, братцы!.. Струсимъ — всѣмъ несдобровать!.. Суматоха на льдинѣ сдѣлалась общею: кто хватался за топоръ, кто за багоръ. Одинъ только Климъ Ѳомичъ, творя молитву, свернулся какъ сурокъ въ своей ямѣ и укрывая голову совикомъ, готовъ былъ, по своей львиной храбрости, безъ бою уступить свое тѣло звѣрю. Между тѣмъ, медвѣдь, цѣпляясь за гладкое ребро льдины и пытаясь взобраться на верхъ, съ глухимъ рычаньемъ обрывался въ волны и отъ его сильныхъ толчковъ льдина вертѣлась и дрожала какъ плошка.

— Бей его баграми!.. вотъ онъ, здѣсь! вскричалъ самоѣдъ, безстрашно повиснувъ на закраинѣ своего шаткаго судна.

Три багра свиснули въ воздухѣ, и будто направленные одною рукою, достигли цѣли ... Громкій и протяжный ревъ раненаго звѣря

---

* Такъ поморцы называютъ бѣлаго медвѣдя.

не испугалъ, но ободрилъ смѣлыхъ промышлениковъ, испытавшихъ первую удачу.

— Бей еще, братцы! сказалъ Вавилычъ, — изнамѣрься только хорошенько.

— Его нѣтъ, замѣтилъ самоѣдъ.

— Да, да, подсказалъ служака — звѣрь нырнулъ ... онъ зайдетъ съ другой стороны.

— Э ... плохо! отозвался Вавилычъ; тамъ ребро льдины уступами ... онъ доберется до насъ ...

— Не робѣй, товарищи; бери топоры, только не бросайся разомъ: выжди время, выгляди косматую голову, да и руби, благословясь, въ черепъ. Кто первый? сказалъ Власьичъ.

— Я! давай топоръ! отозвался самоѣдъ. Дѣло бывалое: въ позапрошлую зиму, на Колгуевѣ, одинъ отъ двухъ отдѣлался.

Съ этими словами храбрый дикарь, вооруженный топоромъ, осторожно сползъ на одинъ уступъ, ниже верхней площадки льдины, сбросилъ на землю совикъ и шапку и, затаивъ дыханіе, какъ неподвижный кусокъ льдины, оставался на мѣстѣ нѣсколько мгновеній, смѣло выжидая врага. Снова дрогнуло убѣжище промышлениковъ, пронзительное фырканье и сердитое рычанье сказали о близкомъ присутствіи звѣря.

— Не робѣй! шепнулъ Вавилычъ, нагнувшись къ самоѣду.

— Тс! молчи ... близко .. отозвался послѣдній.

— Гдѣ?

— Лапы вижу ... молчи!

— Руби лапы . .

— Тс ... голова!

И вслѣдъ затѣмъ мертвое молчаніе, страшное и ужасное, по общему положенію дѣйствующихъ, воцарилось во льдахъ.

Громадной величины звѣрь, осторожно, какъ будто подслушавъ и разумѣя слова промышлениковъ, медленно выказалъ надъ обрывистою закраиною свою продолговатую морду, повелъ ею вокругъ, обнюхалъ воздухъ, и скрылся ...

— Что? въ полголоса спросилъ служака.

— Спрятался, плутъ ... Чу! хитеръ ... перебирается на вашу сторону ...

— Ну, такъ стой ... не сходи съ мѣста ... я его попотчую! сказалъ Вавилычъ ...

— Не тронься! быстро отозвался самоѣдъ ... ты прямо ввалишься ему въ пасть. Я его выслѣдилъ, — я и бью ...

Снова согнувшись, дикарь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и почти столкнулся съ страшнымъ врагомъ своимъ...

— Не зѣвай! крикнулъ онъ . . Топоры! Пронимаю...

Топоръ свистнулъ, мелькнулъ въ воздухѣ и по обухъ врѣзался въ черепъ медвѣдя...

— Битъ! есть! повторилъ самоѣдъ...

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать шагъ назадъ, жестоко раненый звѣрь съ оглушительнымъ ревомъ прянулъ на заднія лапы и бросился на врага своего...

— Сжалъ! рветъ!.. бейте его! кричалъ задыхающійся храбрецъ, смятый въ могучихъ лапахъ медвѣдя...

Вавилычъ и служака бросились было на помощь товарища, но звѣрь и человѣкъ, закрутившись по льдинѣ, рухнули уже въ море... Глухой ревъ и протяжный стонъ раздались въ молчаніи ночи.. И снова, легко взволнованная струя океана, обнявшись надъ своими жертвами, потекла обычнымъ путемъ своимъ...

— Погибъ молодчина! печально сказалъ Вавилычъ.

— Царство ему небесное и покой вѣчный! отозвался подъячій, трепетно вслушивавшійся во всю происходившую подлѣ него сцену. Ну, а ошкуй? спросилъ онъ.

— Тамъ же, гдѣ и самоѣдъ, отвѣчалъ служака.

Опечаленные нѣсколько потерею славнаго товарища, промышленики въ нѣмомъ молчаніи, занятый каждый своими мыслями, имѣвшими впрочемъ общую цѣль, дождались зари.

Только бури и ураганы, въ полярныхъ странахъ, растягиваютъ лѣтнія ночи. Обыкновенно въ штиль и ясную погоду, солнце еще не успѣетъ окунуться въ волнахъ океана на западѣ, — какъ пурпуровая заря на востокѣ сказываетъ о близкомъ днѣ.

Едва только розовая тѣнь утра легла дымчатою полосою на вершинахъ громадныхъ льдовъ, какъ грозныя тучи минувшей ночи, разорванными клочьями, точно стада гагъ, которыя обогощаютъ Колгуевъ своимъ нѣжнымъ пухомъ, разбѣжались по небу, очистивъ совершенно горизонтъ... Утренніе лучи солнца свѣтлыми иглами прорѣзали туманную даль океана, открывъ взгляду промышлениковъ узкій проходъ въ тѣснинѣ неподвижныхъ льдовъ.

Искреннею молитвою привѣтствовали пловцы тихое и спокойное утро океана. Не теряя времени, при помощи багровъ, они направили впередъ свою льдину, и быстро двинулись въ путь, не зная, куда ведетъ онъ ихъ — къ гибели или спасенію. Съ каждою саженью ихъ плаванія,

тѣснина расширялась все болѣе и болѣе, и наконецъ, еще не совсѣмъ стихшая поверхность океана открылась ихъ взгляду..

Можно себѣ представить восторгъ и счастіе странниковъ, когда, въ далекой синевѣ тумана, имъ показались блѣдныя фигуры городскихъ строеній...

— Батюшки! отцы и кормильцы! вскричалъ подъячій: днесь великое диво совершается въ очахъ нашихъ; принимаю всяческую напасть на себя и подставляю всякому свою потылицу, если сей градъ — не градъ Пустозерскъ!

— Ну, братъ, трудно вѣрится, замѣтилъ Вавилычъ... эвто не Пустозерскъ...

— Хе! а по твоему разумѣнію какой ни на есть аглицкій портъ, сирѣчь становище? съ усмѣшкою спросилъ подъячій.

— Скаль зубы-то, сколько хочешь, продолжалъ старикъ, а всё-таки это не Пустозерскъ.

— Вѣстимо, голова, вмѣшался служака,—твой Пустозерскъ у тебя за потылицей, какже онъ могъ случиться передъ носомъ, когда мы идемъ теперь къ ночи (къ севѣру)?... Да и забылъ ты, что вчера вечеромъ мы ужъ были на траверзѣ Колгуева... Больно скоро плаваешь, приказный!

— Ну-съ, а какое же сіе видѣніе? прошу истолковать внушительно... Ну-съ, извольте, рцыте!

— Рцыте! презрительно сказалъ Вавилычъ: и говоришь-то какъ-то не по-людски...

— Сану моему не подобаетъ глаголати инаково...

— По человѣчески-то! не подобаетъ?...

— А развѣ я выражаю чувствованія мои и идеи мудрыя по звѣриному?.. Я выражаюсь высоко и слово мое, аки горняя птица, витаетъ, недосягаемая для очей вашего разума!

— Вотъ какъ!..

— То-то, такъ! Ты, вотъ, объясни, какой градъ сей?

— Обожди маненько; дай *опятнать* * берегъ, тогда скажу.

Между тѣмъ, съ каждымъ движеніемъ льдины впередъ, туманъ рѣдѣлъ постепенно и, наконецъ, когда онъ совершенно разсѣялся, внимательному, полному тоскливаго и тревожнаго ожиданія взгляду промышлениковъ вырисовался въ отдаленіи низменный берегъ. Купы зеленаго кустарника вились по его закраинѣ, отражаясь въ спокойной поверхности моря, за ними желтою змѣйкою взбѣгала на-гору дорога, по сто-

* Опятнать — обозначить мѣстное выраженіе.

ронамъ которой тамъ и сямъ раскидывались ветхія хижины. Направо, у обрывовъ горы, чернѣлись между стройными соснами и пушистыми ивами кресты сельскаго кладбища. Налѣво, какъ бы за предмѣстьемъ, которое составляли передовыя хижины, стройно вытягивалась обширная улица города, застроенная чистыми домиками. За ними, на склонѣ горизонта, блисталъ крестъ православной церкви.

Декорація этого ландшафта навѣяла отраду и восторгъ на души страдальцевъ. Съ воплемъ радости они бросились въ объятія другъ другу — и снова устремили глаза, полные слезъ, къ берегу, въ которомъ видѣли близкое спасеніе и конецъ всѣхъ бѣдъ своихъ.

— Десять лѣтъ хожу въ этихъ мѣстахъ, а такого города не видывалъ, сказалъ Вавилычъ, протирая глаза. Или зрѣніе ужъ плохо, или, право слово, ужъ нашъ ли эвто городъ ... можетъ какой ни на есть другой націи ...

— Нашъ, нашъ Вавилычъ! подхватилъ солдатъ: сердце вѣщунъ!

— Еще бы! сказалъ Климъ Ѳомичъ. Вонъ и крестъ сіяетъ во облацѣ на церкви !.. Только, что это... плывемъ, плывемъ, а градъ сей словно на попятный утекаетъ отъ насъ... да и ...

На этомъ *и* раскрытый ротъ подъячаго остался безъ движенія и только морганіе глазъ его выказывало, что искаженная физіономія приказнаго выражаетъ крайнее изумленіе.

— Ну, что ты? спросили старики, поглядывая въ недоумѣніи то на зеленый берегъ, то на раскрытый ротъ Клима Ѳомича.

— Да какже, зрите: вѣдь крестъ былъ ... мы его обрящли ... гдѣ же онъ витаетъ теперь ?..

И въ самомъ дѣлѣ, крестъ, ярко горѣвшій въ лучахъ утренняго солнца на церкви, исчезъ совершенно. Вскорѣ, какъ бы легкій туманъ спустился надъ берегомъ; въ немъ, сначала, постепенно блѣднѣя, исчезла задняя декорація; ландшафта ... потомъ кладбище, наконецъ предгорье, и скоро, едва замѣтною полосою, какъ бы подымаясь вверхъ вмѣстѣ съ туманомъ, только блѣдно зеленою каймою рисовался далекій берегъ ...

— Что же это такое? почти со стономъ прошепталъ Климъ Ѳомичъ . .

— Ничего больше, какъ наважденіе, спокойно отозвался Вавилычъ: такъ и зналъ, что эвто, просто, наважденіе ... это, братцы *марево* *. вотъ оно што !..

---

* *Марево*, явленіе отъ преломленія лучей, извѣстное вообще подъ назвваніемъ миража. О подобныхъ явленіяхъ въ полярныхъ моряхъ говорятъ многіе путешественники и особенно замѣчаетъ о нихъ въ своихъ запискахъ капитанъ (нынѣ Вице-Адмиралъ) Литке.

— Марево! марево! поникнувъ печальной головой, грустно повторяли промышленики. Но въ то же мгновеніе радостный вопль ихъ привѣтствовалъ новое видѣніе, хотя не такъ роскошное по своей обстановкѣ, но болѣе вѣрное и дѣйствительное!..

— Новая земля! Новая земля! крестясь и протягивая впередъ руки, шептали они.

Дѣйствительно, какъ я сказалъ, послѣднее явленіе не было слѣдствіемъ обманчиваго дѣйствія рефракціи полярнаго солнца. И на этотъ разъ, въ томъ же разсѣявшемся туманѣ обрисовался безжизненный и ровный берегъ острова новой земли. Скудный *шальникъ* *, какъ будто поломанный бурею, стлался по землѣ, исчезая у подошвы горъ, которыя, взбѣгая по севѣрозападному берегу, все выше и выше, замыкались громадною вершиною *Первоусмотрѣнной* **. Легкій туманъ носился надъ этими горами, играя и переливаясь въ сотнѣ цвѣтовъ подъ яркими лучами солнца. У береговъ, на разбросанныхъ льдинахъ, юравы (стада) неподвижныхъ моржей и нѣсколько рѣявшихъ надъ ними тулапановъ ***, служили единственными представителями жизни этого суроваго по природѣ и печальнаго по наружности острова.

Какъ бы сговорившись, промышленики взялись разомъ за багры, и, ободряя другъ друга голосомъ и взглядомъ, принялись за работу...

III.

День вечерѣлъ, когда наши промышленики оставили свою льдину и перебрались на островъ. Скоро миновалъ ихъ восторгъ, когда мертвая, безжизненная и бѣдная пустыня, гдѣ не слышалось ни звука, ни голоса живаго существа, гдѣ не мелькало ни одной свѣжей травки, напоминала имъ о той печальной и страдальческой жизни, полной лишеній и новыхъ бѣдъ, какую они должны будутъ проводить здѣсь.

Не унывалъ теперь только одинъ Вавилычъ, бывалый мореходъ и хорошо знакомый съ островомъ.

— Ну, перекрестись, братцы! сказалъ онъ, да и пойдемъ... По южнѣе должны быть двѣ избы, тутъ, какъ-то, я помню, лѣтъ пятокъ назадъ было становище мезенскихъ звѣролововъ.

---

* мелкій кустарникъ—единственное растеніе острова,

** Гора, по опредѣленію штурмана Пахтусова, возвышающаяся на 1800 ф.

*** Порода чаекъ.

— Вотъ бы исполнились сердца наши радостію великою, еслибы да могли мы обрящить пепелища сихъ звѣробоевъ, сказалъ Климъ Ѳомичъ.

— Не худо бы! поддакнулъ служака, взваливая на плечи свою драгоцѣнную ношу—на половину убавленный боченокъ съ пѣннымъ.

Скитальцы двинулись впередъ къ ущелью, за которымъ, по разсчету Вавилыча, должно было встрѣтить пристанище, хотя необитаемое, но тѣмъ не менѣе отрадное и драгоцѣнное для нашихъ бѣдныхъ промышлениковъ.

Чѣмъ далѣе уходили промышленики внутрь острова, тѣмъ замѣтнѣе исчезала на немъ жалкая и скудная растительность. Только голыя скалы, увѣнчанныя снѣгомъ и обсыпанныя на уступахъ сѣрымъ камнемъ, казавшимся чернымъ при ослѣпительной бѣлизнѣ вершинъ,—виднѣлись направо и налѣво. Дикія птицы, залетныя гостьи новой земли, возмущенныя близкимъ шелестомъ, съ визгомъ вылетали изъ разсѣлинъ горъ, направляя тревожный полетъ свой къ морю.

— Смотри-ко, братцы! вскричалъ Вавилычъ: да вѣдь на островѣ-то есть люди ...

— А како мнится сіе?

— Кто тебѣ сказалъ, Вавилычъ?..

— Да поглядите: вотъ свѣжіе слѣды на землѣ ...

— И впрямъ, отвѣчалъ старый солдатъ, внимательно разглядывая указанный слѣдъ. Только, продолжалъ онъ, не будь этотъ слѣдъ похожъ на сапогъ, я бы, по величинѣ его, право, принялъ за медвѣжій. Пойдемте же по этимъ слѣдамъ!

— Пойдемте! впередъ!

И обрадованные промышленики почти бѣгомъ пустились впередъ по проторенной въ тѣснинѣ тропинкѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, они завидѣли вдали избу, обнесенную частоколомъ. Направо, почти у самаго частокола, возвышались двѣ свѣжихъ насыпи, съ поставленными на нихъ крестами.

— Вотъ, кто-то далеко отъ родной деревни, на чужбинѣ, сложилъ свои косточки! замѣтилъ служака.

— И вѣрно, нашъ братъ, промышленикъ.

— Отважный пловецъ бурныхъ морей сихъ! подхватилъ краснорѣчивый Климъ Ѳомичъ.

— Ну-ка, сыщемъ ли кого? Благослови Господи! сказалъ старикъ вожатый, подходя къ избѣ.

Не нужно было отвѣчать на вопросъ Вавилыча, когда промышленики переступили порогъ избы. Только-что истопленная печь и въ ней нѣ-

сколько камней, на которыхъ лежалъ кусокъ жареной оленины, свѣжія шкуры медвѣдя, брошенныя на лавкахъ, да пара моржевокъ, приставленныхъ въ уголъ, какъ нельзя болѣе ручались за обитаемость хижины. Однако хозяина въ ней не было. Не смотря на это, изнуренные голодомъ, промокшіе до костей и усталые скитальцы — безъ церемоніи поснимали свои совики и лопты, развѣсивъ ихъ у печки. Вавилычъ бросился на лавку, въ то время, какъ Климъ Ѳомичъ, обладавшій замѣчательнымъ обоняніемъ и прозорливымъ глазомъ, устремилъ все свое вниманіе на жареную оленину.

— А вотъ, Михей Власьичъ, намъ и потрапезовать есть чѣмъ, сказалъ онъ. Съ этими словами подъячій уже готовъ былъ взяться за оленину, какъ громко зарокотавшій въ горахъ выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ раненый олень, промчавшійся у порога избы, уничтожили его аппетитъ.

— Э! сказалъ онъ, да тутъ обитаютъ наши совоинственники, съ пищалями и самопалами.

— А вотъ увидимъ ... кажется, кто-то подходитъ къ избѣ.

Дверь скрыпнула на ржавыхъ петляхъ и на порогѣ ея показался сухой и блѣдный старикъ. Не смотря на сгорбленный станъ его, ростъ незнакомца могъ казаться необыкновеннымъ. И когда сѣрые, мрачные глаза его блеснули улыбкою при встрѣчѣ нежданныхъ гостей, Власьичу показалось что-то знакомое въ чертахъ пришельца.

— Ба, ба! вскричалъ онъ — старый знакомый!..

— Развѣ ты знаешь меня? спросилъ старикъ, окидывая внимательнымъ взглядомъ служаку и его товарищей.

— Еще-бы!... ты-то меня не знаешь, а я тебя помню. Вѣдь, братъ, землянку-то въ Анапѣ мы съ тобой вмѣстѣ штурмовали. Эге! я еще не забылъ, какъ ты размашисто работаешь прикладомъ.

Казалось, слова Власьича вызвали какое-то непріятное и тревожное воспоминаніе въ душѣ старика. Онъ медленно и въ какомъ-то раздумьи кивнулъ головою, какъ бы говоря этимъ: да, это такъ.

— Вотъ гдѣ довелось встрѣтиться! продолжалъ служака ... Тебя какъ занесло сюда?..

— Длинна исторія. Вотъ спасибо вамъ, что вы пришли на мой сигналъ.

— На твой сигналъ? спросилъ Вавилычъ.

— Ну да, развѣ не ваша шняка подъ всѣми парусами гуляла вчера у острова и сегодня еще утромъ виднѣлась за льдами?

— Нѣтъ, голубчикъ, нашу шняку вчера вечеромъ расколотило въ

щепы, недалеко отъ Колгуева, а сегодня мы приплыли сюда на льдинѣ.

— Вѣрно, точно также случилось и съ тобою, старый товарищъ? спросилъ Власьичъ.

— Да. Только, я думаю, вамъ была сюда дорога, а мнѣ ужъ никакъ, съ примѣтною грустью отвѣтилъ старикъ.

— Такъ за чѣмъ же ты здѣсь?...

— Ровно шесть мѣсяцевъ, каждый день и каждый часъ я спрашиваю себя объ этомъ, и тяжело мнѣ, и горько отвѣчать самому себѣ. Не русскій я, но пришелъ къ русскимъ издалека, чтобы взглянуть въ землѣ ихъ на могилу моего земляка, или поглядѣть на его исхудалое, изможденное горемъ и тоскою тѣло, которое, вѣрно, скоро сляжетъ въ эту никѣмъ не оплаканную могилу ... Есть у васъ островъ, куда, говорятъ, всѣ ваши христіане приходятъ молиться святымъ?

— Таковой обрѣтается на Бѣломъ морѣ и Соловецкимъ нарѣченъ, сказалъ Климъ Ѳомичъ.

— Такъ .. да ... теперь вспомнилъ ... Соловецкій! На этомъ островѣ тотъ, кого ищу я.

— Да, ктожъ бы это? спросилъ Власьичъ. Ужъ не тотъ ли ... какъ его ... татаринъ-то ... Шихъ - Мансуръ!..

При этомъ имени глаза старика засверкали, какъ раскаленный уголь.

— А ты развѣ знаешь его? спросилъ онъ, не скрывая своего волненія.

— Еще бы!... Говорятъ же тебѣ, что я штурмовалъ въ Анапѣ его землянку ... я же его и конвоировалъ. Да чего лучше: назадъ тому нѣсколько дней, вотъ ихъ спроси, — даже и бесѣдовалъ съ нимъ.

— Такъ онъ живъ?..

— Да что ему дѣлается!.. Пища хорошая, во всемъ спокой ... домишко есть ... садикъ ... инвалидъ все подастъ, принесетъ, уберетъ ... живи, хоть пѣсни пой ... Ну, да провалъ его возьми!... разсказывай, какъ ты-то сюда попалъ? — заключилъ служака.

— Ты хочешь знать? отозвался старикъ послѣ недолгаго молчанія и раздумья. Изволь, слушай. Въ Пустозерскѣ, кормщикъ шняки мѣщанина Назарова, за небольшую плату взялся меня доставить на Соловецкій островъ. Едва только мы вышли въ море, какъ начались противные вѣтры, а потомъ и штормы. Въ нѣсколько дней шняку раскачало дотого, что она едва могла держаться на волнахъ, и чтобы не погибнуть, мы, по общему согласію, спустились къ Колгуеву. Въ ту же ночь, затертые льдами, потеряли судно и въ числѣ трехъ человѣкъ, съ небольшимъ запасомъ пороху и хлѣба, на льдинахъ достигли этого берега. Жестокая зима встрѣтила насъ здѣсь. Уцѣлѣлъ я только одинъ, товари-

щи мои умерли, и я схоронилъ ихъ подлѣ этой избы. Послѣдній изъ нихъ, умирая, просилъ, чтобы я поставилъ кресты на ихъ могилахъ, говоря, что если когда-нибудь здѣсь будутъ православные, то они узнаютъ могилу земляка и помолятся надъ ней... Два мѣсяца, безъ нихъ, одинъ, какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ, готовый почти отвыкнуть отъ человѣческаго языка, бродилъ я здѣсь, и день, и ночь по скаламъ и по берегу моря, и только въ первый разъ замѣтилъ вчера парусъ. Не теряя ни минуты, я бросился на скалы и разложилъ огонь: шняка мелькнула у берега, и, какъ будто бы раздражая мою тоску и мое отчаяніе, снова изчезла въ морѣ. Сегодня утромъ, рано, я видѣлъ ее за льдами, но спасителей моихъ нѣтъ.

— Будутъ, отозвался Вавилычъ. Шняка боится въ бурунъ подойти къ берегу; но дай ему утихнуть, и мы спасены.

— Чу! постойте! вскричалъ старикъ... слышали?

— Да! да! радостно повторили промышленики: выстрѣлы! — это насъ зовутъ.

— Одѣвайтесь, братцы! берите моржевки... живо! командовалъ Власьичъ.

— Скорѣй! скорѣй! повторяли всѣ въ голосъ, въ то время, какъ частые выстрѣлы, разсыпаясь громкимъ эхомъ въ прибрежныхъ скалахъ, слышались все ближе и ближе.

Четверо страдальцевъ, обрадованные нежданнымъ и нечаяннымъ благополучіемъ, бросились изъ избы къ берегу моря.

— Такъ, такъ, парусъ!... Господи, Боже мой! парусъ! кричалъ Вавилычъ, первый завидѣвъ шняку и на ней мезенскихъ знакомцевъ...

Есть на сѣверовосточной сторонѣ — Соловецкаго острова Бальденская пристань. Единственный предметъ, который можно замѣтить теперь на берегу ея — это домикъ и изба, построенные для рыбаковъ; но прежде, лѣтъ за шестьдесятъ предъ симъ, берегъ этотъ оставался пустыннымъ и только въ глубинѣ его, у небольшаго озера, расположенъ былъ неискусной постройки домикъ, съ примыкавшимъ къ нему садомъ, болѣе похожимъ на огородъ, обнесенный частою и высокою деревянною рѣшеткою. Домикъ этотъ былъ построенъ для одного чужеземца; со смертію его забыли и домикъ, онъ обветшалъ и время уничтожило его впослѣдствіи. Возвратимся не надолго къ этому прошлому.

Спустя семь дней, послѣ описанныхъ нами сценъ на Новой-Землѣ, рано утромъ, за рѣшеткою сада, въ домикѣ Бальденской пристани, показался мужчина. Средній ростъ его и бодрая, воинственная осанка, выказывали въ немъ силу и какую-то особенную энергію, которой нѣсколько измѣняли блѣдность лица, опушеннаго черною съ рѣдкою просѣдью бородою, и задумчивая неподвижность глазъ. Медленно обойдя гряды, онъ разсѣянно взялъ желѣзную лопату, ловко, безъ всякаго принужденія, перекинулъ ее съ руки на руку, грустно покачалъ головою и, печально улыбаясь, сказалъ по-чеченски довольно громко:

— Работа эта хорошо знакома тебѣ, Шихъ-Мансуръ!... въ садахъ Кизляра ты изучилъ ее ...

— Для того, чтобы съумѣть вырыть себѣ преждевременную могилу! послышались насмѣшливыя слова сзади заключеннаго, сказанныя на томъ же нарѣчіи.

Какъ уязвленный змѣею, Шихъ-Мансуръ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и отпрыгнулъ нѣсколько шаговъ назадъ. Предъ изумленными его глазами, за рѣшеткою сада, выпрямившись во весь свой гигантскій ростъ, стоялъ нашъ знакомый странствователь, котораго мы встрѣтили на Новой-Землѣ.

— Батырь-Ша! прошепталъ мулла, едва приходя въ себя отъ ярости и изумленія.

— Да, Шихъ-Мансуръ, это я, учитель твой ... Не пугайся, я не изъ гроба пришелъ къ тебѣ; ты, кажется, все еще считаешь меня мертвымъ?..

— Нѣтъ, предатель!... послѣ страшной встрѣчи съ тобою въ Анапѣ — я понялъ, что рука моя измѣнила мнѣ ...

— За то, утѣшься — я не измѣнилъ моей клятвѣ, которую далъ тебѣ въ Каратюлеѣ ... и, видишь, вездѣ по слѣдамъ твоимъ ...

— Уйди ...

— Зачѣмъ?.. дай полюбоваться твоею славою, дай досказать тебѣ то, чего не знаешь ты изъ своей исторіи ...

— Все, все знаю! молчи ... не вызывай грознаго прошедшаго ...

— Нѣтъ, не все! Ты знаешь только, что я съ Клычемъ завелъ васъ въ Кизлярскія болота, но никто не сказалъ тебѣ еще того, что я выкупилъ проданнаго тобою брата изъ плѣна, что я выдалъ тебѣ его красавицу Чиркени и вооружилъ на тебя кровнаго и сдѣлалъ его непримѣримымъ врагомъ твоимъ!... А Айканы?...

— Айканы! Айканы! неужели и она повѣрила клеветѣ? Она бросила меня! съ отчаяніемъ вскричалъ Шихъ-Мансуръ.

— Да, когда ее бросили въ Аргунъ. .

— Въ Аргунъ!.. Не лги, Батырь-Ша! не отравляй ядомъ страшной правды, послѣдней, счастливой мысли моего сердца...

— Все для мукъ твоихъ!.. Айканы брошена въ Аргунъ вмѣсто Чиркени, гибель которой она приняла на себя добровольно. Знай, Шихъ-Мансуръ... Пхе! проклятіе! какой ты шейхъ?.. Степной заяцъ, пойманный въ русскій капканъ... Да, Мансуръ, это я увѣрилъ глупую дѣвчонку, что ты разлюбилъ ее и отдалъ ласку и сердце еврейкѣ.

Киргизъ самъ не зналъ о томъ, какъ спасена была Айканы и считалъ ее погибшею. Шихъ-Мансуръ слушалъ послѣднія слова его съ глубокимъ отчаяніемъ. То ужасъ, то ярость попеременно отражались въ глазахъ его... Лицо его было блѣдно, губы дрожали, и наконецъ, невыдержанные слезы, какъ тяжелыя капли растопленнаго свинцу, повисли на рѣсницахъ муллы...

Батырь-Ша захохоталъ...

— Довольно! сказалъ онъ торжественно... Я привелъ тебя къ гибели... я отомстилъ тебѣ ту дерзость, съ которою ты подарилъ мнѣ встрѣчу позорнаго презрѣнія въ степяхъ... Я любовался теперь твоимъ униженіемъ... Страдай, Мансуръ, плачь какъ ребенокъ, рыдай какъ женщина, надъ жалкимъ трупомъ своихъ безумныхъ затѣй! Въ родныхъ степяхъ не откликнутся на вопль твой, и не родной заступъ зароетъ тебя въ чужой землѣ!..

Съ этими словами Батырь-Ша, бросивъ на свою жертву взглядъ презрѣнія, медленно побрелъ къ берегу моря...

И долго, долго, терзаясь всѣми пытками тоски и страданія, глядѣлъ вслѣдъ ему заключенный...